

Научно-
образовательный
и методический
рецензируемый
журнал

ISSN 2223-1277

Человек.
Культура.
Образование

№ 3 (33) / 2019

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина»
(ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина»)

Ministry of Science and Higher Education
Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
“Pitirim Sorokin Syktyvkar State University”
(FSBEI of Higher Education Pitirim Sorokin SyktSU)

Человек. Культура. Образование

People. Culture. Education

Научно-образовательный и методический журнал
Research and instruction journal

*Входит в перечень ведущих рецензируемых изданий ВАК
Минобрнауки РФ (Перечень ВАК)*

*on the list of leading peer-reviewed publications of the Higher Attestation Commission
under the Ministry of Education and Science of the Russian Federation
(Higher Attestation Commission List)*

№ 3 (33) 2019

Сыктывкар
Издательство СГУ им. Питирима Сорокина
Syktyvkar
SyktSU Press
2019

Научно-образовательный и методический рецензируемый журнал
Peer-reviewed research and instruction journal

Учредитель и издатель — федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина»
(167001, Республика Коми, г. Сыктывкар, Октябрьский просп., д. 55)
Founder and publisher — Federal State Budget Educational Institution of Higher
Professional Education “Pitirim Sorokin Syktyvkar State University”
(167001, Komi Republic, Syktyvkar, Oktyabrsky prosp., 55)

12+

PI Media Registration Certificate
No. FS 77-68795 dated 02.17.2017
issued by The Federal Service For
Supervision
Of Communications, Information
Technology, and Mass Media
Journal is registered in the Russian Science
Citation Index
(Registration No. 261-06 of July 7, 2012)
Published since 2011.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ
№ ФС 77-68795 от 17.02.2017 г.
выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Журнал зарегистрирован в РИНЦ
(регистрационный номер
261-06 от 02.07.2012 г.)
Выходит с 2011 г.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Аврамова Ирина Семеновна, доктор педагогических наук, профессор, директор Института музыки, театра и хореографии Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена (Россия, Санкт-Петербург);

Ардашкин Игорь Борисович, доктор философских наук, профессор Национального исследовательского Томского политехнического университета (Россия, Томск);

Бараханова Елизавета Афанасьевна, доктор педагогических наук, профессор Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова (Россия, Якутск);

Бразговская Елена Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (Россия, Пермь);

Дагбаева Нина Жамсуевна, доктор педагогических наук, профессор, директор педагогического института Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова (Россия, Улан-Удэ);

Винокурова Ульяна Алексеевна, доктор социологических наук, профессор федерального государственного бюджетного образова-

тельного учреждения высшего образования «Арктический государственный институт культуры и искусств» (Россия, Якутск);

Гончаров Сергей Александрович, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (Россия, Санкт-Петербург);

Жеребцов Игорь Любомирович, доктор исторических наук, профессор, директор Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (Россия, Сыктывкар);

Забулионите Аудра-Кристина Иосифовна, доктор философских наук, профессор факультета свободных искусств и наук Санкт-Петербургского государственного университета, профессор института музыки, театра и хореографии Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена (Россия, Санкт-Петербург);

Зюзев Николай Федосеевич, доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина, сотрудник Масси Колледж, Торонто (Россия, Сыктывкар; Канада, Торонто);

Йонкус Далюс, доктор философских наук, профессор Университета Витовта Великого, департамент философии и социальной критики (Литва, Каунас);

Коробейникова Лариса Александровна, доктор философских наук, профессор института искусств и культуры Томского государственного университета (Россия, Томск);

Леонов Иван Владимирович, доктор культурологии, институт культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры;

Мангоне Эмилиана, доктор социологии, профессор социологии, культуры и коммуникации университета Салерно, директор международного исследовательского центра «Средиземноморское знание» (Италия, Салерно);

Мосолова Любовь Михайловна, доктор искусствоведения, профессор кафедры теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена (Россия, Санкт-Петербург);

Николс Лоуренс Т., доктор социологии, профессор социологии университета Западной Виргинии, департамента социологии и антропологии (США);

Скотт Тое, доктор философии, профессор Северного университета г. Бодо, член Союза художников Норвегии (Норвегия);

Сурво Арно, доктор философии, профессор, научный сотрудник кафедры фольклористики гуманитарного факультета университета Хельсинки (Финляндия, Хельсинки);

Сурво Вера Викторовна, доктор философии, профессор, исследователь кафедры этнографии гуманитарного факультета университета Хельсинки (Финляндия, Хельсинки);

Тульчинский Григорий Львович, доктор философских наук, профессор департамента прикладной политологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург (Россия, Санкт-Петербург);

Туманян Тигран Гургенович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Востока Санкт-Петербургского государственного университета (Россия, Санкт-Петербург);

Шабает Юрий Петрович, доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором этнографии института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (Россия, Сыктывкар);

Шадрина Ирина Михайловна, доктор педагогических наук, профессор Мурманского арктического государственного университета (Россия, Мурманск);

Шапинская Екатерина Николаевна, доктор философских наук, профессор, заместитель руководителя Экспертно-аналитического центра развития образовательных систем в сфере культуры Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева (Россия, Москва);

Эрдынеева Клавдия Гомбожаповна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики Забайкальского государственного университета (Россия, Чита).

EDITORIAL BOARD

Avramkova Irina Semenovna, Doctor of Education, Professor, Director of the Institute of Music, Theater and Choreography, Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia, Saint Petersburg);

Ardashkin Igor Borisovich, Doctor of Philosophy, Professor. Tomsk Polytechnic University (Russia, Tomsk);

Barakhsanova Elizaveta Afanasevna, Doctor of Education, Professor. M. K. Ammosov North-Eastern Federal University (Russia, Yakutsk);

Brazgovskaia Elena Evgenevna, Doctor of Philology, Professor. Perm State Humanitarian Pedagogical University (Russia, Perm);

Dagbaeva Nina Zhamsuevna, Doctor of Education, Professor, Director of The Pedagogical Institute, Banzarov Buryat State University (Russia, Ulan-Ude);

Vinokurova Uliana Alekseevna, Doctor of Sociology, Professor. Arctic State Institute of Culture and Arts (Russia, Yakutsk);

Goncharov Sergei Aleksandrovich, Doctor of Philosophy, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation (Russia, Saint Petersburg);

Zherebtsov Igor Liubomirovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Institute of Language, Literature and History. Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, Syktyvkar);

Zabulionite Audra-Kristina Iosifovna, Doctor of Philosophy, Professor of the Faculty of Liberal Arts and Sciences, St. Petersburg University; Professor of the Institute of Music, Theater and Choreography, Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia, Saint Petersburg);

Ziuzev Nikolai Fedoseevich, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Cultural Science and Anthropology of Education, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University; employee of Massey College in the University of Toronto (Russia, Syktyvkar; Canada, Toronto);

Jonkus Dalius, DSc in Philosophy, Professor. Department of Philosophy and Social Critique, Vytautas Magnus University (Lithuania, Kaunas);

Korobeinikova Larisa Aleksandrovna, Doctor of Philosophy, Professor. Institute of Arts and Culture, Tomsk State University (Russia, Tomsk);

Leonov Ivan Vladimirovich, Doctor of Cultural Studies. Institute of Culture, Saint Petersburg State University of Culture (Russia, Saint Petersburg);

Mangone Emiliana, Doctor of Sociology, Associate Professor, University of Salerno. Director of International Centre for Studies and Research 'Mediterranean Knowledge' (Italy, Salerno);

Mosolova Liubov Mikhailovna, Ph. D. in Art history, Professor. Department of Theory and History of Culture, Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia, Saint Petersburg);

Nichols Lawrence T., Ph. D. in Sociology, Professor of Sociology. Department of Sociology and Anthropology, West Virginia University (USA);

Scott Thoe, Ph. D, Professor. Nord University; Member of Association of Norwegian Artists (Norway);

Survo Arno, Ph. D, Associate Professor. Department of Folklore Studies, Faculty of Arts, University of Helsinki (Finland, Helsinki);

Survo Vera Viktorovna, Ph. D, Professor, Researcher. Department of Ethnology, Faculty of Arts, University of Helsinki (Finland, Helsinki);

Tulchinsky Grigory Lvovich, Ph. D, Professor. Department of Public Administration, Saint Petersburg School of Social Sciences and Area Studies, Higher School of Economics (Russia, Saint Petersburg);

Tumanian Tigran Gurgenovitch, Ph. D, Professor, Head of the Department of Oriental Philosophy and Cultural Studies, Saint Petersburg State University (Russia, Saint Petersburg);

Shabaev Iurii Petrovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Ethnography, Institute of Language, Literature and History. Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, Syktyvkar);

Shadrina Irina Mikhailovna, Doctor of Education, Professor. Murmansk Arctic State University (Russia, Murmansk);

Shapinskaia Ekaterina Nikolaevna, Ph. D, Professor, Deputy Director. Expert Analytical Center for Developing Educational Systems in the field of Culture, Likhatchev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage (Russia, Moscow);

Erdyneeva Klavdiia Gombozhapovna, Ph. D, Professor, Head of the Pedagogy Department. Transbaikal State University (Russia, Chita).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Гурленова Людмила Викторовна, доктор филологических наук, профессор, директор Института культуры и искусства Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Россия, Сыктывкар)

Адрес редакции: 167001, Республика Коми,
г. Сыктывкар, Октябрьский пр-т, д. 55а.

E-mail: *lrudenko@bk.ru*

CHIEF EDITOR

Gurlenova Liudmila Viktorovna, Doctor of Philology, Professor, Director of the Institute of Culture and Art, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Russia, Syktyvkar)

167001, Komi Republic, Syktyvkar, Oktyabrsky prosp., 55a

E-mail: *lrudenko@bk.ru*

Подписной индекс журнала Е34110, каталог «Почта России» 78782.

Подписка через сайт «Пресса по подписке» www.akc.ru.

Свободная цена

Стоимость подписки 618 руб. на полгода.

Subscription Code E34110, Russian Post catalogue 78782.

Flexible pricing

Subscribe on «Pressa po podpiske» www.akc.ru.

Subscription price for six months — 618 roubles.

© ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина», 2019

© FSBEI of Higher Education

«Pitirim Sorokin Syktyvkar State University», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

- Ополев П. В.** Антропологические аспекты сложности в культуре
Opolev P. V. Anthropological aspects of complexity in culture 11

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Бабаева А. В., Кузнецова Е. В.** Режимы гендерного перформанса в пространстве дрег-культуры
Babaeva A. V., Kuznetsova E. V. Modes of gender performance in the space of drag culture 26

- Волокитина Н. А.** Этническая культура и репрезентация этнической идентичности в интернет-пространстве
Volokitina N. A. The ethnic culture and the representation of ethnic identity through the Internet 39

- Zemtsova I. V., Sharapov V. E., Khudin E. A.** The vanishing images and ornaments of the unknown Northern folk painting: findings of field studies in the Vashka, Vym and Vycheгда rivers in 2016—2019
Земцова И. В., Шаранов В. Э., Худин Е. А. Неизвестные «зырянские» росписи: о результатах полевых исследований в бассейнах рр. Вашка, Вымь и Вычегда в 2016—2018 гг. 46

- Лазарева О. В.** Перспективы сближения визуальных исследований и культурологии
Lazareva O. V. The prospects for convergence of the visual studies and cultural research 54

- Мелихов М. В.** Записки и дневники матросов К. Верещагина и А. Бобрецова как феномен народной письменной культуры
Melikhov M. V. Notes and diaries of the sailors K. Vereshchagin and A. Bobretsov as a phenomenon of folk written culture 70

КУЛЬТУРА И ЦИВИЛИЗАЦИЯ АРКТИКИ

(по материалам Круглого стола «Холод и Цивилизация»,
проведенного в рамках Дней Якутии в Москве,
посвященных 385-летию вхождения Якутии в состав Российского
государства, 95-летию образования Якутской АССР и 25-летию
Конституции Республики Саха (Якутия)

ПРОДВИЖЕНИЕ ИДЕЙ КРУГЛОГО СТОЛА «ХОЛОД И ЦИВИЛИЗАЦИЯ»	84
Яковец Ю. В. Арктическая цивилизация — надежда и тревога человечества в XXI веке Yakovets Yu. V. Arctic civilization — the hope and concern of mankind in the <i>XXI century</i>	89
Круглова Л. К. Мультицивилизационная идентичность в контексте теории циркумполярной цивилизации Kruglova L. K. Multicivilizational identity in the context of the theory of circumpolar civilization	99
Винокурова У. А. Экософия Земли: ответ на вызовы глобального изменения климата Vinokurova U. A. Ecosophy of the Earth: response to challenges of global climate change	115
Забулионите А.-К. И. Человек и культура в природной среде: динамика взаимосвязи (культурфилософский аспект) Zabulionite A.-K. I. Man and culture in natural environment: dynamics of interconnection (a cultural and philosophical aspect)	133
Томалинцев В. Н. Экстремальные законы и факторы в социокультурном развитии северных территорий Tomalintsev V. N. Extreme laws and factors in the socio-cultural development of the northern territories.....	174
Каримова А. Б. Арктика: «друг ведет себя странно» Carimova A. B. The Arctic: «Friend is behaving strangely»	182

Адамова Л. К., Винокуров Е. Г. Актуальные проблемы на рубеже эпох у народа саха Adamova L. K., Vinokurov E. G. Current problems of the Sakha people at the turn of the era	201
Алексеева Г. Г. Взаимопомощь: волонтерство в условиях холода Alekseeva G. G. Mutual assistance: volunteering in the cold	209
Чернышова С. Л. Особенности косторезного искусства Чукотки Chernyshova S. L. Peculiarities of the Chukotka bonecarving art	223
РЕКОМЕНДАЦИИ КРУГЛОГО СТОЛА «ХОЛОД И ЦИВИЛИЗАЦИЯ»	237
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ LIST OF AUTHORS	244

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 130.2

DOI: 10.34130/2223-1277-2019-3-11-25

П. В. Ополе

Сибирский государственный
автомобильно-дорожный университет «СибАДИ», Омск

Антропологические аспекты сложности в культуре

В работе осмысляются вопросы, связанные с поиском гуманитарной стратегии осмысления сложности. Первобытное искусство и сложность ритуальных практик свидетельствуют о недооцененном уровне когнитивной сложности мифологического мировоззрения. Развитие философии и теистических религий существенно усложняет духовную жизнь человека. Индустриальная цивилизация переживает значимый виток социального усложнения, актуализируя практики управления сложностью, рефлексии сложности в специализированных формах культуры. По результатам данной статьи можно отметить, что социальное и культурное усложнение оказывается связанным не только с процессами самоорганизации, но и с овладением человеком своей сложной природой. Человек не только выступает в качестве творца, создателя сложности культуры, но и является следствием переживания ее многообразия. Антропокультурная сложность смещается в область ценностно-смысловых переживаний, семиотического многообразия культуры.

Ключевые слова: коэволюция, прогресс, простота, регресс, сложность, усложнение, философия культуры, философская антропология.

P. V. Opolev

The Siberian State Automobile and Highway University, Omsk

Anthropological aspects of complexity in culture

The paper deals with the issues related to the search for a humanitarian strategy to understand complexity. Primitive art and the complexity of ritual practices attest to the underestimated level of cognitive complexity of the mythological worldview. Philosophy development and theistic religions significantly complicate spiritual life of man. Industrial civilization is experiencing a significant turn of social complexity, bringing practices of complexity management up to date, reflections of complexity in specialized forms of culture. According to the findings of this article, social and cultural complexity is associated not only with the processes of self-organization, but also the mastery of man's complex nature. Man is not only the creator, the creator of the complexity of culture, but also a consequence of the experience of its diversity. Anthropocultural complexity is shifted to the field of axiological experiences, semiotic diversity of culture.

Keywords: *coevolution, progress, simplicity, regression, complexity, complication, philosophy, philosophy of culture, philosophical anthropology, man*

Проблематика сложности и усложнения имеет глубокие философские и научные основания [1; 2]. Существующие подходы к описанию сложности фундированы достижениями естественных наук. Сложность рассматривается как принцип, обеспечивающий разнообразие. В спектр рассуждений о типах сложности оказываются включенными самые разнообразные дискурсы, ориентированные на объективные или же субъективные характеристики сложности. На интуитивном уровне сложность — это производное от сложенности, то есть нечто, состоящее из более простых частей. Объективная сложность имеет более или менее однозначную трактовку в рамках естествознания, кибернетики, общей теории систем, синергетики. Простота и сложность рассматриваются как системные параметры. Системное целое на разных уровнях и в разных условиях может проявлять себя как «сложное» или же как «простое» (в зависимости от познавательного масштаба, познавательных задач или используемых методов). Если рассматривать сложность как атрибутивное свойство системного объекта, то можно говорить о сложности

по количеству элементов, сложности по связям, сложности структуры и т. д. Если рассматривать сложность как самостоятельную сущность, то можно говорить о структурной сложности, процессуальной сложности и т. д. Многообразие бытия, познавательных практик позволяет сложность разделить на онтологическую, эпистемологическую и аксиологическую.

Роль «парадигмы сложности» («парадигмы complexity») или, как ее еще называют, «парадигмы сложностности» (В. И. Аршинов, В. Г. Буданов) требует всестороннего изучения. Отечественных и зарубежных работ, рассматривающих аксиологические и антропологические особенности разворачивания представлений о сложности, недостаточно. Ценностно-смысловое многообразие действительности намечает диалектическую связь между объективным разнообразием и его субъективным переживанием. Исходной интуицией данной статьи является утверждение о том, что «практики сложности» сопровождают всю историю человечества. Под «практиками сложности» мы будем понимать все случаи, когда человек сталкивается с многообразием. Например, необходимость выбора, деятельность с учетом неопределенности, отсутствие достаточной информации о действительности стимулируют указанные практики. В конце концов сама наука является результатом усложнения познавательного аппарата человека. Если концептуализация сложности в науке произошла во второй половине XX века (сложность становится определяющим вектором развития целого ряда естественных наук и междисциплинарных направлений), то культура и человек «переживали» сложность на всем протяжении своего существования.

Человечество на всем протяжении своего развития обнаруживало сложность как в ее объективном (сталкиваясь со сложностью природы, сложностью собственного тела), так и в субъективном проявлении (сталкиваясь со сложностью собственного сознания, ценностно-смысловым многообразием культуры). Сложность человеческого сознания можно выводить из разнообразия материальной деятельности человека или, напротив, сложность природы и культуры рассматривать как следствие сложности сознания человека. Вместе с тем сложность духовной культуры непосредственно не коррелиру-

ет с многообразием используемых инструментов и технологий. Как замечает Л. Мемфорд, «первейшей заботой человека было вовсе не покорение природы или изменение окружающего мира, а овладение собственной чрезмерно развитой и необычайно активной нервной системой» [3, с. 27]. По мысли В. И. Корниенко, освоение человеком окружающего мира оказывается возможным лишь благодаря постижению человеком своей природы [4, с. 49]. Усложнение приобретает характер социотехноэволюции, раскрывает себя не только как неотъемлемое свойство материальной действительности (рефлексируемое в рамках «наук о сложном»), но и как антропокультурный феномен.

Как сложность проявляет себя в рамках антропологической проблематики? Когда же человек встречается со сложностью и как она стимулирует его развитие? Полагаем, что человек со сложностью в природе и сложностью собственного сознания встречается одновременно. Концептуализация переживания человеком своего бытия запечатлена в понятии «жизненный мир». Допредикативный опыт человека, мир непосредственных переживаний и интуитивно схватываемых образов не может быть описан исключительно как системное единство. Жизненный мир обладает рядом априорных структурных характеристик, которые позволяют нам не только утверждать единство нашего опыта, но и обнаруживать сопричастность культурно-историческому опыту всего человечества. Мы полагаем, что любой опыт есть знакомство с многообразием (действительности и собственных переживаний), а значит, и с объективной сложностью.

Антропологические особенности сложности могут быть рассмотрены как следствие сложности человеческого тела. Понятие «телосложение» позволяет рассмотреть человеческое тело как нечто, определенным образом «сложенное», «прилаженное». В человеческом теле все подходит друг к другу, приспособлено одно к другому. При этом обращает на себя внимание тот факт, что «сложенность» — «сложность» человеческого тела не является случайной, она отражает особенности биологической среды обитания. Эта мысль отчасти находит свое продолжение в известном высказывании Протагора: «Человек есть мера всех вещей», и в исследованиях современной эволюционной эпистемологии. Сложность человеческого тела, познава-

тельного инструментария в таком случае оказывается диалектически связанной со сложностью природы. Получается, что сложность природы в определенной мере оказывается отражением сложности нашего тела.

Телесная организация человека может быть также рассмотрена как антропное основание для разнообразия материальной культуры. Эта мысль нашла отражение в известном принципе «органопроекции», предложенном Э. Каппом: техника — это форма объективации человеческого тела, реальное продолжение человеческого организма. Данный подход нашел развитие во многих концепциях философии техники. Следует заметить, что культурный детерминизм оказывает на человека не меньшее воздействие, чем детерминизм генетический. В работе «Геннокультурная коэволюция: человеческий род в становлении» Ч. Ламсден, А. Гушурст обосновывают взаимное влияние эволюционных и культурных императивов, которые демонстрируют петли обратной связи: одновременно формируют культурные возможности и биологические трансформации [5, с. 44].

Способность человека выразить и описать природное многообразие — сложность невыводима из необходимости приспособления человека к окружающей среде. В этом процессе органично существуют эволюционные механизмы приспособляемости и влияние культуры. Сложность человеческого тела также не является уникальной. Многие исследователи отмечали, что человеческое тело не сосредоточено на единственном виде деятельности. Можно было бы сказать, что человеческое тело оказывается особенно пригодно для создания орудий, но и в этом нет уникальной, специфической человеческой черты. Многие животные демонстрируют не менее сложные приемы деятельности. В работе «Миф машины. Техника и развитие человечества» Л. Мемфорд неоднократно подчеркивал, что членораздельная речь, язык является наиболее сложным видом деятельности, который был доступен человечеству. По его словам, «разговорный язык на заре цивилизации был куда более сложным и мудреным, нежели весь египетский или месопотамский «набор» инструментов» [3, с. 16].

В современной науке сложность осмысливается как системный параметр. Вместе с тем полагаем, что со сложностью человек знако-

мится раньше, чем с системами. Как отмечает Л. Слейтер, «в том мире, где мы живем, сложные сигналы — клеточные, химические, культурные — обрушиваются на нас с такой поразительной интенсивностью, что у нас просто нет времени просеивать всю информацию и действовать обдуманно. Если бы мы попытались это делать, мы оказались бы парализованы» [6, с. 134]. На уровне обыденного сознания человек не воспринимает природное многообразие как системное, однако все равно вырабатывает программы для его упорядочивания и объяснения. Уже в рамках мифологического мировоззрения проглядывают сложные отношения человека с бытием, которые усваиваются и осваиваются в первобытной культуре. Вряд ли первобытный человек «знаком» с системами, но он точно был знаком с чувством неопределенности, выразив многообразие переживаний такого рода в соответствующих культурных практиках.

Со сложностью человек встречается гораздо раньше, чем она получает свое логико-понятийное выражение, не говоря уже о концептуально-теоретическом осмыслении в рамках соответствующих наук. Как отмечают Е. А. Мамчур, Н. Ф. Овчинников, А. И. Уемов, познание сложности начинается с живого созерцания [7, с. 81]. Культура и человек «переживали» сложность на всем протяжении своего существования. Человек осваивал сложность не только в познавательной деятельности, но и в культурных практиках, специализированных формах культуры. Как заметил Б. Л. Уорф, «грубейший дикарь может неосознанно безо всяких усилий использовать настолько сложную и разносторонне разработанную и интеллектуально сложную языковую систему, что для описания механизмов ее функционирования нашим лучшим ученым умам требуется целая жизнь» [8, с. 117].

В культуре неколичественные характеристики сложности тысячелетиями определяли характер человеческого существования. Дорефлексивные типы мировоззрения (например, магическое мировоззрение) погружали человека в борьбу со сложностью, которая преодолевалась посредством актуальных культурных практик. В рамках первобытного мышления мы обнаруживаем внетеоретический отклик на сложность окружающего бытия. Многообразие первобытной культуры вырастает из психоэмоциональной сложности человеческого сознания.

Всякий коллективный или же индивидуальный опыт представляет собой опыт обнаружения и преодоления сложного. Человек никогда не сталкивается со сложностью непосредственно, она оказывается выраженной в определенных формах, которые иногда трудно дифференцировать друг от друга. Использование слова «сложный» представляет собой завуалированную форму, в которой констатируется замешательство человека. «Чувство сложного» может быть когерентно психологической тревоге, переживанию запутанности, трудности в решении каких-то проблем, актуальной или потенциальной опасности. В мифологическом мировоззрении сложное — это в каком-то смысле непостижимое, порождающее неопределенность. Многие исследователи отмечают, что неопределенность является одним из фундаментальных свойств сложности [9, с. 19].

Мы полагаем, что переживание сложности в своих незначительных проявлениях предшествует сознательному принятию индивидом теоретических установок, согласно которым сложное есть сложенное. Признавая, что общественное сознание первобытной эпохи является мифоцентрическим, мы не согласны с А. Я. Флиером в том, что для первобытного человека «главным способом объяснения сложности мира было уподобление сложного и непостижимого простому и непосредственно наблюдаемому» [10, с. 126—127]. Непосредственно наблюдаемое первобытным человеком не мыслилось как нечто простое, что подтверждается обширными этнографическими и антропологическими исследованиями. Простота — это продукт теоретического мышления. Первобытное сознание событиям окружающей действительности приписывало мистическое происхождение. В работах А. Ф. Лосева отмечается, что в мифологии не пропадает ни один момент опыта — ни чувственный, ни сверхчувственный [11, с. 114]. Как подмечает Л. Леви-Брюль, «таинственные силы всегда ощущаются как присутствующие везде и всюду» [12, с. 291]. По мысли Дж. Мерфи, человеку изначально присуща тенденция приписывать «глубоко интересующим предметам и явлениям некое сложносоставное качество силы-жизни-желания, что представляет собой проявление универсальной формы мышления» [13, с. 38].

Первобытное сознание раздваивает, усложняет действительность через переживание в вещах «иного» (мана, пневма, эфир, воздух, дыхание, жизненная сила и т. д.). Можно сказать, что «иное» дано также непосредственно как мир чувственных вещей. Это «иное», с одной стороны, имеет объективное основание (т. е. оно в чем-то локализовано), а с другой — существует идеально. «Иное» не представляет собой теоретический концепт, вместе с тем оно психологически и онтологически усложняет бытие человека, требует от человека учитывать то, что выходит за границы его непосредственного восприятия. Как замечает Е. Гомбрих, «примитивные или первобытные народы не знают различия между постройкой и изображением в отношении их полезности: хижины должны укрывать от дождя, ветра, солнечных лучей, а изображения должны защищать людей от иных сил, в их сознании не менее реальных, чем силы природы» [14, с. 39]. Именно к «иному» оказываются обращены ритуальные практики. Кроме того, сами мифоритуальные практики имеют высокий уровень сложности, который превосходит сложность используемых орудий труда, что свидетельствует о высоком уровне дифференцированности, сложности сознания первобытного человека. Как замечает Б. Малиновский, «в постройке каноэ — предприятии, окруженном техническими сложностями, требующим организованного труда и ведущим к неизменно опасным мероприятиям, — ритуал сложен, глубоко связан с трудом и рассматривается как абсолютно необходимый» [15, с. 225]. Антропологические характеристики сложности оказываются заданными столкновением человека с неопределенностью, что стимулировало соответствующие культурные феномены (например, магические ритуалы). Это, с одной стороны, позволяло преодолевать сложность, а с другой — усматривать в вещах и действиях нечто, выходящее за границы их наглядно-чувственного образа.

История человеческой культуры является демонстрацией возвратно-поступательных процессов усложнения, когда по мере роста системной сложности происходит трансформация специализированных форм культуры. Эти процессы имели объективный характер, но усваивались субъектами посредством определенного набора социальных и культурных практик. Как отмечает А. Я. Флиер, «в каж-

дую эпоху доминировали особые сферы социальной практики, детерминировавшие общественное сознание, использовались разные модели понимания сложности мира и соответственно порождались разные системы культурных смыслов и понятий, отражающих это миропонимание» [10, с. 126—127].

Гуманитарный прогресс можно представить как процесс «овладения» антропологической сложностью. Развитие мифологии свидетельствовало об усложнении отношений человека с природой, оказывало существенное воздействие на эти процессы, стимулируя формирование абстрактного, а затем и метафизического мышления. Рассуждая о природе греческой метафизики, С. А. Нижников отмечает: «Развитие мифологии шло от простого к сложному, хаотичного и дисгармоничного (титанического-циклопического) к упорядоченному и гармоничному (олимпийскому царству Зевса), от внешнего к внутреннему, пока не достигло умозрительного и метафизического характера» [16, с. 24]. Метафизика и логика, в свою очередь, вооружают человека принципиально иными средствами познания многообразия. В философии переживание многообразия переносится в интеллигибельную сферу, в которой формируются соответствующие практики ее преодоления, сведения сложного к простому.

Процессы осознания антропологического измерения сложности нашли свое отражение в известном разнообразии метафизических систем в философии и культовой системе в христианстве. Как проблемы метафизики, так и теологические проблемы свидетельствовали об усложнении отношений человека с действительностью. Сложность человека смещается в сторону усложнения его духовного мира. Антропологический поворот в античной философии позволил рассмотреть интеллигибельную деятельность человека как меру всех вещей. С одной стороны, абстрактное мышление ведет к простоте. С другой стороны, само абстрактное мышление является следствием усложнения культуры. В философии формируется соответствующий инструментарий, позволяющий «препарировать» сложную действительность в соответствии с набором простых принципов. Примером такого рода инструментария становится логика, позволяющая дробить действительность и мышление на аналитические единицы.

Человек постоянно испытывает иррациональное «давление» сложности в разнообразных формах ее проявления. По мысли Аристотеля, если бы природа человека была проста, то однообразная деятельность была бы ему наиболее приятной [17, с. 220]. В христианской традиции сложность связывается с результатом творчества, ограниченностью человеческого разума. Божественная истина наделяется такими атрибутами, как простота, полнота и абсолютность. Человеческое знание, напротив, оказывается сложным, неполным и относительным. В рамках средневековой литературы мы также встречаемся с актуализацией такого жанра литературно-художественного произведения, как исповедь. Формируется тенденция к самоуглублению индивида и рефлексии всего многообразия отношений с действительностью посредством самоанализа, интроспекции.

Антропологические аспекты сложности становятся центром внимания в рамках гуманизма. Гуманизм можно рассматривать как следствие социокультурного усложнения, формирования «третьего сословия» в противовес сословному феодализму, господству аристократии и духовенства. В рамках гуманизма происходит осмысление сложности и самооценности человека как социального и экзистенциального субъекта. Если рыцарь жил в замке в окружении ограниченного круга лиц (своей семьи и слуг), ведя достаточно монотонную жизнь, то пестрота, плотность социального состава города требовали от человека включения в сложное пространство социальных и культурных связей. Я. Буркхардт отмечает, что, в отличие от Средневековья, эпоха Возрождения в Италии характеризуется «чувством индивидуальности», которое отпечталось на многих видах культуры, в частности в рамках подхода к такому жанру жизнеописания, как биография [18, с. 212].

В рамках индустриальной эпохи, несмотря на сохраняющиеся темпы социокультурного усложнения, утверждается простота мироустройства, что находит свое отражение в рамках программы классической научной рациональности. На первый план выходит личная активность, соперничество, заинтересованность в успехе своей деятельности, что нашло свое выражение в «духе капитализма», который особое внимание уделяет эффективности, целесообразности и

оптимальности. В данный период также получают широкое распространение модели «технического упрощения» человека, аналогии между человеком и продуктами его деятельности. На первый план выходит «механистический» подход к сложности человека, общества и культуры. Сложность механизма становится меркой для сложности человека, культуры и общества.

Трансформация представлений о характере воздействия сложности на человека оказывается связанной и с «революцией» в медийном пространстве. Как подмечает А. Я. Флиер, «в индустриальную эпоху с ее нарастающей всеобщей грамотностью основной «фабрикой» по производству смыслов культуры стала художественная литература» [10, с. 131]. Именно в рамках пространства текста художественной литературы усваивается сложность и многообразие жизненных коллизий, в которых объективные социально-экономические проблемы (к примеру, социальное неравенство) получают субъективную, личностно-эмоциональную оценку и осмысление. Исповедь и биография позволили дифференцировать духовную жизнь, но они не могли быть средством выработки стратегий усвоения социокультурной сложности. В дальнейшем литература становится одновременно выражением, рефлексией социокультурной сложности и средством ее преодоления, культура — гомогенным пространством текста, подчиненным логике его построения.

Диалектическая связь усложнения текста с трансформацией медийной реальности и последствия этих процессов для культурной действительности получают осмысление в работах структуралистов и постмодернистов. Постмодернизм выступил в роли своеобразной идеологии человека нового типа и одновременно апологии сложившегося мировоззренческого кризиса. В попытке наметить программу преодоления нарастающей сложности постмодернизм критикует «логоцентризм», отказывает миру в системности, отрицает целостность, упорядоченность и устойчивость его частей. Это находит свое выражение и в отношении к тексту: повествование становится нелинейным и нарративным. Наблюдается переход от текста к гипертексту. Мы наблюдаем переход от логики векторно-ориентированных структур к «логике ризом»: древовидных, ветвящихся, нелинейных структур.

Проблематика антропокультурной сложности имеет междисциплинарную природу. Антропологические аспекты сложности оказываются заданными переживанием сложности природы и сознания. В мифе мы наблюдаем переживание в вещах «иного» (в форме спиритуалистических начал), которое субъективно усложняет действительность. Субъективное освоение обнаруженной сложности происходило в культуре: мифоритуальных практиках, искусстве и коммуникации. Антропные характеристики усложнения оказываются заданными переходом от вещного многообразия, переживаемого интуитивно в мифах и ритуалах, к формированию мира абстрактных объектов, представлениям об индивидуальной духовной жизни (что нашло свое отражение в жанре исповеди). Действительность в философии удваивается, разделяется на бинарные оппозиции (например, материальное — идеальное, возможное — действительное, случайное — необходимое и т. д.). Переживание сложности в рамках становящегося абстрактного мышления способствовало формированию представлений о формально-логическом и диалектическом противоречии. Это позволило перейти к представлениям о единстве законов, которые сложным образом раскрываются в действительности. Миф не отрицал сложность действительности, но рисовал перед человеком психологически ясную картину мира. Развитие философии и теистических религий способствовало дифференциации действительности, созданию простых познавательных моделей, выделению бинарных оппозиций, существенно усложнивших духовную жизнь человека. Утверждение принципа сомнения позволило перенести переживание сложности в интеллигибельную сферу, вырабатывая инструментарий для оценки результатов собственной деятельности. Развитие абстрактного мышления, с одной стороны, стимулировало выработку простых познавательных моделей, способов упрощения действительности, а с другой — обнаружило нередуцируемые противоречия (логические и диалектические), которые, напротив, усложнили картину мира. «Чувство индивидуальности» способствовало созданию гуманистических систем, особого биографического пространства. Индустриальная цивилизация переживает значимый виток социального усложнения, увеличивает количество

социальных и культурных связей, но также стремится к построению простой картины мира. Социальная атомизация и фрагментация усиливается в рамках информационного общества, превращая сознание человека в ситуативно-контекстуальное образование. Антропокультурная сложность смещается в область ценностно-смысловых переживаний, семиотического многообразия культуры, которая находит свое отражение в ее специализированных формах.

Библиографический список

1. Ополев П. В. Сложность в историко-философской традиции: опыт осмысления // Вопросы философии. 2019. № 5. С. 128—137.
2. Ополев П. В. Проблемы концептуализации сложности в науке и философии // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2019. № 48. С. 15—24.
3. Мемфорд Л. Миф машины. Техника развития человечества / пер. с англ. Т. Азаркович, Б. Скуратов (1 глава). М.: Логос, 2001. 408 с.
4. Корниенко В. И. Гуманитарный прогресс человеческого общества // Вестник челябинского университета. 2007. № 17. С. 49—56.
5. Ламсен Ч., Гушурст А. Геннокультурная коэволюция: человеческий род в становлении // Человек. 1991. № 3. С. 11—17.
6. Слейтер Л. Открыть ящик Скиннера. М.: АСТ, Хранитель, 2007. 317 с.
7. Мамчур Е. А., Овчинников Н. Ф., Уемов А. И. Принцип простоты и меры сложности. М.: Наука, 1989. 304 с.
8. Уорф Б. Л. Язык, мышление, действительность // Антология исследований культуры. Отражение культуры. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2011.
9. Ниязимбетов М. К., Абдулаева М. Н. Философия неопределенности в контексте сложности // Paradigmata Poznani. 2018. № 3. С. 19—24.
10. Флиер А. Я. Смыслорождающие функции культуры: историческая эволюция // Личность. Культура. Общество. 2014. Т. XVI. № 1—2. С. 126—140.
11. Лосев А. Ф. Имя. СПб.: Алетейя, 1997. 616 с.
12. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1994. 608 с.
13. Балакин Ю. В. Инварианты религиозного сознания. Из истории изучения. Проблема метода: монография. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2014. 239 с.
14. Гомбрих Е. История искусства. М.: Искусство-XXI, 2013. 688 с.
15. Малиновский Б. Миф в примитивной психологии // Антология исследований культуры. Отражение культуры. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2011. С. 45—95.
16. Нижников С. А. Древнегреческая метафизика: генезис и классика. М.: Инфра-М, 2016. 216 с.

17. Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1984. Т. 4. 830 с.
18. Буркхардт Я. Культура возрождения в Италии. М.: Юристъ, 1996. 591 с.

References

1. Opolev P. V. Slozhnost' v istoriko-filosofskoj tradicii: opyt osmyslenija [Complexity in the historical and philosophical tradition: the experience of understanding]. *Voprosy filosofii*. 2019, no. 5, pp. 128—137. (In Russ.)
2. Opolev P. V. Problemy konceptualizacii slozhnosti v nauke i filosofii [Problems of conceptualization of complexity in science and philosophy]. *Vestnik tomского gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija*, 2019, no 48, pp. 15—24. (In Russ.)
3. Memford L. *Mif mashiny. Tehnika razvitija chelovechestva* [The myth of the machine. Technology of human development]. Moscow, Logos, 2001, 408 p. (In Russ.)
4. Kornienko V. I. Gumanitarnyj progress chelovecheskogo obshhestva [Humanitarian progress of human society]. *Vestnik cheljabinskogo universiteta*, 2007, no. 17, pp. 49—56. (In Russ.)
5. Lamsden Ch. Gennokul'turnaja kojevoljucija chelovecheskij rod v stanovlenii [Genetic and cultural coevolution human race in formation]. *Chelovek*, 1991, no. 3, pp. 11—17. (In Russ.)
6. Slejter L. *Otkryt' jashhik Skinnera* [Open the Skinner box]. Moscow, АСТ, Hranitel', 2007, 317 p. (In Russ.)
7. Mamchur E. A. Ovchinnikov N. F., Uemov A. I. *Princip prostoty i mery slozhnosti* [The principle of simplicity and complexity measures]. Moscow, Nauka, 1989, 304 p. (In Russ.)
8. Uorf B. L. Jazyk, myshlenie, dejstvitel'nost' [Jazyk, myshlenie, dejstvitel'nost'] *Antologija issledovanij kul'tury. Otrazhenie kul'tury* [Anthology of cultural studies. Reflection of culture]. St. Petersburg, Centr gumanitarnyh iniciativ, 2011. (In Russ.)
9. Nijazimbetov M. K., Abdulaeva M. N. Filosofija neopredelennosti v kontekste slozhnosti [Philosophy of uncertainty in the context of complexity]. *Paradigmata Poznani*, 2018, no 3, pp. 19—24. (In Russ.)
10. Flier A. Ia. Smyslopороzhdaishchie funktsii kul'tury: istoricheskaja evolucija [Meaning-generating functions of culture: historical evolution] *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*, 2014, no. 1—2, vol. XVI, pp. 126—140. (In Russ.)
11. Losev A. F. *Imja* [Name]. St. Petersburg, Aletejja, 1997, 616 p. (In Russ.)
12. Levi-Brjul' L. *Sverhestestvennoe v pervobytnom myshlenii* [The supernatural in primitive thinking]. Moscow, Pedagogika-Press, 1997, 608 p. (In Russ.)
13. Balakin Ju. V. *Invarianty religioznogo soznanija. Iz istorii izuchenija. Problema metoda* [Invariants of religious consciousness. From the history of the study. Method problem]. Omsk, Om. Gos. un-ta Publ., 2014, 239 p. (In Russ.)
14. Gombrih E. *Istorija iskusstva* [History of art]. Moscow, Iskusstvo-XXI, 2013, 688 p. (In Russ.)

15. Malinovskij B. Mif v primitivnoj psihologii [Myth in primitive psychology]. *Antologija issledovanij kul'tury. Otrazhenie kul'tury* [Anthology of cultural studies. Reflection of culture]. St. Petersburg, Centr gumanitarnyh iniciativ, 2011, pp. 45—95. (In Russ.)
16. Nizhnikov S. A. *Drevnegrecheskaja metafizika: genezis i klassika* [Ancient Greek metaphysics: Genesis and classics]. Moscow, Infra-M, 2016, 216 p. (In Russ.)
17. Aristotel'. Nikomahova jetika [Nicomachean ethics]. *Aristotel'. Sochineniya v 4 t.* [Works in 4 vol.]. Moscow, Mysl', 1984, 830 p. (In Russ.)
18. Burkhardt Ja. *Kul'tura vozrozhdenija v Italii* [Culture of the Renaissance in Italy]. Moscow, Jurist, 591 p. (In Russ.)

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 130.2

DOI: 10.34130/2223-1277-2019-3-26-38

А. В. Бабаева, Е. В. Кузнецова

Нижегородский государственный педагогический университет
имени Козьмы Минина, Нижний Новгород

Режимы гендерного перформанса в пространстве дрег-культуры

В статье предпринята попытка анализа понятия и феномена «дрэг». Авторами выделяется два рабочих подхода к пониманию термина: широкий — как заимствование черт, атрибутов, внешнего вида, стиля, речи, закреплённых за противоположным полом; и узкий — как сценическое амплуа. Предлагается стратегия описания дрэга как игровой интеллектуальной практики воссоздания полноты видения, восприятия и понимания в работе по девальвации гендерных нормативов. В заключение высказывается предположение, что переход дрэга в мейнстримную зону культуры грозит ему скатыванием в неосексизм.

Ключевые слова: *дрэг, игра, перформативность, гендер, пол, гендерная матрица, культурный код.*

A. V. Babaeva, E. V. Kuznetsova

Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Nizhny Novgorod

Modes of gender performance in the space of drag culture

© Бабаева А. В., Кузнецова Е. В., 2019

The article includes an attempt to analyze the concept and phenomenon of the «drag». The authors describe two working approaches of understanding the term: broadside — drag as borrowing features, attributes, appearance, style, speech, assigned to the opposite sex; and narrow — as a stage role. Authors propose a strategy for describing drag as a gaming intellectual practice of recreating the completeness of vision, perception and understanding in the process of the devaluation of gender norms. In conclusion, it is suggested that the transition of the drag into the mainstream culture may result in falling into neosexism.

Keywords: *drag, game, performativity, gender, sex, gender matrix, cultural code.*

Мы рождаемся голыми, а все остальное — это дрэг.
РуПол

Феномен «дрэг» в последнее время часто оказывается в поле зрения общественности. Еще полвека назад данное явление ограничивалось рамками квир-сообществ и по большей части ассоциировалось с китчевыми альтер эго ее представителей, сегодня же дрэг стал неотъемлемой частью культуры — им вдохновляются дизайнеры, художники, а дрэг-персоны становятся влиятельными политическими активистами или видными представителями шоу-бизнеса. Как ни парадоксально, но дрэг (синоним слова — кросс-дрессинг) — это отнюдь не явление Новейшего времени, элементы дрэга как «игр» с переодеванием и присваиванием признаков противоположного пола в той или иной форме встречаются в различных культурах еще с древности. Но, несмотря на подлинный интерес к телесности и субъектности во второй половине XX века, феномен «дрэг» так и не стал предметом академического дискурса. Данная статья представляет собой попытку обозначить некоторые проблемные точки в описании данного явления, а также продемонстрировать перспективность (в классическом смысле) исследования дрэга для социокультурных практик в целом.

Этимология понятия «дрэг» затемнена, четкой трактовки его не существует, поэтому в качестве рабочих можно допустить минимум две версии разворачивания значения. Версия первая, поддерживаемая представителями самой субкультуры: лексема «дрэг» — это аб-

бrevиатура *dressed resembling a girl*, что буквально означает «*одесть как девушка*». Трактовка этой версии делает акцент на мужских практиках, т. е. описании особого типа маскулинного поведения, когда женские образы используются для временной смены базовых идентификационных качеств мужчин. В этом смысле весьма примечательно, что наиболее успешными дрэг-персонами выступают именно шоумены, примеряющие женские образы: Верка Сердючка, Новые русские бабки, Александр Песков, РуПол, Дивайн, Ража, Ким Чи и др. Версия вторая: в «дрэге», субстантивированной отглагольной конструкции, раскручивается комплекс значений, связанный с «волочением» и «перетягиванием». Здесь возникает образ тяжеловесных одежд, затрудняющих, сковывающих движение; в этом случае исключается узурпация мужской инверсии, т. е. привязки к конкретному модусу человеческой природы. В традиционных культурах объемные, тяжеловесные одеяния были характерны как для женщин, так и для мужчин аристократических кругов. Вторая версия богаче значениями и, как нам кажется, в большей степени отражает суть явления.

В основание данного текста заложена гипотеза, согласно которой все, что связано с полом, биологическим или социальным, — это всегда надстройка над *humanus*. Как бы гены, гормоны, социальные нормативы не влияли на поведение и жизненные стратегии личности — все это не меняет фундаментальных видовых свойств *homo sapiens*. «Пол» стоило бы трактовать как «избыток» над собственно человеческим, а актуальное бытие личности — как бытие-в-поле (мужском / женском), что означает осознание субъектом наличия некоего добавочного элемента, нагружающего дополнительными значениями базовые компоненты человечности. Перевести описание пола в режим дрэга можно тезисом РуПола, иконы современной дрэг-культуры: «Дрэг — идеальный способ... сказать, что ты — это не то, во что тебе положено одеваться, и не то, что написано в твоей метрике» [1]. Как бы тривиально не звучало, но человек больше, чем пол, а пол есть всего лишь часть целого, не-достаток, не-полнота, в этом ракурсе мы полагаем, что дрэг перспективно рассматривать не как психосоматические эксперименты, а как интеллектуальную практику воссоздания полноты ви-

дения, восприятия и понимания. Человеческий взгляд, устремленный на мир из личностной оболочки — оболочки эго, изначально мужской или женской, всегда неполноценен, всегда только часть, аспект, грань. Обилие гендерных метафор и маркеров обуславливают считывание жизни человеческим существом сквозь гендерные линзы, которые, во-первых, создают пустоты и искажения в личностной картине мира, ибо оптика — это одновременно и фокус, и критерии восприятия / искажения. Во-вторых, гендерная оболочка эго — это механизм различения, волей-неволей выливающегося в разделение и, как следствие, в противопоставление и оппозицию. В этой связи за практиками присвоения атрибутов противоположного пола видится не просто манипуляция с одеждой, а смена эпистемологической телесности.

В этой логике и стоит рассматривать мутации английского полисемантического глагола «to drag» в американском культурном пространстве, где собственно возник термин. Процесс и контекст рождения понятия обусловил примечательные коннотации: от «сопротивления» и «торможения» как результата «волочения» до «лобового столкновения» (экспликация значения из авиационного сленга). Исходные смыслы буквально отсылают к волочению как перемещению чего-либо тяжелого, что требует серьезных усилий со стороны перемещающего, или того, что само тянется позади, волочится по земле. Ближайший метафорический перенос обозначается в глаголе «влачить», т. е. существовать, ощущая тяжесть, бремя. В любом случае исходная лексема указывает на некий исчезающий, но обременяющий излишек, создающий неудобство носителю и часто рождающий в нем импульс сопротивления. Действенными техниками протеста в дрэге обрисовывается не отказ от пола (отказ от пола фактически означал бы отказ от тела, но это уже другой формат существования), а оптические игры восприятия: смещение из *ядра пола* на *периферию* — циркуляцию *между полами*.

В этой связи самой продуктивной стратегией описания феномена «дрэг» и собственно его актуализации в социальных практиках является игра. Гамма смыслов полифонической конструкции «дрэг» максимально раскрывается именно в инверсионном перформативном ключе: играющий с переодеванием всегда сохраняет возмож-

ность вернуться к своему исходному состоянию, сведя происходящее к шутке, розыгрышу. Участники, с одной стороны, имеют возможность опробовать новые техники, ходы, не акцентируя внимание на серьезности процесса, с другой — поскольку ситуация преподносится в качестве экспериментальной, когда результат ещё не определён, имеют возможность сделать откат назад. Когда мужчина или женщина примеряют образы противоположного пола, это далеко не всегда указывает на перверсии или транссексуальность, нам кажется перспективным рассматривать феномен значительно шире, в качестве своеобразных оптических игр.

Данная линия уводит нас к игре с телесностью, личностными оболочками — к игре, которая не только имеет целью развлечение, но и очерчивает стратегии поиска собственной субъектности, субстанциональной основы «Я». В чем, собственно, и проявляется сопротивление как эссенциалистским, так и конвенциональным значениям пола и гендера. С другой стороны, игры с ракурсами восприятия могут иметь и далеко идущие последствия: практики сопротивления как проявления активизма способны делать проницаемыми границы социальных полей, в значении П. Бурдьё, и трансформировать символический порядок [2]. Описываемая модель оказывается масштабируемой: дрэг в узком смысле и на уровне отдельной личности — вполне уместается в параметры «актерского амплуа», когда перевоплощение ограничивается преимущественно сценой, а функционал сведен к развлечению; в широком смысле дрэг — это присваивание субъектом черт / атрибутов / внешнего вида / стиля / речи, закреплённых за противоположным полом, что в развлекательной форме приглашает к восстановлению целостности культуры.

Одним из ключевых моментов дрэга является перформативность. Перформативность отсылает нас к Джудит Батлер, которая заимствует концепт из теории языка и работает с ним в пространстве гендера. Такой подход становится революционным: она совершает сдвиг в определении гендера как социального пола к гендеру как культурному концепту. Разрабатывая понятие субъекта как *властного* субъекта, Батлер разоблачает противопоставление гендера и пола как основание биологизации идентичности и бинарной гендерной матрицы. Батлер демонстрирует, что тело и гендер не су-

ществуют вне культурных рамок, «природа» недоступна нам в «чистом» виде, ее понимание возможно лишь через культурное знание, чьи конструкции и проецируются на «природу» [3]. В этом контексте размышления о дрэге как о «гендерном перформансе» становятся размышлениями о фундаментальном культурном коде/ключе к пониманию механизмов социального взаимодействия между полами.

И казалось бы, это подводит нас к тому, чтобы в первую очередь рассматривать дрэг как политический жест, видеть в нем технику сопротивления дискурсу власти в процессе гендерного конструирования идентичности. Рискнем предположить, что более продуктивной здесь является линия с пересмотром суверенности дихотомического описания логики взаимодействия полов и гендеров. Гендерный перформанс, явленный в дрэге, не стоит трактовать как конкретное адресное послание с четко обозначенным смыслом: здесь важно, на наш взгляд, не столько содержание, сколько форма, вмещающая палитру значений, отсылку, многослойных метафор. Дрэг не означает, а отсылает, замещает — он media.

Исторически у людей / мифологических персонажей, использующих дрэг, были разные цели, однако сам этот процесс всегда работал с конвенциональной бинарностью. Нельзя с уверенностью сказать, что дрэг направлен исключительно на подрыв определённого порядка, в этом случае мы должны стоять на позиции, что тело культуры имеет разрывы и пустоты. Бинаризм, который мы привыкли описывать вокабулярным аппаратом нововременной эпистемологии, являет собой видимую поверхность социальных практик. Реальность же социокультурного тела — это веер нюансов, множество граней: гендерный калейдоскоп включает значительно больше, чем два типа маскулинности и феминности в культуре, даже традиционной. Дрэг, таким образом, представляет специфические гендерные практики воссоздания непрерывности культуры — запуска режима *перспективы*, в смысле де Кастроу [4].

Примечательным выглядит следующее высказывание представителя дрэг-культуры: «Я все и одновременно ничего. Я черный, белый, мужчина, женщина. Для меня видеть все грани себя — следующий уровень человеческой эволюции». Перед нами своеобразная трактовка режима делезианского становления — становления без

уничтожения элементов, базирующегося на преодолении узости восприятия: при сохранении различения нет разделения. Описываемые практики имеют мощнейший когнитивный потенциал, поскольку открывают возможность получения разнопланового опыта представителями различных миров, что фактически обеспечивает бесперебойную циркуляцию смысловых токов по коллективному социальному телу. Выскажем предположение, что дрэг не столько подрывает, сколько реконструирует и воссоздаёт гендерную матрицу.

Однако проницаемость границы пола — это феномен, находящийся вне повседневности. Практики дрэга получают статус легальных только в особом пространственно-временном континууме. Дрэг открывает смысловые каналы обмена мужского и женского миров и как бы скользит между ними в театре, на сцене, на карнавалах и т. п. И только здесь дрэг-персоны воспринимаются адекватно, здесь они чувствуют себя в безопасности и общество, действительно, защищает их в пространстве сцены, поскольку они в данном случае выполняют специфическую функцию медиации, что-то сродни роли жрецов в ритуалах актуализации в наличном сакрального единства человеческого со-бытия — *бытия-до-пола*.

Особая маркированность ситуации гендерного перформанса не нарушает онтологической безопасности социального восприятия. Подобно театру, где за актером закрепляется задача донести до зрителя определенное послание, расширяющее границы жизненного опыта последнего, дрэг-персонам и их спектаклям отведена роль формирования перспективного видения другого, преодоления узости одностороннего ракурса, собирания отдельных регионов бытия. Особая локация и временные параметры позволяют сохранять дистанцию между субъектом, практикующим дрэг, и тем образом, который он / она репрезентирует. Для социума дрэг-спектакли — это, в дополнение всего, эксклюзивные коммуникативные площадки для раскручивания гендерных сюжетов в гротескной, шаржевой форме. Перед нами комедия положений, где посредством смеха присваиваются характеристики Иного и разыгрываются предельно серьезные, поистине космологические сюжеты.

Однако мистификация может давать и иной эффект: демонстрация трансвидовой амбивалентности *humanus* действительно способ-

на проблематизировать гендерные границы, в результате чего вещи начинают притягивать определённые свойства и пересоздавать символические поля. Самый простой пример — это начало ношения женщинами брюк. Вначале мужские брюки в женском гардеробе означали вызов гендерным нормативам, но постепенно стали для женщин символом отвоёванных у мужчин гражданских свобод: обладание избирательным правом, возможность работать и самостоятельно выбирать супруга. И в итоге предмет мужского туалета стал инструментом протоколирования субъектности женщины. Заметим, не женской субъектности, а именно субъектности по мужскому образцу. Не случайно множество женщин-активисток в XIX — начале XX века подчеркнуто носили мужские костюмы (Жорж Санд и Изабелла Эхберард). В дореволюционной России тоже были дамы, практиковавшие ношение мужской одежды, наиболее известной среди них являлась Зинаида Гиппиус. Линию примеров можем продолжить сюжетом со стилистикой современного женского делового костюма: в частности, женщинам-политикам, чтобы быть адекватно воспринятыми в политической сфере, приходится облачаться в мешковатые, бесформенные костюмы серого и тёмного тонов, соответственно минимизировать, если не исключать использование косметики [5]. Кстати, этот пример демонстрирует обратимость дрэг-практик: вещи могут придавать конкретные качества, но всегда ли они меняют сущность их владельцев?

Вновь мы возвращаемся к проблеме, что образ («то-что-должно-быть-увидено») и сущность (остов, на который этот образ примеряется) — вещи разные, и манипуляции с первым могут не затрагивать идентичности [6; 7]. В этом смысле дрэг продуктивно рассматривать как технику сопротивления дискурсу власти и властному механизму формирования идентичности посредством гетеросексуальности [8]. А в рамках идеи Фуко о расширяющихся границах дисциплинарного надзора и всепроникающих структурах власти продуктивно трактовать дрэг как гендерную символизацию, вскрывающую искусственность доминантной культурно-исторической формы бытования гендера.

Если попытаться собрать корпус исторических сюжетов гендерного перформанса, то выстроится некоторая логика, в которой дрэг

из сугубо практических соображений переосознается и становится «чёрным ходом» в пространстве «гендерной игры», культурным «чит-кодом», переопределяющим взаимодействие социальных акторов. Самые ранние упоминания о дрэг встречаются еще в скандинавской мифологии, где в одном из преданий Тор и Локи переоделись женщинами, чтобы обмануть великана Трюма, который украл молот Тора, главную ценность и оружие последнего. Известная женская история с переодеванием — старинная китайская поэма о Хуа Мулан, которая легла в основу одноименного мультфильма Disney.

Далее — реальные социальные практики: Древняя Греция и всем известный греческий театр, где все роли, в том числе и женские, играли мужчины. Театр вообще благодатная почва для дрэга: вспомним, к примеру, о японском театре кабуки (который, кстати, изначально был чисто женским, но потом то ли из-за соображений морали, то ли из-за того, что девушек-актрис часто похищали, стал исключительно мужским). Кросс-дрессинг породил своеобразную для средневековой Японии культуру оннагата — особого типа маскулинности: утонченных и излишне манерных актеров-мужчин.

Не было актрис и в знаменитом «Глобусе» Шекспира. Жизнь этого театра отличалась обилием абсурдных ситуаций по причине того, что в пьесах часто по сюжету присутствовало переодевание, и мужчины, игравшие женских персонажей, вынуждены были притворяться женщинами, переодетыми в мужчин. Воссозданные театральные сюжеты — это иллюстрация узкого использования понятия «дрэг», т. е. переодевания и вживания в образ противоположного пола определяется практическими соображениями: необходимостью исполнения женских ролей, однако присвоение признаков противоположного пола могло вызывать и стигматический эффект.

Средневековье, пожалуй, самый проблематичный для нас период. Церковь резко осуждала не только женщин на сцене, но и само театральное искусство, поэтому шекспировский «Глобус» нельзя расценивать как показатель времени. Дрэг в средневековой культуре продуктивнее иллюстрировать через карнавал, где переодевания с гендерным подтекстом были обычным делом. Да, это порицалось церковью, вплоть до наложения епитимьи на провинившихся, поскольку обычно подобные практики увязывались либо с дьяволь-

скими происками, либо с языческим прошлым. Тем не менее карнавалы с переодеванием были устоявшейся частью городской жизни и являлись довольно распространённой забавой. Тоталитарный христианский дискурс, базирующийся на жёсткой бинарности, пытался детерминировать последовательную дихотомию пола, однако гендерный перформанс был неотъемлемой частью низовой, народной культуры — дыханием жизни.

Дрэг имел место не только в европейской культуре. В качестве примера стоит упомянуть Египет, где до XVIII века сохранялись мужские танцы гавази, имевшие неоднозначную оценку в ортодоксальном мусульманском обществе. Гавази традиционно был именно мужским танцем, исполняемым юношами, которые обладали необходимой манерностью и одевались в соответствующие, несколько сковывающие движения, одежды. Смысл и назначение танца гавази — возбуждение чувственности зрителей мужского пола. Серьезность и однозначность ситуации снимались тем фактом, что танцоры принадлежали к этническим меньшинствам Египта (как правило, хавали), что в очередной раз подчеркивало пограничность, периферийность значений, исходно заложенных в факте переодевания.

Необходимо добавить, что во всех вышеперечисленных случаях дрэг-спектакли становились возможными при условии, что одежда выступала особым социальным маркером. Существовали целые комплексы дресс-кодов в зависимости от пола, социального статуса, достатка и т. д. Но с конца XVIII века в связи с политическими и экономическими изменениями произошел коренной раскол в подходе к гендерному маркированию тела: женщины окончательно получили право эротического подчеркивания телесности, в то время как мужчинам пришлось отказаться от таких форм кокетства, как яркие цвета и обильные украшения в одежде. Облик мужчин был сведен к своего рода «рабочей униформе», состоящей из темного костюма, белой рубашки и галстука. Тем самым формат костюма подчеркнул биологические и социальные параметры маскулинного и феминного в культуре [9]: мужчины отвечали за прирост материального и интеллектуального социального продукта, женщины как объект сексуального желания должны были работать на воспроизводство

населения. Мужской дресс-код стигматизировал сдержанность, невозмутимость, основательность, а женский — фривольность и эмоциональность. В этом ключе становится понятным, почему со временем именно дрэг-квин завоевали подмостки: гротеск и бурлеск великолепно легли на женские образы как максимально экспрессивные, а их шаржевый характер коррелировал с иронической нацеленностью пародий, что и составляет ядро современных дрэг-спектаклей.

В общественной психологии периода модерна одежда была от-refлексирована как показатель статуса и механизм социального порядка, поэтому в XIX веке ношение женщинами брюк расценивалось как «симуляция» мужчины и считалось недопустимым, а для мужчины облачаться в женское платье трактовалось унижительным: «мужчина унижает себя, надевая женскую одежду, которая соответствует более низкому общественному статусу, в то время как женщина, наоборот, надевая мужскую одежду, поднимается по иерархической лестнице и достигает многочисленных преимуществ» [9, с. 14].

XVIII—XIX века, очевидно, ключевые в нашей схеме. Именно в данный период власть надзирает за каждым гардеробом и наказывает за неподобающий его выбор [10]. Феминистки того времени, с одной стороны, требовали от женщин отказа от «рабских» украшений и шелков, как подчёркивающих сексуальную объективированность женского, с другой, наоборот, призывали гордиться возможностью носить блестящие, живые ткани, демонстрирующие витальность женского начала. Это период, когда жесткая демаркационная линия делит тела на два пола, продолжением чего выступает одежда. Костюм становится языком, имеющим политическую нагрузку, а практики дрэга — вызовом и выражением протеста (ср.: «Каждый раз, когда я взмахиваю ресницами, я совершаю политический жест» [1]).

Победоносное вхождение в культуру дрэг начинается в США в 1950—1960-х годах. Тогда брюками на женщинах никого было не удивить, однако несоответствие гардероба полу все еще преследовалось по закону. В Нью-Йорке в 1950-х гг. полицейские имели право арестовать любого прохожего мужчину, если на нём насчитывалось менее трёх элементов типично мужской одежды. Подобное нормативное давление на волне активизма не могло не породить осо-

бые китчевые кросс-дрессинговые практики. Начало было положено Стоунволлским бунтом, после которого стали организовываться воги — дрэг-балы, нечто среднее между конкурсом красоты и маскарадом. Вог стал благодатной средой, где дрэг культивировал свои основные черты. В 80-х с развитием возможностей самовыражения дрэг вышел на улицы и влился в массовую культуру благодаря сцене и кинематографу. Он не перестает быть политизированным, но в то же время становится более легальным и обретает гигантскую аудиторию из последователей и фанатов.

Современный дрэг — это гремучая смесь из политического активизма, высокой моды и иронии. Эпистемологизируя телесность, дрэг позволяет переосмыслить гендерные нормы и наделить их новым концептуальным содержанием. Однако гендерный перформанс, переходя из «подпольных» практик в мейнстрим, не лишен угрозы стать очередной формой сексизма. Возникнув как практика демонтажа собственно мужской решетки восприятия гендерного вопроса, дрэг на сегодняшний день явственно демонстрирует склонность к маскулинности. Предельная сосредоточенность на женских образах объясняется их эмоциональной насыщенностью и мощнейшим эстетическим зарядом. Однако отсутствие обратной инверсии (во всяком случае, раскручивания таковой) в практиках дрэга — симптом затухания его революционного импульса и появления неосексистских форм символического насилия.

Библиографический список

1. Попова Р. Королева Америки: История РуПола. URL: <https://meduza.io/feature/2018/03/25/koroleva-ameriki> (дата обращения: 23.04.2019).
2. Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Алетейя, 2005. 576 с.
3. Техника «косого взгляда». Критика гетеронормативного порядка / под ред. И. Градинари. СПб.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 352 с.
4. Кастру Э. В. де. Кристальный лес: заметки об онтологии амазонских духов / пер. с порт. Д. Престес // Опыты нечеловеческого гостеприимства / под ред. М. Крамар, К. Саркисова. М.: V-A-C Press, 2018. 253 с.
5. Бирд М. Женщины и власть: Манифест. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. 120 с.
6. Закаблукровский Е. В., Кучинов Е. В. «НОМО RETIS»: философская антропология виртуальной персоны. М.: ФЛИНТА, 2017. 151 с.

7. Шмелева Н. В., Клюев А. А. Визуальные образы незримого в культуре // *Juvenis scientia*. 2019. № 1. С. 39—42.
8. Butler J. *Gender Trouble: Feminism and subversion of identity*. NY: Routledge Press, 1999. 272 p.
9. Бар К. Политическая история брюк / пер. с франц. С. Петрова. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 230 с.
10. Revenin R. *Hommes et masculinités de 1789 à nos jours: contributions à l'histoire du genre et de la sexualité en France*. Paris.: Autrement, 2007. 293 p.

References

1. Popova R. *Koroleva Ameriki: Istoriya RuPola* [Queens of America: RuPaul's history]. Available at: <https://meduza.io/feature/2018/03/25/koroleva-ameriki> (accessed: 23.04.2019)
2. Burd'e P. *Social'noe prostranstvo: polya i praktiki* [Social space: areas and practices]. Saint-Petersburg, Aletejya, 2005, 576 p. (In Russ.)
3. *Tekhnika «kosogo vzglyada»*. *Kritika geteronormativnogo poryadka* [Technique of «oblique view». Criticism of the heteronormative order], ed. I. Gradinari. Saint-Petersburg, Institution of Gajdar Pub, 2015, 352 p. (In Russ.)
4. Kastru E. V.de. *Kristal'nyj les: zametki ob ontologii amazonskih duhov* [Crystal forest: notes on the ontology of Amazonian spirits], per. s port. D. Prestes. *Opyty neche-lovecheskogo gostepriimstva* [Experiences of inhuman hospitality] pod red. M. Kramar, K. Sarkisova. Moscow, V-A-C Press, 2018, 253 p. (In Russ.)
5. Bird M. *Zhenshchiny i vlast': Manifest* [Women and power: The manifest] Moscow, Al'pina non-fikshn, 2018, 120 p. (In Russ.)
6. Zakablukovskij E. V., Kuchinov E. V. «*Homo Retis*»: *filosofskaya antropologiya virtual'noj persony* [Homo Retis: Philosophical anthropology of virtual person]. Moscow, FLINTA, 2017, 151 p. (In Russ.)
7. Shmeleva N. V., Klyuev A. A. *Vizual'nye obrazy nezrimogo v kul'ture* [Visual images of the invisible in culture]. *Juvenis scientia*, 2019, no. 1, pp. 39—42. (In Russ.)
8. Butler J. *Gender Trouble: Feminism and subversion of identity*. NY, Routledge Press, 1999. 272 p. (In Engl.)
9. Bar K. *Politicheskaya istoriya bryuk* [The political history of trousers]; per. s franc. S. Petrova. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2013, 230 p. (In Russ.)
10. Revenin R. *Hommes et masculinités de 1789 à nos jours: contributions à l'histoire du genre et de la sexualité en France*. Paris, Autrement, 2007. 293 p. (In Fran.)

Н. А. Волокитина

Сыктывкарский государственный университет
им. Питирима Сорокина, Сыктывкар

Этническая культура и репрезентация этнической идентичности в интернет-пространстве

В статье подняты вопросы трансформации этнической культуры и идентичности в рамках современной социокультурной ситуации. Процесс оформления идентичности человека, в том числе этнической, в современном мире подвергся ряду преобразований. Изменилось само культурное пространство, значительную роль в котором стали играть Интернет, коммуникации, медиасфера. В современной ситуации человек может отразить свою идентичность в интернет-пространстве, поэтому формируются новые формы ее репрезентации.

Ключевые слова: *идентичность, этническая идентичность, этничность, Интернет, современная культура, традиционная культура.*

N. A. Volokitina

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Sykryvkar

The ethnic culture and the representation of ethnic identity through the Internet

The article discusses the problem of the transformation of ethnic culture and identity in modern culture. The process of forming personal identity, including ethnic identity, has undergone a number of transformations in the modern world.

The cultural space itself has changed. The role of the Internet and media in human life has increased. Now people express their identities on the Internet. New forms of identity representation have emerged in the modern culture.

Keywords: *identity, ethnic identity, ethnicity, internet, modern culture, traditional culture.*

Вопрос жизнеспособности традиционной этнической культуры в современном обществе зачастую на практике сводится лишь к обсуждению функционирования языка и популяризации культурного наследия различных этнических групп в новой коммуникативной среде. Меж тем проблема этнического самоопределения человека в новых культурных условиях является столь же важной при обсуждении процессов трансформации этнической культуры в современных условиях, как и языковой вопрос. Новая социокультурная реальность порождает у человека необходимость поиска иных, отличных от привычных, форм представления своей идентичности, ведь изменилось культурное пространство, значительную роль в котором стал играть Интернет, коммуникации, медиасфера.

Также необходимо понимать, что в современном мире этническая идентичность не отмирает, этот критерий вновь становится базовым, поэтому естественны поиски этнического самовыражения, новых возможностей и вариантов, которые представляет Интернет. Наша актуальная жизнь сейчас разворачивается в информационном пространстве, и интернет-реальность уже не представляется, как это было недавно, вторичной по отношению к физической. Для многих существование и самовыражение в пространстве Интернета становится столь же значимым, как и в классической форме.

В целом идентичность можно рассматривать как принятие и осознание человеком своей принадлежности к определенной культуре, социальной группе, отождествления себя с культурными ценностями, нормами и идеалами. Но сам процесс оформления идентичности человека в современном мире подвергся ряду изменений.

Первое, на что хотелось бы обратить внимание, — это вопрос создания идентичности. Современная культура подарила нам свободу выбора и культурное многообразие. Человек сейчас может не просто выразить свою идентичность, но и создать ее в рамках предложенных вариантов. Мало того, сейчас человек может смело заявить о своем выборе «себя» публично и должен это делать постоянно, чтобы соответствовать правилам коммуникации в интернет-пространстве.

Второй аспект заключается в том, что современный человек вынужден постоянно обновлять репрезентуемый образ «себя» вслед за

актуальными изменениями. В современной социокультурной ситуации человек не может лишь однажды, например в социальных сетях, заявить о своей этнической идентичности, ведь через час это заявление пропадет за валом другой информации, человек постоянно должен подтверждать свой индификационный выбор и поддерживать репрезентацию своей идентичности.

Третий важный момент — это форма выражения идентичности. Современные репрезентационные практики культурной идентичности не совпадают с традиционными, их называют «визуальным оформлением», или «иллюстрированием». По факту в интернет-пространстве действительно происходит зачастую лишь внешнее оформление признаков принадлежности к культуре, социальной или культурной группе.

Четвертый аспект касается понятия «инаковости». В современном мире идентичность перестала быть групповой, происходит индивидуальное оформление «себя». Массовый и групповой уровни формирования идентичности присутствуют, но индивидуальный превалирует над коллективным. Идентичность теперь основывается не на связи с группой и отражении этой связи, а на постоянном стремлении подчеркнуть свою исключительность. Это желание обусловлено современной социокультурной ситуацией, в которой побеждает тотальность, унификация, представление об отсутствии «инаковости». В связи с этим растет потребность в представлении своей уникальности, человек стремится оказаться вне обыденности, быть «иным».

Если говорить о состоянии самой традиционной этнической культуры, то на сегодняшний момент наблюдается возросший интерес к традиционной этнической культуре или ее элементам. В современных практиках активно воспроизводятся, реконструируются и возрождаются образы традиционной культуры, которая превратилась в удобный носитель, наполняемый новым современным значением. Так исследователи говорят о том, что в процессе развития информационных технологий, а следовательно, и интернет-пространства, появляется такой феномен, как этновизуальная культура.

Этновизуальная культура представляет собой совокупность национальных особенностей мировосприятия, заключающихся в трак-

товке характера человека, его внешнего облика, особенностей быта, образа жизни, отраженных в аудиовизуальных текстах [3, с. 59]. На данный момент возрождение этнических ценностей носит несистематический характер и зачастую сводится к внешней атрибутике, возрождаются отдельные элементы — ритуалы, обычаи и пр. Особенность, уникальность культуры воспринимается через своеобразие внешних атрибутов и символов. При этом элементы и образы традиционной этнической культуры, привлекаемые для современного массового потребления, в основном вторичны, они являются результатом трансформации и изменения контекста их существования [1, с. 21—22]. Такие процессы, например, происходят с традиционной праздничной культурой в России, где возрождаются традиционные этнические аутентичные праздники, но в соответствии с изменившейся реальностью, с изменением их функций и содержания конструируются новые по форме и содержанию праздники на основе традиционной культуры (символов, кодов, приемов, сценария, элементов) [2, с. 50—58].

Нечто подобное наблюдается и в сфере репрезентации этнической идентичности, когда основной упор делается на внешние отдельные элементы этнической культуры. В целом надо сказать, что сейчас репрезентация идентичности большей частью визуальная, поэтому акцент делается на яркие визуально воспринимаемые элементы своей культуры. Можно сказать, что идентичность человека сетевой культуры строится через определение своей связи с объектами и отдельными элементами культуры и показ этой связи окружающим.

Сейчас репрезентация этнической идентичности в интернет-пространстве — это прежде всего подчеркнутое использование своего родного языка в интернет-пространстве, хотя бы минимально и в смеси с официальным государственным языком. На данный момент вопрос использования родных языков в Интернете — один из самых волнующих активистов этнических движений. Использование в интернет-коммуникациях родного языка не просто позволяет сохранить данный язык и показать его востребованность и жизнеспособность в современном мире, но также отражает этническую идентичность человека. Это самый легкий способ по-

казать свою осознанную принадлежность к своей этнической группе в пространстве современной культуры, подчеркнуть свой выбор идентичности.

Кроме того, этническая идентичность выражается через участие в тематических пабликах, группах и интернет-сообществах. Для примера можно привести ряд названий групп, действующих в российской социальной сети «ВКонтакте»: «ФИННО-УГРЫ», «МЫ КОМИ ПЕРМЯКИ», «Вепсы, вепсский язык и вепсская культура», «Самь оллмэ vkontakte.ru/Саамы вконтакте» и т. д. Надо отметить, что общение участников подобных сообществ чаще всего происходит не на родном языке, а на русском, да и сам состав участников практически всегда этнически разнородный, это не традиционные закрытые этнические группы. Взаимодействие в интернет-пространстве проходит в условиях открытости, отсутствуют языковые, национальные, территориальные и иные барьеры. Активное участие в подобных сообществах людей, которые ранее никогда не смогли бы себя идентифицировать с определенной этнической общностью ввиду отсутствия объективных показателей (язык, место рождения и прочее), показывает возрастание фактора осознанного личного выбора идентичности современного человека. Сейчас важнее не объективные признаки, а чувство принадлежности к группе, заинтересованности в культуре, собственное отношение к сообществу, собственно «индивидуальное оформление себя».

В любом случае факт существования различных сообществ и групп в социальных сетях, нацеленных на популяризацию той или иной традиционной этнической культуры, показывает, что окончательная утрата этих культур в условиях глобализации, как опасались многие, не произошла.

Репрезентация этнической идентичности в интернет-пространстве выражается также в подчеркнутом участии в этнических праздниках и публичной демонстрации этого участия через фото или видео в социальных сетях, через феномен мобилографии (мобильной фотографии) в этническом контексте (фото малой родины, со значимыми культурными объектами и людьми, фото отчего дома, фото с представителями своего старшего поколения), через активную публикацию и распространение материалов тематических этнических

СМИ, через демонстративное выкладывание книг о культуре своего народа. Репрезентация этнической идентичности происходит и через сетевое творчество (создание мемов или комиксов на родных языках и этнические темы), а также через демонстрацию своего участия в различных культурных сетевых акциях, например чтение стихов на родных языках на видео, участие в конкурсе открыток и поздравлений ко дню родного языка и т. п.

Нужно подчеркнуть, что подобная публичная демонстрация происходит постоянно, закрепляя образ. В современной ситуации человек транслирует свою идентичность на массовый уровень, отражая при этом свою принадлежность к конкретной «узкой» группе, поэтому он вынужден оперировать материалом, который должен быть понятен публике, принадлежащей двум этим разным уровням. По факту происходит сигнализирование о принадлежности к отдельной (уникальной) группе и показ отстранённости от других групп и масс в целом. Отсюда использование очень ярких элементов и символов этнической культуры, дабы стало ясно, с кем себя соотносит человек и от кого отстраняется. Собственно, таким образом и формируется этновизуальная культура.

Остается открытым вопрос о репрезентации идентичности в социальных сетях. Можно ли считать новой формой репрезентации идентичности человека персональную страницу в социальных сетях? Ведь через личный аккаунт человек конструирует свой образ в виртуальной среде, дистанцируется от себя, превращая свой образ в демонстрируемый объект. В этой связи встает вопрос о разнице образов, конструируемых одним человеком в разных аккаунтах в разных социальных сетях. Современное коммуникативное пространство предоставило человеку возможность транслировать несколько вариантов своей идентичности.

Также надо отметить, что современная виртуальная культура приводит к потере телесного и искажению вещного. Вещь нужна и существует (интересна) только в контексте отображения в сети. Это же происходит и с этнической традиционной культурой, которая для некоторых интересна только в связи со своей непохожестью на официальную доминирующую культуру. Это же может происходить и с отображением этнической идентичности в сети Интернет. Выразить

свою этническую идентичность интересно, поскольку через это транслируется идея индивидуальности человека, его непохожести на остальных. Однако наблюдение показывает, что для многих выражение своей этнической идентичности в сети «Интернет» становится не просто способом привлечь внимание, а действительно способом отразить «себя». Особенно хорошо это заметно в среде активистов этнических движений, которые поддерживают отображение своей этнической принадлежности всеми способами и во всех аккаунтах в социальных сетях.

Тема трансформации культурной идентичности в целом и этнической в частности в рамках современной социокультурной ситуации актуальна и на данный момент еще полностью не изучена. Рассмотрение частных аспектов оставляет больше открытых вопросов. Можно сказать, что на данный момент фиксируется трансформация форм репрезентации этнической идентичности в современной культуре, поиск вариантов репрезентации в интернет-пространстве.

Библиографический список

1. Волокитина Н. А. Традиционная культура на современном этапе: направления и формы воспроизведения (на примере Республики Коми) // Человек. Культура. Образование. 2017. № 2 (24). С. 21—29.
2. Волокитина Н. А. Взаимодействие традиционной и современной праздничной культуры в Республике Коми // Человек. Культура. Образование. 2018. № 3 (29). С. 50—58.
3. Корючкина П. С. Этнический образ в пространстве современной медиакультуры // Культура и цивилизация. 2018. № 4А. Т. 8. С. 57—63.

References

1. Volokitina N. A. Tradicionnaya kul'tura na sovremennom etape: napravleniya i formy vosproizvedeniya (na primere Respubliki Komi). *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie* [Human. Cultuew. Education], 2017, no. 2 (24), pp. 21—29. (In Russ.)
2. Volokitina N. A. Vzaimodejstvie tradicionnoj i sovremennoj prazdnichnoj kul'tury v Respublike Komi. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie* [Human. Cultuew. Education], 2018, no. 3 (29), pp. 50—58. (In Russ.)
3. Koryuchkina P. S. Etnicheskij obraz v prostranstve sovremennoj mediakul'tury. *Kul'tura i civilizaciya* [Culture and Civilization], 2018, no. 4A, vol. 8, pp. 57—63. (In Russ.)

I. Zemtsova¹, V. Sharapov², E. Khydin¹

¹Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Sykryvkar

²Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Centre of Ural Branch of the Russian Academy of Science, Syktyvkar,

**The vanishing images and ornaments
of the unknown Northern folk painting:
findings of field studies in the Vashka, Vym and Vychegda
rivers in 2016—2019**

The article deals with unique samples of wood folk painting found in uninhabited rural houses in Udorsky, Ust-Kulomsky and Knyazhpogostsky districts of the Komi Republic. Nature opens up an abandoned cultural space and reveals previously hidden examples of painted woodcraft, allegedly dated from the second half of the XIX century. Under the influence of cold/humidity/heat, layers of oil paint gradually disappear from the surfaces of wooden goods which were repeatedly monochrome-painted during the XX century. Animal faces, plant and geometric compositions of previously unknown Zyrian paintings are easily visible on wooden tabletops, cupboards, sofas, and doors

Keywords: *field research, house painting on wood, traditional Komi-Zyryan dwelling, Komi Republic, Kerchomya village, Koni village, Vazhgort village.*

И. В. Земцова¹, В. Э. Шарапов, Е. А. Худин¹

¹Сыктывкарский государственный университет
им. Питирима Сорокина, Сыктывкар

²Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар

**Неизвестные «зырянские» росписи:
о результатах полевых исследований в бассейнах
рр. Вашка, Вымь и Вычегда
в 2016—2018 гг.**

В полевых этнографических отчетах второй половины XX в. подчеркивается, что в декоре внутреннего убранства традиционного жилища у коми

преобладают монохромно окрашенные поверхности и редкие, скупые геометризированные орнаментальные композиции (например, волнистые и зигзагообразные линии на входных и голбечных дверях), выполненные небрежными линиями контрастного цвета. Мнение о том, что для коми-зырян исторически нехарактерна художественная традиция домовой росписи по дереву, нередко воспроизводится и в современных академических и периодических искусствоведческих изданиях.

В настоящей статье приводятся описания уникальных образцов домовой росписи по дереву, которые были обнаружены в коми селениях на реках Выль, Вашка и Вычегда преподавателями и аспирантами Сыктывкарского государственного университета совместно с сотрудниками сектора этнографии ИЯЛИ КНЦ УрО РАН в ходе осуществления международного проекта «Living in the Komi Landscape (LiLa)» (2017—2018 гг.), ориентированного на междисциплинарное изучение процесса освоения природой культурного пространства.

Природа осваивает заброшенные 10—15 лет назад жилые постройки и открывает ранее скрытые/закрашенные образцы домовой росписи, предположительно датируемые второй половиной XIX в. Под воздействием холода/сырости/жары с поверхностями деревянных изделий и конструкций, неоднократно монохромно покрашенных в течение XX века, постепенно сходят слои масляной краски. На деревянных столешницах, шкафах, диванах, печах и голбечных дверях порой отчетливо проявляются звериные лики, растительные и геометрические орнаментальные композиции ранее неизвестных «зырянских» росписей.

Стиль геометрических росписей, зафиксированных в ныне заброшенных и разрушаемых домах на территории Республики Коми, за редким исключением, существенно отличается от росписей Русского Севера и Урала — образцы «зырянской» росписи во многом уникальны по технике исполнения, орнаментальному канону и художественно-стилистическим особенностям.

Ключевые слова: полевые исследования, домовой роспись по дереву, традиционное жилище коми-зырян, Республика Коми, село Керчомья, деревня Кони, село Важгорт.

According to the field studies findings on the territory of the Komi Region in the 40—70s, it is confirmed by ethnographers and art experts that artistic tradition of decorating houses with painting on wood is historically distinct for the Komi-Zyryans. The field report of the mid-twentieth century underlines that in the decoration of interior of a traditional

Komi home a monochrome painted surface and sparse ornamental compositions (e.g., waves and zigzag lines on front and shingle doors) made in contrasting color, prevail [1; 2, p. 6]. This assessment is often reproduced in modern academic publications [3, p. 140; 4, p. 152].

Moreover, it is a known fact that the existence of an artistic house decorated in the painting tradition was recorded in the Komi Region as early as the end of the 19th century. There is reason to believe that there is a correlation between the discovery of the Komi wood painting and the name of V.V. Kandinsky who traveled along the Vychegda river in 1889 [5, p. 102—110; 6, pp. 10—26; 7, pp. 44—94]. During the expedition, a student of Moscow University kept a travel diary in which he recorded some samples of house painting in Vychegda. Here it should be emphasized that in the pages of the Vologda Diary by V.V. Kandinsky, there are drawings of murals found exclusively in the Komi-Zyrian villages. In particular, a decorated tabletop from the Ust-Kul village on the Vychegda River. The researcher supplements the drawing with a detailed description of the color range of the ornamental composition, observing, “There developed a certain and intense affection for tables painted with bright colors” [8, p. 373—393].

Note that in the course of the «Ethnographic zoning of traditional arts and crafts in the Komi Republic» project in 2016—2017 it was possible to confirm the existence of similar tabletops that displayed poorly preserved contours of painted geometric ornaments [9, pp. 23—27; 11, pp. 84—102]. Those were found in the Komi villages on the rivers Vychegda (Kerchemya), Vashka (Vazhort) and Vym (Koni). A unique example of decorated worktops from the late 19th century from Koni is currently stored in the Knyazhpogost local history museum (Main Fund, No. 3632). Unfortunately, only a few of these examples with only slightly distinguishable fragments of painted geometric compositions have survived.

The unique findings of home painting on wood in the Vym, Vashka and Vychegda Rivers were made by teachers and graduate students from Syktyvkar State University together with employees of the ethnography department of the Institute of Language, Literature and History of Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (2017, 2018). Their chief focus was on the interdisciplinary study of the process of mastering the nature of cultural space [12].

In the village of Vazhgort on the river Vashka, in a disassembled house built in the beginning of the 20th century, a decaying wooden sofa was discovered with silhouettes or shadows of whitetoothed lions rendered in blue oil paint on its back. A wooden bed with a well-preserved painted composition “Two Lions” was discovered in a deserted house in the village of Glotovo on the Mezen River. Cabinets, table tops and doors decorated with floral and geometric multicolored painted compositions were found in the abandoned village of Verhozerie (Tyev) on the river Vashka and in abandoned houses in the village of Onezhie and Koni on the River Vym.

A unique find was made in the village of Otyl on the River Vym: a painted door with an image of a lion on the background of a complex ornamental composition (presumably dating back to the second half of the 19th century). Upon detailed examination which followed the removal of paint layers, particles of a different paint were found on the outer surface of some of the fragments of the painting. This suggests that the originally painted composition on the door was completely painted over with brown paint. Long-term unfavorable conditions contributed to peeling and gradual detachment of the «secondary» paint layer from the surface. Initially, the door was decorated with free brush painting. The figure of the lion was made in a graphic manner. The composition of the painting consists of a floral motif — a «tree» growing from the lower edge of the door symmetrically, with arranged branches entwining into a floral circle in the form of a wreath, which in turn is enclosed in a series of colored circles. In the upper part of the door above the central circle, the figure of a lion jumps with an open mouth and a protruding blue tongue. The image is made in a graphic manner, with a black contour line, with the inside painted white. Detailing brush work renders the tail and mane in short, curved strokes. The whole composition is carried out against a red-burgundy background and framed by a blue line with semicircles at the corners. The plant branches are complemented by sweeping strokes of yellow and turquoise flowers. Additional details of all of the motifs in the composition are shaded in black. The technical and artistic technique by which the composition is carried out speaks of the professionalism of the craftsman who, with a confident hand, applied the paint to the surface of the wood.

The question of the origins of home paintings samples in the Komi villages is still open, since it is known that in the Ust-Sysolsk and Yrensky districts of the Vologda province the craftsmen were migrant workers, who wandered throughout the country, right up until the 20th century. At the same time, there is no doubt about the historical evidence of the existence of original art «centers» for crafts in the second half of the 19th century, as painting-on-wood utensils (but mainly tools for weaving and spinning) in the Komi villages on the rivers Vashka, Vym and Vychehga [13, pp. 58—59; 14, pp. 104—116; 15, pp. 152—159; 16, pp. 162—163; 17, pp. 88—94; 18, pp. 119—125]. The style of geometric paintings recorded in the present abandoned and destroyed houses in the territory of Kazakhstan, with rare exceptions, differs significantly from the paintings of the Russian North and the Urals — the samples of «Zyryanskaya» painting are largely unique in their technique and artistic and stylistic features.

Библиографический список

1. Белицер В. Н. Экспедиция в Коми АССР. Усть-Куломский район. Село Дон. 1946 г. Полевая тетрадь // Научный архив Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. Ф. 10. Оп. 1. № 2438.
2. Белицер В. Н. Отчёт о работе комплексной экспедиции в Коми АССР. Полевые исследования // Краткие сообщения. Институт этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая. 1947. Вып. 3. С. 3—12.1.
3. Шелег В. А. Крестьянские росписи Севера // Русский Север: Ареалы и культурные традиции. СПб., 1992. С. 127—147.
4. Бернштам Т. А. Старообрядцы и крестьянская бытовая роспись на Севере и в Поволжье XVIII—XX вв. // Коллекции отдела Европы: Выставочные проекты. Кataloги. Исследования. 2008. Т. 54. С. 144—202.
5. Кандинский В. Из материалов по этнографии сысольских и вычегодских зырян. Национальные божества (по современным верованиям) // Этнографическое обозрение. 1889. № 3. С. 102—110.
6. Weiss Peg. Kandinsky and Old Russia. The Artist as Ethnographer and Shaman. Yale University Press, New Haven and London. 1995. Pp. 10—26.
7. Аронов И. Кандинский В.В. Истоки. 1866-1907. Иерусалим: Гешарим, 2010. 370 с.
8. Кандинский В. В. Вологодский дневник // Избранные труды по теории искусства / под ред. Н. Б. Автономовой, Д. В. Сарабянова, В. С. Турчина. М.: Гилея, 2008. Т. 2. 448 с.
9. Шарапов В. Э., Земцова И. В. Этнографическое картографирование народного изобразительного искусства коми // Роль визуальных источников в изу-

чении региональной истории: материалы международной научно-практической конференции / Национальный музей Республики Коми. Сыктывкар. 2017. С. 23—27.

10. Sharapov V. E., Zemtsova I. V. "Tradition that does not exist": wood painting of Komi-ziryans // *Relate North. Culture, Community and Communication*. Edited by Timo Jokela & Glen Coutts. — Rovaniemi: Lapland University Press, 2017. Pp. 84—102.

11. Living in the Komi Landscape. Summer school and exhibition. / Edited by Timo Jokela, Mirja Hiltunen, Elina Härkönen & Antti Stöckel University of Lapland, Rovaniemi, 2018. 56 p.

12. Грибова Л. С. Декоративно-прикладное искусство народов коми. М.: Наука, 1980. 239 с.

13. Шарапов В. Э. Графическая и свободнокистевая роспись по дереву на территории Коми края в XIX — нач. XX века // *Музеи и краеведение: труды Национального музея Республики Коми. Сыктывкар, 1997. С. 104—116.*

14. Шарапов В. Э. Коми старообрядцы — живописных дел мастера // *Арт (Лад)*. 2000. № 4. С. 152—159.

15. Зеновская В. П. Резьба и роспись по дереву // *Историко-культурный атлас Республики Коми. М.: ДиК, 2001. С. 162—163.*

16. Шарапов В. Э., Земцова И. В. «Несуществующая традиция»: роспись по дереву удорских коми старообрядцев // *Известия Коми научного центра УрО РАН*. 2017. № 3 (31). С. 88—94.

17. Sharapov V. E., Zemtsova I. V. Wood Painting Tradition of the Upper Vychegda Komi in the Late 19th — First Quarter of the 20th Century // *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. Vol. 42. Issue 2. June 2014. Pp. 119—125.

References

1. Belicer V. N. Jekspedicija v Komi ASSR. Ust'-Kulomskij rajon. Selo Don. 1946 g. Polevaja tetrad' [Expedition to Komi ASSR. Ust-Kulom district. The Village Of Don. 1946. Field notebook]. Nauchnyj arhiv Instituta jetnologii i antropologii im. N. N. Mikluho-Maklaja RAN [N. N. Maclay Scientific archive of the Institute of Ethnology and anthropology of RAS], F. 10, Op. 1, no. 2438. (In Russ.)

2. Belicer V. N. Otchjot o rabote kompleksnoj jekspedicii v Komi ASSR [Report on the work of the expedition to the Komi ASSR.]. Kratkie soobshhenija. Institut jetnografii imeni N. N. Mikluho-Maklaja [Brief messages. N. N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnography], 1947, no. 3, pp. 3—12. (In Russ.)

3. Sheleg V. A. Krest'janskije rospisi Severa [Peasant paintings of the North]. *Russkij Sever: Arealy i kul'turnye tradicii* [Russian North: Areas and cultural traditions]. SPb., 1992, pp. 127—147. (In Russ.)

4. Bernshtam T. A. Staroobryadcy i krest'janskaja bytovaja rospis' na Severe i v Povolzh'e XVIII—XX vv [Old believers and peasant household painting in the North and

in the Volga region XVIII—XX centuries]. Kollekcii otdela Evropy: Vystavochnye proekty. Katalogi. Issledovanija [Collections of the Department of Europe: Exhibition projects. Catalogues. Researches], 2008, vol. 54, pp. 144—202. (In Russ.)

5. Kandinskij V. Iz materialov po jetnografii sysol'skih i vychegodskih zyrjan. Nacional'nye bozhestva (po sovremennym verovanijam) [From materials on the ethnography of the Sysola and Vychegda Zyryans. The national deity (on modern beliefs)]. Jetnograficheskoe obozrenie [the Ethnographic review], 1889, no. 3, pp. 102—110. (In Russ.)

6. Weiss Peg. Kandinsky and Old Russia. The Artist as Ethnographer and Shaman. Yale University Press, New Haven and London, 1995, pp. 10—26.

7. Aronov I. Kandinskij V.V. Istoki. 1866-1907 [Kandinsky, V. V., The Origins. 1866-1907]. Ierusalim, Gesharim Publ., 2010, 370 p. (In Russ.)

8. Kandinskij V. V. Vologodskij dnevnik [Vologda diary]. Izbrannye trudy po teorii iskusstva [Selected works on the theory of art]. Moscow, Gileja Publ., 2008, vol. 2, 448 p. (In Russ.)

9. Sharapov V. Je., Zemcova I. V. Jetnograficheskoe kartografirovanie narodnogo izobrazitel'nogo iskusstva komi [Ethnographic mapping of folk art Komi]. «Rol' vizual'nyh istochnikov v izuchenii regional'noj istorii» Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Nacional'nyj muzej Respubliki Komi [«The role of visual sources in the study of regional history» Materials of the international scientific and practical conference. National Museum of the Komi Republic]. Syktyvkar, 2017, pp. 23—27. (In Russ.)

10. Sharapov V. E., Zemtsova I. V. "Tradition that does not exist": wood painting of Komi-ziryans. Relate North. Culture, Community and Communication. Edited by Timo Jokela & Glen Coutts. Rovaniemi, Lapland University Press, 2017, pp. 84—102.

11. Living in the Komi Landscape. Summer school and exhibition / Edited by Timo Jokela, Mirja Hiltunen, Elina Härkönen & Antti Stöckel University of Lapland, Rovaniemi, 2018, 56 p.

12. Gribova L. S. Dekorativno-prikladnoe iskusstvo narodov komi [Arts and crafts of the Komi people]. Moscow, Nauka Publ., 1980, 239 p.

13. Sharapov V. Je. Graficheskaja i svobodnokistevaja rospis' po derevu na territorii Komi kraja v XIX - nach. XX vekov [Graphic Wood Painting and Free Wood Painting in the Komi Region in the end of XIX — beg. XX Century]. Muzei i kraevedenie. Trudy nacional'nogo muzeja respubliki Komi [Museums and area study. Proceedings of the national Museum of the Komi Republic]. Syktyvkar, 1997, pp. 104—116. (In Russ.)

14. Sharapov V. Je. Komi staroobrjadcy — zhivopisnyh del mastera [Komi old believers, masters of pictorial art]. Art (Lad), 2000, no. 4, pp. 152—159. (In Russ.)

15. Zenovskaja V. P. Rez'ba i rospis' po derevu [Wood carving and painting]. Istoriko-kul'turnyj atlas Respubliki Komi [Historical and cultural Atlas of the Komi Republic]. Moscow, DiK Publ., 2001, pp. 162-163. (In Russ.)

16. Sharapov V. Je., Zemcova I. V. «Nesushhestvujushhaja tradicija»: rospis' po derevu udorskih komi staroobrjadcev [«Non-existent tradition»: a painting on

wood of the Udora Komi old believers]. *Izvestija Komi nauchnogo centra UrO RAN* [Tidings of the Komi science center, Urals branch of RAS], 2017, no. 3 (31), pp. 88—94. (In Russ.)

17. Sharapov V. E., Zemtsova I. V. Wood Painting Tradition of the Upper Vychegda Komi in the Late 19th — First Quarter of the 20th Century. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, vol. 42, Issue 2, June 2014, pp. 119—125.

О. В. Лазарева

Санкт-Петербургский государственный институт культуры,
Санкт-Петербург

Перспективы сближения визуальных исследований и культурологии¹

Статья посвящена проблеме интеграции программы визуальных исследований и культурологического знания. Устанавливается генеалогия визуальных исследований, подробно рассматривается визуальный образ в качестве объекта изучения. Выявленная специфика визуалистики позволяет автору выдвинуть предположение, что основанием для научной интеграции могут выступать тезисы о ценностном основании визуальной образности и необходимости реконструкции контекста видения. В результате формулируются методологические ориентиры для реализации визуальных исследований в рамках культурологии.

Ключевые слова: визуальные исследования, визуальный поворот, теория образа, культурология.

O. V. Lazareva

St. Petersburg State Institute of Culture, St. Petersburg

The prospects for convergence of the visual studies and cultural research

The article is devoted to the problem of the complementarity of visual studies and cultural research. The genealogy and object of visual studies were discussed. After that, the author offers two research assumptions for the integration of these two research programs. According to the first assumption, visual images are the embodiment of daily value meanings of culture. The second assumption points to the need to reconstruct the context of the vision and the tradition of communication with visual images. As a result, methodological guidelines for the study of the value-based «cultural view» were formulated.

Keywords: visual studies, visual turn, image theory, cultural research.

---

¹ Работа выполнена под руководством доктора философских наук, профессора кафедры теории и истории культуры СПбГИК В. П. Большакова.

Если бы возникла необходимость описать современность одним-единственным словом, то, вероятно, этим словом стало бы «визуальность». Значимость данного понятия состоит не столько в том, что сегодня больше, чем когда-либо, производится визуальной информации, сколько в нашей способности отрефлексировать процесс интерпретации изображений.

Бурный и насыщенный XX век оказался способен обособить человеческий взгляд посредством реактивного развития запечатлевающих технологий, тем самым поставив вопрос о сущности взгляда, его культурной обусловленности и автономном существовании образов. Гуманитарные исследователи самых разных отраслей — искусствоведения, социологии, антропологии, медиа и т. д. — поставили своей задачей установить природу видения, развивая при этом новое академическое направление — визуальные исследования (*visual studies*).

Однако обозначенная ситуация трансдисциплинарности и общее непродолжительное время существования нового направления определяют сложности с формулированием программы визуальных исследований, а самое главное, их интеграции в уже существующее знание. Потому цель данной статьи — установить возможности для осуществления визуальных исследований в рамках культурологии. Для этого обозначим историю визуальных исследований и специфику их объекта изучения, что позволит обнаружить основания для научной интеграции.

Предпосылки зарождения направления «*visual studies*» можно обнаружить в рамках британской традиции культурных исследований (*cultural studies*) [1, с. 157—183]. Для такой исследовательской программы принципиальными оказываются личный опыт и внутренний эмоциональный резонанс [2, с. 45], что меняет масштаб понимания культуры в сторону субъекта и расширяет спектр освещаемых вопросов. Именно в рамках *cultural studies* произошла академическая реабилитация повседневности, массовой культуры и всего того, что раньше было скрыто от внимания гуманитарных исследователей.

Значительное влияние на дальнейшее развитие визуальных исследований оказало рецептивное направление культурных исследований, которое установило неоднозначность сообщения и возможность

его разнообразной трактовки, а также обратилось к вопросам циркуляции культуры и практикам культурного производства [2, с. 53].

Таким образом, cultural studies заложили идейную и методологическую основу визуальных исследований, в процессе критики обратившись к скрытым ранее областям человеческой жизни. Впрочем, не только это направление оказалось у истоков изучения визуального.

Необходимость реформирования подхода к пониманию образов назревала в искусствоведении с середины XX века и нашла выражение в констатации «конца искусства» А. Данто. Его книга «The Wake of Art: Criticism, Philosophy, and the Ends of Taste» (1998) манифестировала неспособность прежних категорий концептуализации соответствовать плюралистичному и подвижному полю современно-го искусства. Именно с реформированием искусствоведения связаны наиболее продуктивные и перспективные работы [3, с. 250—259] в сфере визуальных исследований.

Путь антропологического знания [4, с. 133—155] пролегал через рассмотрение вопросов самоидентификации человека и фиксацию способов специфического культурного существования. Американский антрополог М. Мид посредством знаменитой работы «Балийский характер» еще в 1942 году установила значимость применения фотографии как способа отражения невербализируемых особенностей повседневной жизни.

Собственную траекторию к исследованию визуального обозначила и социология, которая обратила внимание на визуальную репрезентацию социальных отношений и нормативности, установление власти посредством демонстрации, сущность изображения как носителя социального смысла и паттернов поведения [5, с. 33—43] и т. д. Для М. Фуко в работе «Надзирать и наказывать» (1975) визуальное стало отражением механизмов власти и дисциплины, а британский теоретик феминизма Л. Малви в своем эссе «Визуальное удовольствие и нарративный кинематограф» (1975) констатировала типичную маскулинность взгляда кинематографа Голливуда.

Таким образом, появление исследований, которые бы обращались к визуальной культуре, было вопросом времени. Историю перехода к этой исследовательской программе представители разных дисциплин констатируют по-разному, но неизменными остаются

временной период и общие предпосылки в изменении человеческого существования: наращивание производства визуальных артефактов, развитие средств их технического воспроизведения в XX веке.

Отправной точкой манифестации нового исследовательского направления стал парадигмальный поворот второй половины XX века. Так, «iconic turn» Г. Бёма подразумевал акцент на онтологических и эпистемологических вопросах образности, «pictorial turn» Т. Митчелла указывал на политический аспект смыслового медиума, а «visual turn» связан с уже обозначенной ранее исследовательской традицией британской школы [6, с. 187—189]. Несмотря на то что данные исследовательские традиции расходятся в ряде вопросов, все они знаменуют планомерный переход исследований в сферу визуального. При этом иконический / визуальный / пикториальный поворот окончательно не вытесняет предшествующие парадигмы, но лишь отмечает назревшую необходимость дополнения существующей исследовательской практики.

Как правило, описание библиографии по непосредственно визуальным исследованиям опирается на ряд основополагающих имен и трудов, среди которых присутствуют представители различных исследовательских традиций: А. Варбург «Итальянское искусство и интернациональная астрология в Палаццо Скифаноя в Ферраре» (1912), В. Беньямин «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» (1936), М. Мерло-Понти «Кино и новая психология» (1948), Р. Арнхейм «Искусство и визуальное восприятие» (1954), Р. Барт «Мифологии» (1957), Г. Дебор «Общество спектакля» (1967), Д. Берджер «Искусство видеть» (1972), Н. Брайсон «Зрение и живопись» (1983), Д. Фридберг «Власть образов» (1989) и т. д. Однако Д. Элкинс в своем эссе «Шесть способов сделать визуальные исследования серьезной дисциплиной» убедительно доказывает, что существовало множество других исследователей, работы которых могут быть рассмотрены в качестве теоретических истоков новой парадигмы [7, с. 374].

Действительно, являясь выразителем назревшей эпистемологической необходимости, визуальные исследования впитали давно оформлявшиеся идеи в ряде областей. Мы кратко обозначили истоки визуальных исследований в cultural studies, хотя генетически кор-

ни находятся еще глубже и шире. В частности, речь идет о работах феноменологов, раскрывавших особенности бытования образа в сознании человека, неокантианцев, определивших окружающий человека мир через призму его ценностей, а также семиологов, сосредоточившихся на знаковой природе культуры. В российской науке до официального появления визуальных исследований также можно обнаружить соответствующие предпосылки, самыми значительными, однако не исчерпывающими, примерами являются диалогичность М. М. Бахтина, указывающая на коммуникативную природу смысла, и семиосфера Ю. М. Лотмана, представляющая собой указание на predetermined способ восприятия. Потому довольно затруднительно перечислить в рамках данного исследования все значительные работы, заложившие основы изучения визуальности.

Однако возможно обозначить основные этапы развития проблемного поля визуальных исследований. Так, на первом этапе происходит преодоление установок традиционного искусствознания (70-е гг.), второй этап связан с обогащением теории семиотикой (80-е гг.), третий этап представляет пикториальный поворот и окончательное обращение к самодостаточности образа (90-е гг.) [8, с. 75—79]. На современной стадии визуальные исследования представляют собой поле взаимодействия разных дисциплин, которое, однако, все еще находится в стадии оформления и остается достаточно противоречивым [9, с. 17].

Отдельно стоит отметить, что визуальное в современных исследованиях существует в трех состояниях. Во-первых, в качестве визуализации данных и результатов исследований. Это наиболее элементарная форма визуального, но она имеет значение для правильной интерпретации выводов исследования. Так, в социологии инфографика позволяет наглядно представлять сложную информацию, а фотографии с полем — иллюстрировать антропологические работы. Во-вторых, как методологическая ориентация на визуальные репрезентирующие материалы. В этом случае визуальные артефакты являются непосредственным источником смыслов, которые предстоит обнаружить исследователю. В третьих, и это аспект сосредоточения данной работы, визуальность предстает как опосредованная культурным опытом оптика человеческого видения.

Также уточнения требует достаточно очевидный, но принципиальный вопрос. Визуальные исследования зародились в англо- и немецкоязычной среде, которая и сформировала терминологический аппарат и основные установки. Потому крайне важно обозначить смысловые нюансы, изначально присущие понятиям «image» и «visual». Перевод понятия «image» может быть осуществлен посредством двух вариантов («изображение» и «образ»), что делает необходимым прописать различия между ними и между понятиями «наглядное» и «визуальное». Изображение воспринимается органами чувств и представляет собой наглядное отображение реальности. В то же время образ постигается через сознание, память и опыт в процессе визуального восприятия и представляет собой идею. Значит, изображение вызывает соответствующий образ, но последний может существовать в памяти без необходимости физического воплощения. Далее, согласно Оксфордскому словарю английского языка, перевод понятия «visual» может быть осуществлен в следующих вариантах: «визуальный», «зрительный», «образный», «наглядный» и даже «оптический». Все эти коннотации соответствуют исследовательской программе визуальных исследований, которая сосредоточена не столько на визуальном как иллюстративно представленном, сколько на зримом, образном и явленном посредством определенной оптики. Одновременное сосуществование этих аспектов раскрывает специфику объекта визуальных исследований.

Объект этот можно обозначить как *визуальный образ*, при этом уточнив всю сложность его понимания в заданной исследовательской парадигме.

Самостоятельность. Визуальный образ не просто отражает реальность и служит его пассивным зеркалом, но и существует автономно и способен порождать новые смыслы. Образ не запечатан в артефакте, он выходит за его пределы и способен замещать реальность или обращаться к несуществующему явлению. Со временем, помещаясь в иные контексты и сталкиваясь с другим зрителем, образ дополняется новыми смыслами. Также образ самостоятелен и по отношению к вербальному языку, процесс смыслообразования выходит за пределы вербализации.

Коммуникативность. Именно в процессе коммуникации визуальный образ встраивается в систему значений и обретает свой собственный смысл. С одной стороны, эти отношения неотделимы от человеческого существования, так как образы окружают человека постоянно, сам процесс взаимодействия с ними растворен в его активности. С другой стороны, логика образного восприятия определяет особое рефлексивное усилие [10, с. 16], которое необходимо для понимания процесса формирования изображением смысла.

Опытность и эмоциональность. Опыт человека является следствием его существования в определенном культурном пространстве, которое обладает устоявшейся системой ценностей и смыслов. При коммуникации с образом человек интерпретирует его посредством индивидуальной, но сформированной культурным окружением ценностной призмы. Образ существует за счет порождения соответствующего отклика в сознании зрителя, который, в свою очередь, определяется опытом.

Аутентичность. Образ представляет собой свидетельство очевидца, непосредственно представленное в его сознании и связанное с личными смыслами. Это уникальный опыт смотрящего [11, с. 11], который является совершенно субъективным и при этом имеет полноправное отношение к общему культурному пространству. Визуальный образ может в разной степени точности пересекаться с реальностью, но он всегда верен внутреннему ощущению правдивости.

Телесность. Видимость образа зависит от положения нашего тела в пространстве и направленности взгляда, его способности охватить определённый масштаб реальности [12, с. 50]. Человек способен увидеть только то, что находится перед ним, на что он смотрит в данный момент. Все остальное исчезает из поля видимости, хотя продолжает подразумеваться. Когда тело меняет свое положение в пространстве, то меняется и наблюдаемый образ, потому как открывается с нового ракурса.

Мерцание. Визуальный образ сочетает видимое и невидимое, мерцает, подсвечивая сложно вербализируемую систему связей и смыслов: все то, что исходя из собственного культурного опыта человек был способен увидеть и интерпретировать.

Контекстуальность. Визуальные практики определяют процесс интерпретации образа, который соотносится с ними и оказывается вписан в их систему. Потому исследование визуального образа тесно связано с контекстом его существования, который устанавливает специфику создания и распространения образов, особенности коммуникации со зрителем. Кроме того, образ тесно связан с контекстом культурным, который может обогащаться бесконечно, что делает невозможным достижение тотального понимания образа и его исчерпывающее описание.

Итак, для визуальных исследований образ раскрывается через понятие опыта, индивидуального по своей природе и общекультурного по своему соотношению с системой смыслов и ценностей. В таком случае исследование визуального образа осуществляется не посредством его семиотического рассмотрения как знака, а в описании и констатации способов отношения с ним [13, с. 128], в исторической реконструкции истории видения и поиске связей со смыслами культуры повседневности.

Для такого рода исследования возможны различные методологические ориентиры.

Так, Т. В. Вдовина выделяет следующие базовые подходы [14, с. 16—26]: а) психоаналитический, тесно связанный с личностью автора и его персональными проекциями в артефактах; б) социально-критический, ориентированный на раскрытие властной природы и установление присутствия идеологии в визуальном; в) деконструктивизм, обращенный к деконструированию визуального как текста; г) дискурсивный, ориентирующий на роль и место интерпретатора в процессе коммуникации.

С. В. Пирогов иным образом выделяет четыре парадигмы современных визуальных исследований: «натурализм (с ориентацией на позитивистскую методологию), структурализм (с ориентацией на системно-семиотический анализ), конструктивизм (с ориентацией на анализ ситуации возникновения и функционирования явления, в том числе и дискурсивный анализ) и феноменология (с ориентацией на анализ смысла — как производителя, так и потребителя визуальных образов)» [15, с. 126].

Интересными представляются разработки Н. В. Веселковой [16, с. 309], которая предлагает вариант упорядочивания визуальных ме-

тодологий. Автор опирается на триады, раскрывающие суть социального взаимодействия визуального, где а) коммуникативная триада объединяет производство — образ — аудиторию, б) субъектная включает автора — наблюдаемые — аудиторию, в) методологическая заключает поле — анализ — презентацию.

Однако наиболее точно, на наш взгляд, специфика осуществления визуального исследования определена М. Баль в статье «Визуальный эссенциализм и объект визуальных исследований». Автор пишет: «исследования визуальной культуры вряд ли станут описывать конкретные артефакты и их происхождение по примеру истории искусства или целые культуры, как это делает антропология. <...>. Он должен фокусироваться на местах, где объекты — часто, но не исключительно — визуальной природы совпадают с процессами и практиками, формирующими данную культуру» [17, с. 243].

В целом обзор соответствующей литературы по методологии визуальных исследований показал, что не существует четко обозначенных и универсальных исследовательских операций и алгоритмов. Поле визуальных исследований представляет собой место сосуществования и переплетения различных дисциплин, поэтому методологическая ориентация осуществляется исходя из исследовательских задач и особенностей конкретной дисциплинарной установки.

Далее обратимся к тому, как потенциал визуальных исследований может быть раскрыт в рамках культурологии. Ведь спецификой культурологии является обращенность к ценностям и смыслам культуры, что выводит понимание визуальности на совершенно иной уровень, связанный со смысловым наполнением повседневного существования человека. Потому именно культурология позволяет обращаться к «непосредственно основам образного кодирования в культуре» [18, с. 413], обнаруживая самые общие принципы визуального творчества культуры.

По нашему мнению, в этом случае представляются принципиальными два аспекта: ценностное основание визуальной образности и необходимость реконструкции контекста видения. Остановимся подробнее на значении выделенных положений для формирования методологии исследования.

Визуальные образы представляют собой возможности для опредмечивания ценностных смыслов культуры. Если человек является по своей сути переживающим мир, то феномены визуальных образов тоже предстают данными в переживании. Переживание существует в настоящем моменте, содержит отношение значимости и опыт проживания жизни. Другими словами, переживание имеет ценностную природу, а значит, именно ценности культуры определяют возможность появления того или иного визуального образа.

Наряду с высшими ценностями, опредмечивание которых в чистом виде представляется затруднительным, в повседневности человека реализуются *ценностные смыслы* [19, с. 13], представляющие собой жизненное воплощение особой значимости чего-либо в конкретной культуре. Данное понятие подчеркивает живость, практическую ориентацию, а также многообразие форм воплощения ценностей. Ценностные смыслы конкретной культуры раскрывают ее специфику, потому как обращаются к непосредственному опредмечиванию ее духовного содержания и учитывают возможности для его практической реализации.

Ценностные смыслы культуры исходят из повседневной жизни и чутко отзываются на ее кардинальные изменения. Поэтому можно говорить о системе ценностных смыслов, более или менее стабильно существовавшей в определенный культурно-исторический период, а также о ее трансформации. Система эта развивалась вокруг представления об особой значимости чего-то в жизни общества и человека и возможностей для повседневного проявления данных ценностных отношений.

Потому для исследования визуальных образов в рамках культурологии необходимо предварительное установление системы ценностных смыслов культуры, ее исторических изменений и современной специфики.

Необходимость реконструкции исследователем контекста видения определена коммуникативной природой визуального образа, согласно которой образ рождается в процессе его интерпретации, понимания через призму культурных ценностей и смыслов. Визуальный образ не существует в вакууме, он всегда вписан в общепринятые способы обращения с ним, его понимания. Этот про-

цесс понимания образует традицию, с одной стороны — непрерывную, а с другой — постоянно творящуюся и обновляющуюся. Традиция понимания определяется историко-культурным контекстом, позволяет человеку ориентироваться в потоке визуальных образов, соотносить их смысл с уже известным и принятым в данной культуре.

Потому представляются перспективными исследования не только видимого — многочисленных визуальных образов культуры, но и всего того невидимого, что скрыто и существует в фоновом виде, что может быть описано через язык теории практик.

В рамках этой теории практики понимаются как обычная, привычная, скрытая от повседневного взгляда деятельность человека, несущая в себе особый характерный отпечаток времени и места [20, с. 17—24]. Для культурологии практики предстают не просто привычным способом осуществления деятельности, но неизменно связанным с актуальными для данной культуры ценностными смыслами.

Потому исследования практик в сфере визуального будут направлены на изучение вопросов: как складывается так, что при обращении с визуальными образами осуществляются определенные действия в определенное время, как способ подобных привычных действий изменяется с течением времени? Другими словами, становится необходимо исследовать визуальные практики, которые охватывают *сформированный в определенных культурно-исторических условиях способ создания, распространения и интерпретации визуальных образов, посредством чего осуществляется их генерация и воспроизводство культурных смыслов.*

Подобная постановка исследовательского вопроса позволяет включить процесс коммуникации с визуальными образами в повседневность. Ведь в таком случае предполагается обращение к представлениям о том, что в данной культуре является важным для демонстрации, что предлагается в качестве визуальной нормы, что целевая аудитория способна увидеть и интерпретировать исходя из своего культурного опыта.

Следовательно, необходимо не только установить ключевые ценностные смыслы данной культуры, но и осуществить истори-

ческую реконструкцию свойственной традиции видения. Тем самым становится возможно обнаружить то, как процесс создания, распространения и интерпретации визуальных образов менялся со сменой ключевых ценностных смыслов культуры.

Итак, были установлены история оформления визуальных исследований, специфика их объекта и основания для осуществления визуальных исследований в рамках культурологии. Далее представляется возможным предложить следующие методологические ориентиры для подобной научной интеграции.

В основании визуального образа лежит переживание, которое определяется ценностными смыслами данной культуры. С переживания же начинается и методологическая процедура интерпретации образа и исторически устоявшейся традиции обращения с ним. *Установление системы ценностей культуры является предваряющим этапом для осуществления визуальных исследований в рамках культурологии.*

Визуальный образ существует как представленный сознанию, это представление относится к сущности образа и раскрывает один или несколько его аспектов. Поэтому необходима фиксация и описание образа, основанная на его чувственном восприятии исследователем. *Визуальный опыт становится отправной точкой исследования.*

Исследование визуального образа подразумевает установление контекста его существования, который определяет особенности понимания образа и его практический смысл. Знание контекста не является определяющим, однако оно позволяет задавать «правильные вопросы» визуальному артефакту. *Понимание визуального образа движется от общего к частному, от контекста к самому образу и наоборот.*

Визуальный образ предстает как текст, отличный от линейной организации текста лингвистического. Это текст не является конечным и застывшим, но обростает новыми смыслами при каждой интерпретации с течением времени. *Потому необходимо быть открытым к беседе с текстом, позволить ему «говорить».*

Исследователь обладает предрассудками, которые необходимо определить и установить их полезность для понимания. За субъективностью находится над-субъективное, которое определяет включенность в культуру и позволяет пониманию осуществляться.

Необходимо органичное сращивание в единый смысловой горизонт собственного мнения и голоса текста.

Вербализация исследователем своего понимания является заключительным этапом, на котором необходимо учитывать внутреннее единство визуального языка и мышления. Визуальный образ тесно связан со своим смыслом, визуальный образ и есть мировидение. Напрямую перевод в вербальную плоскость невозможен, поэтому он будет примитивнее и проще. *Вербальное описание образов должно представлять собой философскую медитацию, в которой субъективный опыт открывал бы над-субъективные структуры культуры и вскрывал скрытые смыслы.*

Итак, визуальные исследования являются выражением последовательного развития гуманитарной науки, обнаруживающей свой интерес к повсеместно окружающим человека визуальным образам. В исследовательской традиции *visual studies* предполагается обращение к культурно обусловленному процессу видения, который определяет специфику существования и восприятия образов. В ряду исследований, посвященных контексту создания визуальных образов и поиску «оптики» человеческого взгляда, для культурологии наступает благоприятная пора в плане собственного эвристического потенциала.

Описание визуальных образов, осуществляемое вместе с современными тенденциями визуальных исследований, должно быть способно раскрыть «культурный взгляд», присущие данной культуре особенности видения. Таким образом, возможна интеграция визуальных исследований и культурологии, что позволяет актуализировать культурологическое знание. В то же время обнаружение подобной «культурной оптики» является особо значимым в контексте современного усиления межкультурных контактов.

Библиографический список

1. Холл С. Культурные исследования: две парадигмы // Логос. 2012. № 1(85). С. 157—183
2. Куренной В. А. Исследовательская и политическая программа культурных исследований // Логос. 2012. № 1(85). С. 14—79.
3. Элкинс Дж. Девять типов междисциплинарности для визуальных исследований: ответ на статью Мике Баль «Визуальный эссенциализм и объект визуальной культуры» // Логос. 2012. № 1(85). С. 250—259.

4. Копцева Н. П., Ильбейкина М. И. Визуальная антропология как актуальная область культурных исследований // Гуманитарные и социальные науки: сетевое издание. 2014. № 2. С. 133—155. URL: <http://www.hses-online.ru/2014/02/16.pdf> (дата обращения: 10.03.2019).
5. Запорожец О. Н. Визуальная социология: контуры подхода // ИНТЕР. 2007. Т. 1. № 4. С. 33—43.
6. Инишев И. Н. «Иконический поворот» в теориях культуры и общества // Логос. 2012. № 1 (85). С. 184—211.
7. Элкинс Дж. Шесть способов сделать визуальные исследования серьезной научной дисциплиной // Исследуя визуальный мир: пер. с англ. Вильнюс: ЕГУ, 2010. 534 с.
8. Беззубова О. В. Визуальная культура и визуальный поворот в культуральных исследованиях второй половины XX века // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 5. С. 75 — 79.
9. Мазур Н. Н. Исследования визуальной культуры: история и предыстория // Искусствознание. 2018. № 1. С. 10—51.
10. Инишев И. Н., Бедаш Ю. А. Визуальное, социальное, образное: зрительное восприятие как фактор современной культуры // ПРАЭНМА. 2016. 1 (7). С. 9—25.
11. Бергер Дж. Искусство видеть / пер. с англ. Е. Шраги. СПб.: Клаудберри, 2012. 184 с.
12. Петровская Е. В. Теория образа. М.: РГГУ, 2010. 280 с.
13. Крышталева М. К. Визуальные исследования: генеалогия и культурологический потенциал // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2014. № 169. С. 125—129.
14. Вдовина Т. В. Визуальные исследования: основные методологические подходы // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2012. № 1. С. 16—26.
15. Пирогов С. В. Горизонты исследований визуального // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2013. № 4 (24). С. 124—131.
16. Веселкова Н. В. Методологические ориентиры визуальных исследований // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. Вып. 17. С. 303—323.
17. Баль М. Визуальный эссенциализм и объект визуальных исследований // Логос. 2012. № 1 (85). С. 212—249.
18. Бахманн-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре / пер. с нем. С. Ташкенова. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 504 с.
19. Большаков В. П. Ценности культуры и время (некоторые проблемы современной теории культуры). Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2002. 112 с.
20. Волков В. В., Хархордин О. В. Теория практик. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2008. 297 с.

References

1. Holl S. Kul'turnye issledovaniya: dve paradigmy [Cultural studies: Two Paradigms]. *Logos*, 2012, no.1(85), pp. 157—183. (In Russ.)
2. Kurennoj V. A. Issledovatel'skaya i politicheskaya programma kul'turnyh issledovanij [Cultural Studies Research and Policy Program]. *Logos*, 2012, no. 1 (85), pp. 14—79. (In Russ.)
3. Elkins Dzh. Devyat' tipov mezhdisciplinarnosti dlya vizual'nyh issledovanij: otvet na stat'yu Mike Bal' «Vizual'nyj essencializm i ob»ekt vizual'noj kul'tury» [Responses to Mieke Bal's «Visual Essentialism and the Object of Visual Culture: Nine modes of interdisciplinarity for visual studies]. *Logos*, 2012, no. 1 (85), pp. 250—259. (In Russ.)
4. Kopceva N. P. Il'bejkina M. I. Vizual'naya antropologiya kak aktual'naya oblast' kul'turnyh issledovanij [Visual anthropology as a relevant sphere of cultural research]. *Gumanitarnye i social'nye nauki* — Humanities and Social Sciences, 2014, no. 2. (In Russ.) Available at: <http://www.hses-online.ru/2014/02/16.pdf> (accessed 10.03.2019)
5. Zaporozhec O. N. Vizual'naya sociologiya: kontury podhoda [Visual Sociology: Outlines of an Approach]. *INTER*, 2007, vol. 1, no. 4, pp. 33—43. (In Russ.)
6. Inishev I. N. «Ikonicheskiy povorot» v teoriyah kul'tury i obshchestva [The “Iconical Turn” in theories of Culture and Society]. *Logos*, 2012, no. 1 (85), pp. 184—211. (In Russ.)
7. Elkins Dzh. *Shest' sposobov sdelat' vizual'nye issledovaniya ser'eznoj nauchnoj disciplinoy* [Six Ways to Make Visual Studies More Difficult]. Vilnius, EGU Press., 2010, 534 p. (In Russ.)
8. Bezzubova O. V. Vizual'naya kul'tura i vizual'nyj povorot v kul'tural'nyh issledovaniyah vtoroj poloviny XX veka [Visual culture and visual turn in the second half of the twentieth century]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta* — Scientific Notes of Oryol State University. Series: Humanities and Social Sciences, 2012, no. 5, pp. 75—79. (In Russ.)
9. Mazur N. N. Issledovaniya vizual'noj kul'tury: istoriya i predystoriya [Studies of visual culture: history and prehistory]. *Iskusstvoznanie* — Art history, 2018, no.1., pp. 10—51. (In Russ.)
10. Inishev I. N., Bedash Yu. A. Vizual'noe, social'noe, obraznoe: zritel'noe vospriyatие kak faktor sovremennoj kul'tury [The visual, social, and imaginative: visual perception as a factor of contemporary culture]. *Praxema*, 2016, no. 1 (7), pp. 9—25. (In Russ.)
11. Berger D. *Iskusstvo videt'* [Ways of seeing]. Saint-Petersburg, Klaunderri Publ., 2012, 184 p. (In Russ.)
12. Petrovskaya E. V. *Teoriya obraza* [The image theory]. Moscow, RGGU Press., 2010, 280 p. (In Russ.)
13. Kryshhtaleva M. K. Vizual'nye issledovaniya: genealogiya i kul'turologicheskij potencial [Visual studies: Genealogy and Culturology potential]. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta A. I. Gercena* — News of the Russian State Pedagogical University A. I. Herzen, 2014, no.169, pp. 125—129. (In Russ.)

14. Vdovina T. V. Vizual'nye issledovaniya: osnovnye metodologicheskie podhody [Visual studies: basic methods of research]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov* — RUDN Journal of Sociology, 2012, no.1, pp. 16—26. (In Russ.)
15. Pirogov S. V. Gorizonty issledovaniy vizual'nogo [Horizons of research visual]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* — Tomsk State University Journal Of Philosophy Sociology and Political Science, 2013, no. 4 (24), pp. 124—131. (In Russ.)
16. Veselkova N. V. Metodologicheskie orientiry vizual'nyh issledovaniy [Methodological guidelines for visual research]. *Dokument. Arhiv. Istoriya. Sovremennost'* [Document. Archive. Story. Modernity]. Ekaterinburg, Ural. University Press., 2017, no. 17, pp. 303—323. (In Russ.)
17. Bal M. Vizual'nyj essencializm i ob»ekt vizual'nyh issledovaniy [Visual essentialism and the object of visual culture]. *Logos*, 2012, no. 1(85), pp. 212—249. (In Russ.)
18. Bahmann-Medik D. *Kul'turnye povoroty. Noveye orientiry v naukah o kul'ture* [Cultural Turns: New Orientations in the Study of Culture]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017, 504 p. (In Russ.)
19. Bol'shakov V. P. *Cennosti kul'tury i vremena (nekotorye problemy sovremennoj teorii kul'tury)* [Values of culture and time (some problems of the modern theory of culture)]. Velikiy Novgorod, NovSU them. Yaroslav the Wise Press., 2002. 112 p. (In Russ.)
20. Volkov V. V., Harhordin O. V. *Teoriya praktik* [The theory of practices]. Sankt-Peterburge, European university Press., 2008, 297 p. (In Russ.)

М. В. Мелихов

Сыктывкарский государственный университет
им. Питирима Сорокина, Сыктывкар

**Записки и дневники матросов
К. Верещагина и А. Бобрецова
как феномен народной письменной культуры**

На материале мемуаров матросов-северян К. Я. Верещагина, А. Ф. Бобрецова рассматривается проблема перехода и «встраивания» сознания крестьянина в новый для него мир военно-морского флота, принятия и неприятия им реалий воинской службы, нового быта и новой, армейской картины мира.

Ключевые слова: крестьянские и солдатские мемуары, военная служба и быт матросов, война в восприятии, письменная культура.

M. V. Melikhov

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Sykryvkar

**Notes and diaries of the sailors K. Vereshchagin
and A. Bobretsov as a phenomenon of folk written culture**

Using the memoirs of sailors in the North K. Y. Vereshchagin and A. F. Bobretsov, the article explores the problem of transition and «integration» of the peasant consciousness into the new world of the Navy, acceptance and rejection of the realities of military service, a new life and a new picture of the world.

Keywords: peasants 'and soldiers' memoirs, military service and life of sailors, perception clash, written culture.

Систематического изучения воспоминаний о службе в российской армии или на флоте в XVIII—XIX веках как самостоятельного (пусть и не совсем литературного) жанра к настоящему времени не было, критерии оценки этих текстов и возможности анализа также не выработаны. Крайне редко исследователи обращали внимание, например, на достоверность этих текстов, т. е. на соотношение в них реальных фактов и вымысла, на трансформацию мировоззрения ав-

торов (по преимуществу из крестьян) и их мировоззрения в соответствии с новой средой обитания, в которой прежняя система оценок мира и человека переставала работать. Не менее сложна также и проблема перестройки сознания авторов, в своем жизненном опыте опирающихся на стереотипы общинного, фольклорного типа к новому типу сознания, армейскому, городскому, письменному, к миру казармы и к новой идеологии «человека с ружьем». Одним из показателей перехода от мира сельской общины к миру казармы становится переход от коллективной памяти, ориентированной на повторение одних и тех же текстов, основанной на стереотипах земледельческого цикла [1, с. 346], к памяти другого типа, письменной, сохраняющей информацию, интересную только для самого автора.

Служба в армии и в военном флоте в XVIII и даже в первой половине XIX века для бывшего крестьянина мало чем отличалась от ухода в «иной» мир: шанс вернуться домой имели только калеки, уже не пригодные ни к строевой службе, ни к работе на земле, так как рекруты призывались на пожизненную службу на протяжении почти всего XVIII века. Только после 1793 г. был установлен 25-летний срок, но и в этом случае вероятность остаться в живых и при этом сохранить здоровье была практически исключена. Солдатский мир — особый, ничем не похожий на мир крестьянской общины. Казарма, плац, построения, муштра, строгости армейской службы, жестокие наказания, отсутствие привычных для сельского или городского жителя работ, безусловно, пугали бывших крестьян. Поэтому в фольклорных произведениях воинская служба имела в основном негативную оценку [2, с. 112—152]. Не стоит удивляться, что проводы рекрутов на службу сопровождались комплексом ритуалов, напоминающих похоронный обряд, где предполагались прощание с прежним общинным образом жизни, подключение к новым знаниям и даже посильная помощь в приспособлении к иным условиям жизни и к новому миру, в который рекрут переходил, не имея на то своего желания [3].

В России желающих добровольно служить в армии или во флоте всегда было немного. Если сельская община (информация по Архангельской губернии конца XVIII века) была заинтересована в крестьянине, то она могла выплатить в казну 400 рублей и таким об-

разом выкупить его [4, с. 132]. На Печоре во второй половине XIX века тоже можно было освободиться от службы, но за взятку, заплатив начальнику рекрутской команды лично уже 1000 рублей. Крестьяне были вынуждены брать деньги в долг и на несколько лет становились батраками или бурлаками у местных богачей. Был и еще один вариант избежать призыва в армию — уйти в лес тогда, когда приезжала воинская команда за рекрутами (так поступил однажды отец старообрядческого книжника и писателя С. А. Носова)[5, с. 155].

Солдатские или матросские дневники и мемуары нечасто привлекали внимание исследователей. Они малоинтересны по своим литературным качествам, неточны и как источники информации о военных действиях. Более известны воспоминания о войне представителей образованных сословий, прежде всего дворян: их мемуарам неумелые тексты, написанные вчерашними крестьянами, безусловно, проигрывали по всем возможным параметрам. Но именно эти простодушные, с массой грамматических и стилистических ошибок тексты, как нам кажется, и фиксируют наиболее и правдивый портрет и времени, и героев этого времени. На романтизацию войны, на вымысел и приукрашивание событий у этих авторов просто недоставало воображения.

Два варианта судьбы рекрутов, которым все-таки на службу пойти пришлось (одному на рубеже XVIII—XIX веков, второму — в самом конце XIX века), мы и рассмотрим. Оба автора, К. Я. Верещагин и А. Ф. Бобрецов, из крестьян Архангельской губернии. В биографиях этих авторов (не писателей, а именно авторов: каждый из них написал только по одному тексту) много общего: оба из крестьян, служили в военном флоте, призывались из Архангельска, и оба вели записи о своей службе на протяжении нескольких лет. Неизвестно, где они научились писать и читать не полууставным письмом (это было бы естественно для коренных жителей старообрядческих регионов), а скорописью. Почти сто лет отделяет события, о которых рассказывает К. Я. Верещагин, от событий, участником и свидетелем которых был А. Ф. Бобрецов, который также служил на флоте, но спустя уже 100 лет, в 1893—1899 гг.

Константин Яковлевич Верещагин отслужил 25 лет на флоте, о чем он сам неоднократно пишет в записках, которые сделал уже

по возвращении со службы. О его биографии известно мало, неизвестны даже даты его рождения и смерти. Основным источником информации — небольшая рукописная тетрадка с записями на десяти страницах, находящаяся в собрании рукописей А. Д. Григорьева в Национальной библиотеке Чехии в Праге (№ 21. Описание военной службы шкипера Константина Верещагина, автограф, XIX в. (1-я пол.), 4°, 10 л., скоропись) [6, с. 686]¹. Названия у этой рукописи нет, для краткости мы будем называть ее Записки. Автор (и герой) Записок — матрос из северных крестьян, был призван с Пинеги, служил на разных кораблях. В первых записях рассказывается о том, как героя с командой рекрутов доставили в Архангельск зимой 1797 г, в последних — о возвращении русской эскадры из экспедиции в Голландию в 1800 г. Упоминается также (без подробностей) о визите на корабль императора Павла Петровича.

К. Я. Верещагин всегда сосредоточен исключительно на себе, на тяготах воинской службы: на сложном процессе «вживания» в армейский коллектив («артель»), на описаниях жестоких наказаний матросов офицерами. Общая тональность его сочинения свидетельствует о полном упадке духа, службу он воспринимает как проклятье, как ад на земле. Отметим, что в «Книге для памяти записывания морского путешествия с 1893 года с 17 мая по 1899 год» А. Ф. Бобрецова [5, с. 74—111] нет ни одной ситуации, в которой бы рассказывалось о конфликтах между матросами и офицерами или о наказаниях, которыми офицеры подвергали матросов. После службы он благополучно вернулся на Пижму, женился, его фамилия и фамилия его отца неоднократно упоминаются В. И. Малышевым в списках книжников Печоры [7, с. 44, 84, 89, 98]. Отличительная особенность А. Ф. Бобрецова — оптимизм, пафос по любому поводу, патетика, автор всегда патриот, он гордится Россией, русским флотом, он убежденный монархист и готов отдать жизнь за императора и, естественно, за российский флот. А. Ф. Бобрецов в каждой строке своей книги чувствует себя причастным к великой миссии — защищать Россию и российского монарха, для него великая честь — быть в экипаже яхты российских императоров. Он знает титулы, имена и отчества всех членов императорской се-

---

¹ Текст в статье цитируется по этой рукописи.

мьи и высших чиновников Российской империи, он даже посвящен в некоторые семейные дела императора Николая II: скорбит о преждевременной смерти великого князя Георгия, умершего от разрыва аневризмы, сочувствует императрице, которой стало плохо от морской болезни во время шторма и т. п. Он гордо смотрит на себя как на представителя России в Европе и Азии, он видел почти всех европейских монархов, встречался с жителями самых разных стран: Англии, Франции, Дании, даже о. Цейлона. Отметим сразу, что большая часть фактов о жизни императорской семьи, зафиксированных А. Ф. Бобрецовым в «Книге», находит подтверждение в дневниках Николая II, совпадают не только год и день событий, но и часы и даже минуты.

Записки К. Я. Верещагина минимально фактографичны (и этим отличаются от «Книги» А. Ф. Бобрецова), но в них есть множество эмоциональных отступлений с описаниями повседневного быта (количество продуктов, выдаваемых солдату, порядок приема пищи, разнообразности матросских работ и т. д.). Но самые впечатляющие факты — рассказы о жестокости офицеров к матросам. Порой они напоминают прозаическую импровизацию на основные мотивы анонимной «Поэмы о солдатской жизни» (она помещена К. Верещагиным в конце Записок) — текста, не похожего на рекрутские и солдатские песни, в котором нет привычных лирических элементов фольклорной песни, но много фактов о суровых буднях матросской службы. Признаков поэтического текста в «Поэме...» совсем немного, даже рифмы в ней весьма приблизительные. Но авторское определение жанра этого произведения указывает на его знакомство с новой литературой, ориентирует читателя не на фольклор, а на литературу нового времени, не на народную песню или плач, а на реалистичное, не идеализированное поэтическими метафорами изображение солдатской жизни. «Поэма...» включена в текст Записок не случайно: по всей вероятности, она полностью соответствовала мироощущению автора Записок во время его службы. Очевидно, что традиционными песенными или частушечными формулами фольклора о тяготах солдатской службы рассказать было невозможно. В данном случае матрос К. Я. Верещагин, который еще не успел стать настоящим солдатом и сохранил свежесть восприятия нового для него мира, взял за образец произведение солдатского фольклора. Один из признаков фоль-

кларного народного типа сознания — ориентация на «шаблон», с помощью которого можно было бы дать характеристику тому или иному событию. Очевидно, что для К. Я. Верещагина такой «матрицей» послужила именно анонимная «Поэма...», отразившая и его восприятие сурового армейского мира, поэтому она и была включена (почти полностью) в текст Записок. Если в крестьянском фольклоре лирические песни выражали народное отношение к тем или иным житейским ситуациям, то в армии их заменили, по-видимому, произведения жанров уже новейшей (для автора) литературы — поэмы [8, с. 47—48]. Перед анализом текста Записок приведем три фрагмента поэмы, которые, как нам кажется, полностью отражают жизненную «философию» матроса К. Я. Верещагина и его мироощущение:

*Ты солдатъ горемыка,
Хуже лапотного лыка,
Твоей жизни хуже нѣтъ,
Изойди весь белой свѣтъ.
Тебя дуютъ, тебя бьютъ,
Такъ, какъ полосу куютъ.
Собаку чтутъ дороже —
Тебя палкой бьютъ по рожѣ
И по главъ, и т. д. [2, с. 143—150].*

Герой Записок не осознает себя защитником России, не ощущает в себе крепости духа истинного патриота, отважно идущего в штыковую атаку за своими отцами-командирами. Автобиографический герой К. Я. Верещагина — сентиментальный деревенский увалень, физически крепкий, высокого, по-видимому, роста (при измерении роста, как он сам пишет, кто-то о нем сказал: «Лоб!»), но совершенно не приспособленный к суровому армейскому быту, неумелый, неуклюжий, рыдающий по поводу и без повода и совсем не стесняющийся своей чувствительности. Тема военной службы как непрерывного страдания и становится центральной в Записках.

Приведем подборку цитат, в которых автор рассказывает о своих переживаниях по разным поводам: (герой выехал из дома и: «*Такъ былъ сердцемъ тронутъ, что ни одново дни не было такихъ, чтобы слезъ тучу не пролить. Толок разве глухая придетъ ночь толки мои слезы уничтожающа*» (л. 1 об.); в Архангельске он встретил земля-

ка, тот пригласил его к себе на квартиру: *«Я с радости не знаю, я радъ былъ или испугался, началъ плакать у ево на квартирѣ»* (л. 2 об.); герой скучает по дому и признается, что плачет по ночам: *«Я тосковалъ да плакалъ много время, более приноравливал, чтъбы нехто меня не видал: ни хозяинъ дому и ни хозяйка, такожде и товарищи мои»* (л. 2 об.). Герой рыдает каждый день (он устал от болезни и лечения в госпитале, боится оставаться, так как думает, что его хотят «уморить», цит.: *«...началъ более тово рыдать, меня начали уговаривать всячески, не на чуть, а мню: пришло въ память, буто меня хотят уморить...»* (л. 3). Подобных примеров недостойного для защитника России «чувствительного» поведения в тексте много. Так, например, впечатляет своей безыскусностью и наивным простодушием эпизод о страданиях героя, не приспособленного не только к армейской службе, но и к обычному крестьянскому труду. Этот эпизод даже на фоне сентиментальных повестей конца XVIII — начала XIX века может показаться слишком чувствительным. Непонятно, чем герой занимался до службы, если не научился работать молотком и не умеет даже конопатить. Такой тип работы обычен для всех, кто живет в деревянном доме: раз в несколько лет нужно обязательно в пазы между бревнами вбивать свежий мох взамен высохшего или выпавшего. Матросам, в числе которых и автор Записок, поручено конопатить корабль: *«Заставили меня конопатить бока (борта корабля — М. М.) — в руках не бывало. У себя все руки обил до кости: люди по конопатки бьют — я все по руки. Хочешь такъже, какъ люди, хочу попасть въ конопатку — попадаю все в руки. Мои ручки все распухли, въ крове, какъ у барана, пособить нехто мнѣ не можетъ, научитце работаетъ я не могу. Такъ я маялся 3 недѣлки»* (л. 3 об.).

Нашла отражение в Записках актуальная и для современной армии тема взаимоотношений новобранцев и старослужащих. Это всего одна зарисовка, она сугубо бытового свойства, рассказано в ней о том, как было принято обедать во флоте: матросы сидят вокруг большой миски, каждый со своей ложкой и своим хлебом, и по очереди черпают из этой миски «шти». Герой приписан к новой для него «артели», с этой артелью обедает в первый раз и не знает их правил: *«Я жил без артели, причислили в другую артель. Хлебъ свой, толко ходишь щти хлебать к нимъ. Мы сели объдать все вместе.*

1-ю чашку выхлебали с крошениной (блюдо из кусочков мяса, рыбы и проч. вчерашних продуктов — М. М.), 2-ю принесли, говорят старики: «Выпрушить мясо, скушее щти будутъ». Я первую лошку хлебнул, на людѣй не гляжу, по-своему, по-домашному, живо, съ мясомъ. Подле меня сидѣлъ старикъ, ничего мнѣ не говорить: далъ онъ мнѣ такой разъ, что у меня из глазъ искры посыпались: «Что же ты, серышь, насъ не дожидался: таскаешь ис чашки мясо?». Прочие все на него закричали: «Онъ, ей, не знаетъ, надомно ему сказать!». Такъ слезы на глазахъ наvertsълись, что и промолвить не могу. После тово начали гавядину хлебать. Я не смелъ хлебнуть. Говорятъ: «Хлебай мясо». Я не смею. Говорят: «Тутъ же и твоя доля» (л. 4).

Идиллических картин о дружной семье матросов и офицеров, характерных для «Книги» А. Ф. Бобрецова, в Записках К. Я. Верещагина нет вообще. По степени значимости темы в Записках можно распределить следующим образом. На первом месте, безусловно, тема страшной жестокости морских офицеров, безжалостно приказывающих пороть «линками» (короткие, около метра в длину, веревки) десятки, а порой и сотни матросов одновременно. Эпизодов, сообщающих о массовых порках провинившихся матросов, в тексте не просто много, а очень много, объем их разный — от одной до нескольких строк. Насколько эти факты достоверны — сказать сложно. Безусловно, проверить эти сведения нет возможности, но с трудом верится, что наказанный пятьюстами ударами «линков» матрос будет в состоянии не только самостоятельно встать, но еще и пойти на работы.

Обратимся к тексту. Начало приведенного далее фрагмента напоминает «Поэму о солдатской жизни» безрадостной картиной абсолютного бесправия российских матросов, начинается фрагмент со строки, напоминающей песенную: *«Посмотри и погляди, кто се-го не виделъ. Всякъ скажетъ: лучше бы на светъ мать не рожала, лехче было бы, (если бы — М. М.) во младенчестве уходили. Редкий былъ день, (когда) до Англии шли, чтобы не выколотили бы 200 человекъ и другой день до 500 человекъ въ семь стыдѣ». Вторая картина: «При фрунтъ начали одново матроса, Ленкина, сечь с ленокъ, по-нашему веровки, толщиною въ мезенець, длины з четвертакъ, ...одѣляися, на четверть проскакиваетъ или более. Тутъ закричалъ шкиперъ: «Стал опять сюда!». Четыре человека ево растянули на землю, двое за руки*

да двое за ноги, такъ начали ево драть, что онъ пересталъ крычать, спинку ему всю содрали лѣнками на велику силу.» и далее: «После побоевъ повлекли ево на работу в адмиралство. За што ево секли, я не знаю, какая была у ево вина. Я думаю, ему непременно лазановъ 500 разъ» (л. 3 об.).

Поводы для наказания обычны: матросы медленно выполняют команды при смене кораблем курса — каждый получает по 300 «лозанов» (чаще их называют шпицрутенами, длинные гибкие прутья для наказания): *«Мнѣ кажется, что рифы тихо брали, значитъ «рифы брали» по-нашему — паруса убавляли. После сего вахтѣнный лейтенантъ Егоръ Федоровичъ Развозовъ скрычалъ: «Смирно!» ... Какъ скоро сошли в тужестъ внизъ корабли лесницъ: «Я вамъ дамъ дюроху!» Какъ скоро пришли, раздѣвались гротъ-марсовыхъ 16 человекъ, такую имъ далъ дратину, что всякому не менее какъ 300 лозановъ лѣнками или 400 въ спину лѣнковъ. Я тутъ блиско былъ, смотрелъ спины: прощай — такъ оныя высечены были, едва оттуда и на низъ сошли. После того скрычалъ, какъ левъ зверь: «Поть сюдъ, форъ-марсовые 14 человекъ!» Потомъ крѣсельныхъ 10 человекъ такожде и баковыхъ 16 человекъ, ютовыхъ 8 человекъ, шканешныхъ 30 человекъ, с палубы 20 человек. Такъ были отпалосованы, что едва могли внизъ сойти: у всехъ рубашки были въ кровь, как у барановъ» (л. 5).*

Возникает вопрос: насколько достоверны эти цифры? Наказания шпицрутенами или розгами были введены Петром I, они были обычны в российской армии с начала XVIII века и до второй половины XIX века. Шпицрутенами наказывали, кроме солдат, и бунтовщиков-крестьян. Например, академик Л. А. Серяков в воспоминаниях о своем детстве приводит два примера наказания шпицрутенами: зачинщикам бунта крестьян Новгородской губернии в 1831 г. назначили (в зависимости от тяжести вины) от 1000 до 4000 шпицрутен, и многие из крестьян умерли на следующий после казни день [9, с. 171—173]; по 500 розг с последующей отдачей в арестантские роты получили кантонисты (дети солдат и нижних чинов, обучающиеся в гарнизонных школах) за попытку побега из части [9, с. 184].

Типологическое сходство между Записками Верещагина и «Книгой» Бобрецова все-таки есть: они оба много внимания уделяют информации о количестве и классах военных кораблей (фре-

гат, крейсер и др.), о количестве пушек на каждом, о составе экипажа и «дестанта». Примером может послужить самое короткое описание корабля, на котором К. Я. Верещагин служил: «Корабль «Всеволод» — 76 пушокъ, пушки 180 пудовъ весу, пулалы едро 30 фунтовъ, пороху 1 въ рас 15 фунтов» (л. 4 об.), и т. п. Насколько достоверны эти сведения и подтверждаются ли они данными из других источников? А. Ф. Бобрецов дает полное описание тактико-технических характеристик яхты «Полярная Звезда», всегда сообщает и о кораблях, одновременно с яхтой совершавших вояжи по разным портам. К. Я. Верещагин, как мы показали выше, тоже. Иногда он забывает о своей чувствительности и переходит на строгий язык цифр. Казалось бы, зачем рядовому матросу знать о количестве и классе кораблей и о количестве «дестанта» на каждом из них? Но список кораблей, принимавших участие в походе за границу, занимает почти страницу в небогатых на события Записках: «*Расискыхъ кораблей зъ дѣстантомъ до 40 судовъ, швечкихъ 30 судовъ, дацкихъ 20 судовъ, англицкихъ военныхъ 170 кораблей ленейныхъ, купеческихъ 250 судовъ. Все сии суда были зъ дѣстантомъ или солдатами. На каждомъ суднѣ было солдатъ 200 человек или 400. На малыхъ судахъ по 100 человекъ. Кромъ настоящеи командъ настоящеи команды болшихъ кораблей въсехъ вкупѣ: 120 пушешныхъ, 1200 человекъ матросовъ всехъ чиновъ, дѣстанту 500 человекъ, было на одномъ корабле 1700 человекъ: 100 пушешныхъ кораблей 80, на каждомъ корабли настоящихъ всехъ чиновъ 1000 человекъ, дѣстанту солдатъ 400 человекъ*» (л. 7). Возможно, что источником этой информации послужили какие-то официальные документы, но трудно представить, каким образом они могли оказаться в распоряжении простого матроса. Отметим, что данные о количестве русской армии и армии союзников в войне с Наполеоном, сообщаемые К. Я. Верещагиным, совпадают со сведениями, имеющимися у современных историков.

Менее эмоциональны, с меньшим количеством эпических «казней» матросов жестокими офицерами, мемуары земляка и младшего современника К. Я. Верещагина и тоже матроса Ивана Петровича Спехина из Холмогорского уезда (1785 г. р.). И. П. Спехин нанялся матросом на торговый корабль, идущий в Англию, был оставлен там без документов, продан на военный корабль за 10 фунтов и

8 лет прослужил матросом. Он побывал в Вест-Индии, на Суринаме, Барбадосе, Антигуа и во многих других английских колониях, дослужился до звания унтер-офицера, научился читать и писать по-английски (читать по-русски он начал в 7 лет), вернулся в Россию. Родина сурово приняла честного матроса: после суда его приговорили к 10 ударам кнута за то, что якобы дезертировал с российского корабля. После отставки до конца жизни И. Спехин работал учителем в сельской школе. Свои воспоминания, написанные в 1857 г., он назвал так: «Автобиография одного из неведомых распространителей грамотности в народе» [10, с. 4—5]. О своих приключениях И. Спехин (его рассказ о странствиях напоминает скорее план авантюрного романа) повествует о себе предельно просто, скупой и буднично, официально, практически без подробностей и эмоций. Он только перечисляет факты, не вдаваясь в подробности и не давая никакой оценки ни себе, ни окружающим, он вообще отказывает себе в эмоциях при рассказе о своих приключениях.

Большая часть информации о службе в российской армии и флоте известна по дневникам и мемуарам офицеров и по косвенным источникам — по беллетристике. Более редким и потому, несомненно, более ценным источником нужно считать записки солдат и матросов. Не имеющие никаких художественных достоинств, безыскусные и написанные неразборчивыми почерками эти небольшие тетрадки являются, как нам кажется, объективными портретами реальной, невымышленной и неприукрашенной действительности, тем первичным материалом, который впоследствии становился основой сюжета для произведений профессиональных литераторов. О жестоких наказаниях солдат и матросов тоже известно в основном из беллетристики, например из рассказа Л. Толстого «После бала», рассказов и повестей А. Куприна или В. Вересаева.

В мемуарных сочинениях самых «маленьких» людей, солдат и матросов имеются робкие признаки пробуждения индивидуально-самосознания личности с правом собственного мнения обо всем, что он видит, с желанием сохранить в памяти потомков самые примечательные события своей биографии. Насильственное «изъятие» крестьянина из его среды наряду с негативными последствиями имело и позитивные: в забитом и страдающем от тягот служ-

бы матросе К. Верещагине очевидно желание заявить о себе как о личности, оставив потомкам собственное жизнеописание о первых годах своей службы. Не случайно, что в Записках полностью отсутствуют воспоминания о жизни в родительском доме (за исключением одного фрагмента, где герой, страдая от голода, вспоминает об обилии еды в доме отца). Возможно, что и грамоте К. Верещагин обучился именно во время службы, да и карьеру он сделал для крестьянина из далекого северного села успешную: стал помощником шкипера. Отметим, что авторы солдатских и матросских мемуарных сочинений (например, А. Ф. Бобрецов, прекрасно адаптировавшийся на службе) избегали информации личного плана или ограничивались даже в автобиографии беспристрастным перечислением событий, с ними происходивших (И. П. Спехин). Потому Записки К. Верещагина с их «чувствительным» героем заслуживают особого внимания.

Мемуары и дневники крестьян, солдат и матросов являются важными источниками для реконструкции мировоззрения простого человека, который невольно становится участником эпохальных событий. Из записок К. Верещагина можно узнать, каким же был внутренний мир обычного русского солдата или матроса накануне и во время войны 1812 г., какими были отношения между солдатами и офицерами, а главное, что он, обычный солдат, думал о себе как о главном защитнике и спасителе России. В этом плане, например, по-иному воспринимается идиллическая картина единства русских офицеров и солдат в стихотворении М. Ю. Лермонтова «Бородино». Солдатские и матросские записки создают более объективные «портреты» реальных, не приукрашенных литераторами событий и их участников, расширяют наши представления о малоизвестной истории собственно народной литературы, в которой находило отражение мнение обычного человека о своем времени и о своем месте в этом времени.

Библиографический список

1. Лотман Ю. М. Альтернативный вариант: бесписьменная культура или культура до культуры? // Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек — Текст — Семиосфера — История. М., 1996. С. 344—356.

2. Гуковский Г. А. Солдатские стихи XVIII века // Литературное наследство. М.: Журнально-газетное объединение, 1933. Вып. 9—10. С. 112—152.

3. Кормина Ж. В. Рекрутский обряд: структура и семантика (на материалах севера и северо-запада России XIX—XX вв.): автореф. дис... канд. культурол. М., 2000 URL: <http://www.dissercat.com/content/rekrutskii-obryad-struktura-i-semantika-na-materialakh-severa-i-severo-zapada-rossii-xix-xx-#ixzz5gZVEznWO>.

4. Савельев А. А., Савельева Н. В. «Я солдат, не богослов...» (солдатская служба XIX — начала XX в. в письмах, заметках и воспоминаниях пинежских крестьян) // Фольклор, постфольклор, быт, литература: сб. ст. к 60-летию А. Ф. Белоусова. СПб., 2006. С. 131—149.

5. Автобиографическая и духовная проза старообрядцев Печоры [Электронный ресурс]: материалы и исследования / подгот. текстов, вступ. ст., указ. и коммент. М. В. Мелихова. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2018. 416 с.

6. Савельева Н. В. Очерк истории формирования Пинежской книжно-рукописной традиции. Описание рукописных источников XV — нач. XX в. Опыт исследования. Источники. СПб., 2005. Т. 1—2. 721 с.

7. Малышев В. И. Усть-цилемские рукописные сборники XVI—XX вв. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1960. 213 с.

8. Пропп В. Я. Поэтика фольклора / сост., предисл. и коммент. А. Н. Мартыновой. М.: Лабиринт, 1998. 352 с.

9. Серяков Л. А. Моя трудовая жизнь, рассказ гравера академика Л. А. Серякова // Русская Старина. 1875. Т. 14. Сентябрь. С. 161—184.

10. Спехин И. П. Автобиография одного из неведомых распространителей грамотности в народе // Современная летопись. 1867. № 32. С. 4—5.

References

1. Lotman Yu. M. Al'ternativnyj variant: bespis'mennaya kul'tura ili kul'tura do kul'tury? Lotman Yu. M. *Vnutri myslyashchih mirov. Chelovek — Tekst — Semiosfera — Istorija*. Moscow, 1996, pp. 344—356. (In Russ.)

2. Gukovskij G. A. Soldatskie stihy XVIII veka. *Literaturnoe nasledstvo*. Vyp. 9—10. Moscow, Zhurnal'no-gazetnoe objedinenie, 1933, pp. 112—152. (In Russ.)

3. Kormina Zh. V. *Rekrutskij obryad: struktura i semantika (na materialah severa i severo-zapada Rossii XIX — XX vv.) Avtoref. cand. diss.* [Rekrutskij obryad: struktura i semantika (na materialah severa i severo-zapada Rossii XIX — XX vv.)]. Moscow, 2000. Available at: <http://www.dissercat.com/content/rekrutskii-obryad-struktura-i-semantika-na-materialakh-severa-i-severo-zapada-rossii-xix-xx-#ixzz5gZVEznWO>. (In Russ.)

4. Savel'ev A. A., Savel'eva N. V. «Ya soldat, ne bogoslov...» (soldatskaya sluzhba XIX — nachala XX vv. v pis'mah, zametkah i vospominaniyah pinezhskih krest'yan). *Fol'klor, postfol'klor, byt, literatura: sb. st. k 60-letiyu A. F. Belousova*. Saint-Petersburg, 2006, pp. 131—149. (In Russ.)

5. *Avtobiograficheskaya i duhovnaya proza staroobryadcev Pechory* [Elektronnyj resurs]: materialy i issledovaniya / podgot. tekstov, vstup. st., ukaz. i komment. M. V. Melihova. Syktyvkar, Izd-vo SGU im. Pitirima Sorokina, 2018, 416 p. (In Russ.)

6. Savel'eva N. V. *Ocherk istorii formirovaniya Pinezhskoj knizhno-rukopisnoj tradicii. Opisanie rukopisnyh istochnikov XV — nach. XX vv. Opyt issledovaniya. Istochniki*. Vol. 1—2. Saint-Petersburg, 2005, 721 p. (In Russ.)

7. Malyshev V. I. *Ust'-cilemskie rukopisnye sborniki XVI—XX vv.* Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1960, 213 p. (In Russ.)

8. Propp V. Ya. *Poetika fol'klora* / sost., predisl. i komment. A. N. Martynovoj. Moscow, Izdatel'stvo «Labirint», 1998, 352 p. (In Russ.)

9. Seryakov L. A. Moya trudovaya zhizn', rasskaz gravera akademika L. A. Seryakova. *Russkaya Starina*, 1875, vol. 14. Sentyabr', pp. 161—184. (In Russ.)

10. Spekhin I. P. Avtobiografiya odnogo iz nevedomyh rasprostranitelej gramotnosti v narode. *Sovremennaya letopis'*, 1867, no. 32, pp. 4—5. (In Russ.)

Редакция журнала включает в настоящий и следующий выпуски материалы Круглого стола «Холод и Цивилизация», состоявшегося в декабре 2017 года в Москве.

Вопросы, поставленные в статьях, сохраняют актуальность не только для якутского региона, но и для всего российского Севера. Авторами материалов являются известные российские ученые, а также молодые исследователи.

Л. В. Гурленова, главный редактор

КУЛЬТУРА И ЦИВИЛИЗАЦИЯ АРКТИКИ

(по материалам Круглого стола «Холод и Цивилизация», проведенного в рамках Дней Якутии в Москве, посвященных 385-летию вхождения Якутии в состав Российского государства, 95-летию образования Якутской АССР и 25-летию Конституции Республики Саха (Якутия))

Продвижение идей Круглого стола «Холод и Цивилизация»

Суперидея круглого стола объединила ученых разных научных школ и направлений вокруг жизни за Северным полярным кругом. Жизнь Арктики с древнейших времен одновременно и устойчива, и изменчива, она чутко реагирует на глобальные изменения климата и на интерес людей к ее ресурсам.

Как доказали д-р социол. наук У. А. Винокурова, ученый нашего АГИКИ, и д-р экон. наук Ю. В. Яковец, президент Международного института Питирима Сорокина — Николая Кондратьева, вокруг Северного Ледовитого океана создан локальный тип цивилизации — арктическая циркумполярная цивилизация. Представители наук о Земле и о Человеке, выступая на данном круглом столе, раскрыли огромный потенциал этого открытия для научного обосно-

вания поддержания мира и безопасности в Арктике, обустройства устойчивой жизни населения, сохранения и развития культур древних арктических народов, расширения международного сотрудничества на принципах Повестки дня ЮНЕСКО в области устойчивого развития.

Круглый стол был организован с целью обратить внимание законодателей, руководителей всех уровней власти, научного сообщества, бизнес-структур, СМИ и общественности на глобальные изменения климата в Арктике и их воздействие на экологию и ценности человека, проживающего на криолитозоне и на территории Полюса Холода. Для достижения этой цели была создана дискуссионная площадка в Центральном выставочном комплексе «Экспоцентр» в г. Москве во время Дней Якутии в Москве, посвященных 385-летию вхождения Якутии в состав Российского государства, 95-летию образования Якутской АССР и 25-летию Конституции РС(Я).

Основные дискуссии развернулись по следующим направлениям:

- Тепло вечной мерзлоты: метафора или надвигающаяся катастрофа? Глобальное потепление, антропогенное воздействие и «вечная мерзлота». Обсуждение концепции законопроекта РФ «Об охране вечной мерзлоты» и рассмотрение холода как критерия при определении Арктической зоны России.

- Бремя холода в России: возможно ли введение критерия «температура холода на душу населения».

- Экологическая, социальная и гуманитарная ответственность бизнеса на территориях «сдвоенного холода» (холод многолетне-мерзлых грунтов и Полюса Холода воздуха).

- Холод в образовательном процессе, народном творчестве и искусстве, в научных исследованиях.

- Этнокультурные основы здорового образа жизни в условиях холода.

- Брендинг территории Полюса Холода и Чысхаана — хранителя мирового холода.

Организаторы круглого стола стремились достигнуть синергетического научно-практического эффекта по следующим направлениям:

- *мировоззренческий*: эффект самоусиления, при котором креативная атмосфера круглого стола окажет влияние на мировоззрение российской элиты в отношении холода и сохранение ценностей арктической циркумполярной цивилизации;

- *правовой*: содействие продвижению проекта закона РФ «Об охране вечной мерзлоты» и критерия «температура холода на душу населения»; правовому регулированию антропогенных и техногенных воздействий на целостность многолетнемерзлых грунтов, извлечения недровых ресурсов, палеофауны и др.;

- *экономический*: введение специальных критериев и коэффициентов в обосновании экономики и социальной политики на территориях «сдвоенного холода»;

- *культурный*: продвижение экологического и туристического брендинга территории Полюса Холода и Чысхаана как хранителя мирового холода;

- *образовательный*: выявление и обоснование региональных особенностей образовательной деятельности организаций среднего общего и профессионального образования, расположенных на территории «сдвоенного холода»; введение понятия «геообразовательное пространство Арктики»;

- *научный*: целевое финансирование исследований состояния многолетнемерзлых грунтов и образа жизни населения, проживающего в условиях «сдвоенного холода», особенностей арктической циркумполярной цивилизации.

Рекомендации круглого стола «Холод и Цивилизация» были опубликованы, переданы федеральным и республиканским органам управления, приняты в качестве научной основы деятельности заинтересованных организаций.

Во время Дней Якутии в Москве родилась идея у соорганизаторов круглого стола — Арктического государственного института культуры и искусств и Чурапчинского государственного института физической культуры и спорта — совместно с Якутской государственной академией сельского хозяйства разработать межвузовский социально-образовательный проект «Образование + Культура».

Цель этого проекта: консолидация ресурсов профессиональных образовательных организаций для запуска социальной модернизации

ции социальной, образовательной, культурной и демографической политики в сельских территориях Республики Саха (Якутия) посредством инновационных образовательных социокультурных проектов и технологий. За полгода три вуза вместе объездили десять улусов республики. Население региона с энтузиазмом приняло идеи проекта. Были высказаны предложения о создании устойчивых форм совместной деятельности по модернизации культуры села, профессионального самоопределения и воспитания молодежи, подготовке кадров для села. Ведь северные вузы — это не только кузницы подготовки кадров, но и промоутеры прогресса, выполняющие программы регионального развития и поддерживающие уровень креативности, культуры, стабильности населения, в особенности молодого поколения. И ценность специалиста, укорененного на арктических, северных и дальневосточных территориях, измеряется категориями вклада в социально-экономическое, креативное, культурное, демографическое развитие региона.

Проект «Образование + Культура» оказывает поддержку в развитии сельской школы как уникальной социально-педагогической основы воспроизводства арктической циркумполярной цивилизации в формате создания инновационных площадок. Они создаются для консолидации ресурсов профессиональных образовательных организаций на основе социально-образовательного заказа улуса для ранней профессиональной ориентации учащихся школ, повышения квалификации и профессиональной подготовки специалистов по профилям вузов-учредителей; запуска проектов модернизации социальной, образовательной, сельскохозяйственной, культурной и спортивной политики на территории улуса посредством инновационных образовательных и социокультурных проектов и технологий.

Участники проекта — студенты и преподаватели трех вузов — совместно с местными жителями организовали флешмоб «Оймякон-Арктика!» на территории Полюса Холода в селе Оймякон в самый холодный день 8 февраля 2018 года и приняли обращение к органам власти. Информационное событие было нацелено на привлечение внимания законодательных и исполнительных органов власти Республики Саха (Якутия), Российской Федерации на необходимость внесения Оймяконского улуса (района) в Приложение о

перечне сухопутных территорий к Указу Президента РФ от 2 мая 2014 г. «О сухопутных территориях Арктической Зоны Российской Федерации» и в перечень арктических районов во изменение Постановления Правительства РС(Я) от 15 августа 2014 года № 251 «Социально-экономическое развитие арктических и северных районов Республики Саха (Якутия) на 2014—2017 годы и на период до 2020 года».

Глава Республики Саха (Якутия) А. С. Николаев признал, что огромная территория Арктики требует очень серьезного внимания со стороны федеральных и республиканских властей: «Арктика — будущее Якутии. К сожалению, раньше подход к ней имел скорее декларативное значение. Сейчас пора уже переходить к конкретным делам». А то, что Оймяконский улус не входит в Арктическую зону, он определил как «нонсенс и подобное упущение нужно решить и решить правильно».

22 мая 2018 г. Государственное собрание (Ил Тумэн) принимает закон «Об охране вечной мерзлоты в Республике Саха (Якутия)», на основе которого разрабатывается федеральный проект закона. В этом документе впервые прописано участие граждан в обсуждении вопросов о намечаемой хозяйственной и иной деятельности, которая может оказать опасное и вредное воздействие на состояние вечной мерзлоты, в разработке предложений по ограничению степени воздействия факторов, влияющих на состояние вечной мерзлоты. Эти правовые нормы признают голос научного сообщества и арктической гражданской науки, объединяющей академические методы исследования с традиционными методами добычи и передачи знаний коренных народов. По уровню образованности население Арктики России занимает одно из ведущих мест в циркумполярной Арктике и может стать авторитетным партнером в мониторинге жизни в Арктике и изменений ее климата.

Интеграция академической и гражданской науки, теории и практики, творчества и идей — наше магистральное направление в претворении в жизнь главной миссии Арктического государственного института культуры и искусств.

С. С. Игнатьева, ректор Арктического государственного института культуры и искусств (АГИКИ)

Ю. В. Яковец

Международный институт им. Питирима Сорокина — Николая Кондратьева, Москва

Арктическая цивилизация — надежда и тревога человечества в XXI веке

В статье рассматривается понятие арктической цивилизации, ее социально-культурные, общественно-политические особенности, хозяйственно-экономические факторы, ставится вопрос о стратегии формирования ноосферной цивилизации, предлагаются направления ее разработки. Основанием стратегии видится задача оздоровления глобальной окружающей среды. Характеризуются негативные тенденции, влияющие на состояние арктической цивилизации.

Ключевые слова: арктическая цивилизация, ноосферная цивилизация, экологическая безопасность, демография, культура, глобальное устойчивое развитие.

Yu. V. Yakovets

International Institute Pitirim Sorokin — Nikolay Kondratiev, Moscow

Arctic civilization — the hope and concern of mankind in the XXI century

The article explores the term of Arctic civilization, its sociocultural and socio-political peculiarities, economic factors; raises a question of a strategic development of a noospheric civilization; suggests its development tracks. Global environment enhancement is seen as the foundation of the strategy. Negative trends affecting arctic civilization are defined.

Keywords: arctic civilization, noospheric civilization, environmental safety, demography, culture, universal sustainable development.

Характерные особенности арктической цивилизации

Особое место в системе локальных цивилизаций занимает арктическая цивилизация, которая лишь недавно получила научное признание. В 2011 г. У. А. Винокурова и Ю. В. Яковец опубликовали мо-

нографии с ее обоснованием [1; 5], а в 2014 г. РАЕН и Международная академия авторов научных открытий и изобретений выдали им диплом о научном открытии.

Арктическая цивилизация занимает обширное пространство к северу и югу от Северного полярного круга и включает приполярные территории трех локальных цивилизаций: евразийской, западно-европейской и северо-американской. Тем не менее она имеет характерные черты своего цивилизационного генотипа, отличающего ее от других локальных цивилизаций.

Во-первых, арктическая цивилизация характеризуется крайней суровостью полярного климата, хрупкостью экосистем и богатством энергетических и других минеральных ресурсов, все более полно вовлекаемых в экономический оборот. Это обусловило ноосферный характер сложившейся здесь 100-летия назад цивилизации, необходимость адаптироваться к экстремальным условиям жизни и воспроизводства, бережно относиться к сохранению окружающей среды и использования природных ресурсов.

Во-вторых, цивилизация отличается малочисленностью населения и значительной его разбросанностью на огромной территории. Здесь проживает всего 5—6 млн человек, или менее 0,1 % населения Земли. Демографическая составляющая арктической цивилизации включает три слоя: коренные народы Севера — якуты, ханты, манси, ненцы, эвенки, чукчи, эскимосы и другие; народы, поселившиеся в регионе Арктики столетия назад и образовавшие самостоятельные этносы — поморы, жители Исландии, Фарерских островов, Гренландии, Северной Америки, адаптировавшиеся в условиях Арктики; недавно поселившиеся в Арктике и осваивающие ее природные ресурсы пришельцы из других цивилизаций, доля которых в населении Арктики стремительно растет.

В-третьих, в Арктике используются технологии, принадлежащие к разным историческим эпохам. В традиционном хозяйстве коренных народов Севера применяются доиндустриальные технологии и способы организации производства.

В промышленных и административных центрах Арктики широко используются технологии четвертого и пятого укладов и начинают внедряться технологии шестого уклада, формируются очаги циф-

ровой экономики. В любом случае используемые технические системы адаптируются к экстремально низким температурам Арктики с повышенными требованиями к экологической безопасности.

В-четвертых, экономический строй арктической цивилизации характеризуется широким диапазоном многоукладности. В традиционных хозяйствах коренных народов Севера преобладает натуральный патриархальный уклад с элементами общинной собственности и включением в рынки. При добыче полезных ископаемых преобладающим является крупнокапиталистический уклад монополии и транснациональных корпораций. Государственно-социалистический уклад, занимавший ключевые позиции в СССР, в результате рыночных реформ отодвинут на задний план.

Широкое распространение получил мелкотоварный уклад (малый и средний бизнес) и частно-хозяйственный капитализм (средний бизнес). Наука, образование, культура находятся в государственной или муниципальной собственности. В регулировании развития экономики сочетаются плановый и рыночный методы.

В-пятых, социокультурный строй арктической цивилизации отличается защитным разнообразием крупных промышленных и административных центров, получают развитие наука и образование. Однако их уровень для решения крупных проблем недостаточен. Сохраняется самобытная культура коренных народов Севера, сочетающаяся с культурными традициями государств, входящих в состав арктической цивилизации. Наряду с христианской религией (православие, католичество, протестантизм) среди коренных народов широкое хождение имеют традиционные религии (шаманство).

В-шестых, наибольшим своеобразием по сравнению с другими локальными цивилизациями отличается социально-политическое устройство арктической цивилизации. Здесь только Исландия обладает полным государственным суверенитетом и является членом ООН. Частичным суверенитетом обладают Республика Саха (Якутия), Чукотский, Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский и Ненецкий автономные округа, Ирландия и штат Аляска, а также Магаданская, Архангельская и Мурманская области России, северные провинции в скандинавских странах и Канаде. В то же время общие интересы народов арктической цивилизации представле-

ны Арктическим Советом, в который входят представители государств арктической зоны, других заинтересованных государств и коренных народов Севера. Однако функции Арктического совета весьма ограничены.

При всех своих особенностях арктическая цивилизация занимает видное место в системе локальных цивилизаций пятого поколения и ее роль в перспективе будет возрастать.

Арктическая цивилизация — надежда человечества

Возвышение арктической цивилизации в XXI веке обусловлено следующими факторами:

Во-первых, здесь сконцентрировано более четверти перспективных запасов углеводородов мира, а с учетом запасов гидрометана значительно больше. Потребление энергии в мире за четверть века выросло на 40 % и в перспективе будет нарастать. Более 80 % потребляемых энергоресурсов — ископаемое топливо. Однако его запасы в давно освоенных регионах не возобновляемы и постепенно исчерпываются. Единственным крупным источником пополнения запасов остается Арктика. Усилия цивилизаций Большой Евразии и Северной Америки направлены на крупномасштабное освоение нефтегазовых месторождений Арктики и доставку топлива к местам ее потребления.

Во-вторых, Арктика является регионом ускоренного развития транспортной инфраструктуры для опережающего развития товарооборота между Европой и странами Дальнего Востока. Сокращение арктических льдов способствует устойчивому товарообороту по Северному морскому пути. Этой же цели будут содействовать разрабатываемый проект Северной широтной железнодорожной магистрали, а также получивший Гран-при на конкурсе инвестиционных проектов в рамках ЭКСПО—2010 в Шанхае проект строительства трансконтинентальной магистрали через Берингов пролив. Реализация таких инфраструктурных объектов в долгосрочной перспективе будет содействовать комплексному использованию богатейших природных ресурсов Арктики, притоку населения и подъему экономики Арктической зоны России.

В-третьих, Арктика является очагом становления ноосферной цивилизации, реализации обоснованного Н. Н. Моисеевым закона коэволюции общества и природы.

Согласно Н. Н. Моисееву, эпоха ноосферы началась с возникновения в долинах великих исторических рек локальных цивилизаций, базировавшихся на рациональном использовании водных ресурсов в системах орошаемого земледелия. В качестве примера он привел шумерскую цивилизацию в Междуречье: «Первое общество с высокой степенью рациональной организованности, о котором в истории имеется документированная информация, образовалось в древнем Шумере. Это государство существовало примерно 5—6 тысяч лет назад в низовьях Тигра и Евфрата, на территории, где сейчас протекает Шатт-эль-Араб, образованный слиянием этих двух рек, ранее имевших самостоятельные устья и дельты. С помощью ирригационной системы и системы водохранилищ жителям прибрежных жарких степей удалось создать весьма эффективную систему поливного земледелия. Благодаря этому возникла удивительная цивилизация, превосходившая во много раз по уровню производительности труда остальные цивилизации того времени. В период своего расцвета общество древнего Шумера действительно можно было назвать рационально организованным: оно не только поддерживало определенное состояние среды, но и совершенствовало ее» [3]. На тех же принципах строились древнеегипетская цивилизация в долине Нила и хараппская цивилизация в долине Инда, достигшие высот в развитии экономики и культуры.

Равновесие между обществом и природой в основном поддерживалось в течение пяти тысячелетий преобладания аграрной цивилизации. Однако в период ранней индустриальной цивилизации в последние столетия оно все больше нарушалось, особенно с середины XX века, достигнув разрушительных размеров в начале XXI века. Хищнически используются природные ресурсы, загрязнение окружающей среды достигло критических размеров и стало одним из факторов неблагоприятных климатических изменений и нарастающих природных катастроф. Человечество оказалось в состоянии глубокого затяжного природно-экологического кризиса.

Выход из кризиса видится в становлении ноосферной цивилизации, научные основы которой сформулированы В. И. Вернадским и

Н. Н. Моисеевым [2, 4]. На IV Всемирном конгрессе по глобальной цивилизации «На пути к ноосферной цивилизации» (Москва, декабрь 2013 года) были одобрены Столетний план комплексного оздоровления глобальной окружающей среды и Концепция создания глобальной интегральной системы мониторинга, прогнозирования и реагирования на чрезвычайные ситуации.

Реализацию стратегии становления ноосферной цивилизации необходимо начинать с Арктики, где наблюдается освоение новых энергоресурсов и экологические и климатические угрозы нарастают стремительными темпами.

В-четвертых, Арктика (равно как и Антарктида) является наиболее очевидным пространством становления устойчивого многополярного мироустройства на базе диалога и партнерства цивилизаций. Сама арктическая цивилизация является выражением общих интересов нескольких локальных цивилизаций. В деятельности Арктического совета и в реализации крупных совместных проектов вырабатываются и проходят проверку институты взаимовыгодного партнёрства заинтересованных цивилизаций и государств. Эти механизмы могут быть в дальнейшем распространены на другие регионы земного шара в поисках адекватного ответа на грозные вызовы XXI века.

Арктика — источник тревог и угроз для человечества

В XXI веке Арктика становится все более ощутимым источником угроз для будущего человечества и цивилизационного наследия. Это относится прежде всего к нарастающим угрозам природно-экологической безопасности.

Освоение нефтегазовых и других природных ресурсов Арктики идет ускоренным темпом. Сеть газопроводов и нефтепроводов ускоренно выкачивает невозобновляемые запасы углеводородов, падает добыча давно освоенных нефтегазовых месторождений. Растут потери из-за низкого коэффициента нефтеотдачи, сжигания попутного нефтяного газа, консервации запасов природного газа в низкодебетных скважинах. Выборочно обрабатываются рудные тела с более высоким содержанием цветных металлов. Увеличивается эколо-

гический ущерб из-за разрушения равновесия ранимых экосистем Арктики. Потепление климата и таяние арктических льдов ведет к повышению уровня Мирового океана и сокращению зоны вечной мерзлоты, что грозит разрушительными последствиями. При сохранении такой тенденции будущим поколениям достанутся истощенные недра и малопригодные для проживания территории. Под вопросом будущее многих моногородов, созданных для освоения крупных месторождений полезных ископаемых.

Арктика является «кухней погоды» для северного полушария планеты. Происходящие здесь неблагоприятные климатические изменения оказывают растущее влияние на большие пространства Евразии и Северной Америки. Ухудшаются условия жизни населения.

Еще одной опасной тенденцией является угроза исчезновения в будущем самобытной арктической цивилизации, нарушаются условия жизни и традиционного хозяйства коренных народов Севера. Молодежь уезжает в города, теряется культурное наследие и разнообразие.

Разрушительной силой арктической цивилизации является распространение рыночно-капиталистических отношений, господство монополий и ТНК, стремящихся ради извлечения максимальных прибылей хищнически разрабатывать месторождения полезных ископаемых, истреблять уникальные виды животных и рыб, отбирать земли у коренных народов Севера.

Опасной тенденцией последних десятилетий в России является ослабление государственного регулирования и охраны интересов коренных народов Севера. Ликвидировано несколько национальных административных образований и явно недостаточна государственная поддержка экономического и социального развития и научно-образовательной базы северных регионов Арктики. Нуждаются в укреплении законодательная база и международно-правовые соглашения для сбережения арктической цивилизации.

Долгосрочная арктическая стратегия

Чтобы оправдать возлагаемые на Арктику надежды и противостоять нарастающему потоку угроз, необходимы разработка и по-

следовательная реализация долгосрочной (на период до 2030 года) стратегии развития арктической цивилизации во взаимодействии всех составляющих ее генотипа — природно-экологической, социодемографической, технологической, экономической, социокультурной и геополитической. Основные направления развития и реализации такой стратегии состоят в следующем.

Разработка учеными на период до 2050 года прогноза развития арктической цивилизации на основе созданной российскими учеными методологии интегрального макропрогнозирования, синтезирующей теории предвидения и интегральной теории циклов, кризисов и инноваций Николая Кондратьева и Йозефа Шумпетера, цивилизационного подхода Питирима Сорокина, Арнольда Тойнби и Фернана Броделя, методологии макроэкономического моделирования и прогнозирования Василия Леонтьева, Леонида Канторовича и российских научных школ. При подготовке прогноза могут быть использованы разработанные МИСК и ИНЭС и представленные в штаб-квартире ООН в 2009 г. Глобальный прогноз «Будущее цивилизаций на период до 2050 года», демографический прогноз ООН на период до 2100 г., экологический прогноз ЮНЕП, энергетический прогноз МЭО, продовольственный прогноз ФАО. Прогноз разрабатывается в трех сценариях (инерционный, катастрофический и инновационно-прорывной), публикуется и размещается в Интернете, обсуждается на Арктическом форуме, представляется в Арктическом совете и в Научно-консультативном совете при Генеральном секретаре ООН. Проект может быть разработан МИСК, ИНЭС и Евразийским центром глобального моделирования, прогнозирования и стратегического планирования в 2019—2020 гг.

Разработка на основе прогноза проекта долгосрочной стратегии развития Арктики на период до 2030 года и перечня долгосрочных программ и крупных международных проектов по реализации стратегии. При этом используются одобренные Саммитом ООН в сентябре 2015 г. Цели устойчивого развития на период до 2030 года, подготовленные МИСК научные доклады «Основы долгосрочной стратегии глобального устойчивого развития на базе партнерства цивилизаций» (2011), «Стратегия преодоления цивилизационного кризиса и выхода на траекторию глобального устойчивого развития» (2013),

«Стратегия становления устойчивого многополярного мироустройства на базе партнёрства цивилизаций» (2017). После публикации, размещения в Интернете и широкого обсуждения проект стратегии рассматривается и утверждается на Арктическом саммите в 2022 г.

Стратегия реализуется через кластер международных, национальных и региональных целевых программ и крупных проектов первой (2023—2026) и второй (2027—2030) очереди. По каждой программе (Проекту) определяется заказчик, научный руководитель и исполнитель (Управляющая компания), а также источники и объемы инвестирования. Необходимо обеспечить выполнение стратегии.

Для ресурсного обеспечения выполнения Стратегии программ и проектов потребуются создать специализированные международные и национальные инвестиционные фонды с широким участием заинтересованных банков, а также организовать целевую подготовку кадров на базе сертифицированных университетов, включая систему дистанционного обучения с использованием научно-образовательных сайтов. Предстоит выработать критерии оценки и переоценки эффективности использования выделенных ресурсов и систему аудита и мониторинга выполнения программ и проектов.

Для выполнения стратегии потребуются существенно расширить компетенцию Арктического совета и на основе решений Арктического саммита сформировать систему мониторинга и координации выполнения Стратегии, включая Центральный исполнительный орган, Наблюдательный совет, Научно-экспертный совет и другие органы, а также специализированную информационную сеть. Необходимо предусмотреть активное участие гражданского общества в выполнении стратегии.

Эффективность реализации стратегии найдет выражение в энерго-экологическом, экономическом, социальном и интеграционном эффекте на глобальном, национальном и региональном уровнях. Критерии и методы оценки эффекта должны быть определены при разработке проекта стратегии. Стратегия станет ключевым звеном по реализации предложенного Президентом РФ В. В. Путиным цивилизационного проекта Большого евразийского партнёрства, а также выполнения майского указа Президента РФ 2018 года.

Библиографический список

1. Винокурова У. А. Циркумполярная цивилизация: идеи и проекты. Якутск: АГИИК, 2011. 311 с.
2. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991.
3. Моисеев Н. Н. Быть или не быть... человечеству? М., 1999. 288 с.
4. Моисеев Н. Н. Судьба цивилизаций — путь разума. М.: МНЭПУ, 1997.
5. Яковец Ю. В. Арктическая цивилизация: исторические корни, особенности, перспективы, М.: МИСК, 2011.

References

1. Vinokurova U. A. *Tsirkumpolyarnaya tsivilizatsiya: idei i proyekty* [Circumpolar civilization: ideas and projects]. Yakutsk, ASIC, 2011, 311 p.
2. Vernadsky V. I. *Nauchnaya mysl' kak planetnoye yavleniye* [Scientific thought as a planetary phenomenon]. Moscow, Nauka, 1991.
3. Moiseev N. N. *Byt' ili ne byt'... chelovechestvu?* [To be or not to be ... to humanity?] Moscow, 1999, 288 p.
4. Moiseev N. N. *Sud'ba tsivilizatsiy — put' razuma* [The fate of civilizations is the path of reason]. Moscow, MNEPU, 1997.
5. Yakovets Yu. V. *Arkticheskaya tsivilizatsiya: istoricheskiye korni, osobennosti, perspektivy* [Arctic civilization: historical roots, features, prospects]. Moscow, MISK, 2011.

Л. К. Круглова

Государственный университет морского и речного флота имени адмирала
С. О. Макарова, Санкт-Петербург

Мультицивилизационная идентичность в контексте теории циркумполярной цивилизации

Мультицивилизационная идентичность субъектов исторического процесса — одна из характерных примет современности. Связано это с изменениями, происходящими в рамках существующих локальных цивилизаций, с характером взаимодействия между ними и с глобализацией, т. е. формированием цивилизации глобального масштаба. В результате сочетания этих процессов границы локальных цивилизаций пересекаются, переплетаются, размываются. В соответствии с этим субъекты исторического процесса формируют свою идентичность на путях осознания своей принадлежности к более чем одной цивилизации. При этом возникает множество острых вопросов.

Сложный характер их решения четко просматривается в контексте теории арктической циркумполярной цивилизации.

В статье показано, что цивилизационная идентичность одной части северных народов включает в себя осознание принадлежности к циркумполярной и западной цивилизациям, а цивилизационная идентичность другой — складывается из осознания принадлежности к циркумполярной и российской, и евразийской цивилизации. В последнее время в этот ансамбль компонентов мультицивилизационной идентичности народов Российского Севера включается и осознание принадлежности к западной цивилизации.

В связи с этим в статье предлагается авторский вариант решения вопросов: является ли необходимостью центрирование мультицивилизационной идентичности субъектов исторического процесса и северных народов, в частности, на принадлежности к одной цивилизации, и является ли атрибутом цивилизационной идентичности осознание принадлежности к глобальной цивилизации.

Ключевые слова: мультицивилизационная идентичность, арктическая циркумполярная цивилизация, глобализация, глобальная цивилизация, российская цивилизация, евразийская цивилизация, западная цивилизация, универсальный гуманизм.

L. K. Kruglova

Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping,
Saint-Petersburg

Multicivilizational identity in the context of the theory of circumpolar civilization

Multicivilizational identity of the subjects of the historical process is one of the characteristic signs of present time. This is due to the changes taking place within the framework of existing local civilizations, nature of interaction between them, and globalization, i. e. the formation of a global civilization. As a result of a combination of these processes, the boundaries of local civilizations intersect, intertwine, and blur. In accordance with this, the subjects of historical process form their identity by way of realizing their belonging to more than one civilization. This raises many critical questions.

The complicated character of their solution is clearly visible in the context of the theory of Arctic circumpolar civilization.

The article shows that the civilizational identity of one part of the Northern peoples involves the awareness of belonging to circumpolar and Western civilizations, and civilizational identity of the other part consists of awareness of belonging to circumpolar and Russian, and Eurasian civilizations. In recent years, this ensemble of components of the multicivilizational identity of Russian North peoples includes awareness of belonging to the Western civilization.

In this regard, the article proposes the author's version of a solution to these questions: is it necessary to center the multicivilizational identity of the subjects of the historical process and the Northern peoples, in particular, on belonging to one civilization, and whether the attribute of civilizational identity is the awareness of belonging to a global civilization.

Keywords: *Multicivilizational identity, Arctic circumpolar civilization, globalization, global civilization, Russian civilization, Eurasian civilization, Western civilization, universal humanism*

Введение

В настоящее время концепт «идентичность» имеет широкую распространенность в научно-философском дискурсе. Однако при всем многообразии подходов к его толкованию внимание исследователей до сих пор не привлекло такое явление, как мультицивилизационная идентичность, доказательством чему служит содержание энциклопедического издания «Идентичность: личность, общество, политика» [1]. Между тем мультицивилизационная идентичность

субъектов исторического процесса — одна из характерных примет современности. Связано это с процессами, происходящими в рамках существующих локальных цивилизаций, с характером взаимодействия между ними и, наконец, а, может быть в первую очередь, с глобализацией, т. е. с процессом формирования цивилизации глобального масштаба. В результате сочетания этих процессов границы локальных цивилизаций пересекаются, переплетаются, размываются. В соответствии с этим субъекты исторического развития — будь то страна, регион или отдельная личность, зачастую (или, как правило?) формируют свою идентичность на путях осознания своей принадлежности к более чем одной цивилизации. При этом возникает множество острых вопросов. Представляется, что важнейшие из них заключаются в следующем: во-первых, необходимо ли центрирование мультицивилизационной идентичности на принадлежности к одной цивилизации, и, во-вторых, является ли атрибутом идентичности современных субъектов исторического процесса осознание их принадлежности к глобальной цивилизации.

Сложный характер решения поставленных вопросов четко выявляется в контексте теории арктической циркумполярной цивилизации [2], что и определило цели и задачи данной статьи. Многомерность заявленной проблематики потребовала применения различных общенаучных и специально-научных методов. Важнейший из них — системный, использование которого явилось необходимым для исследования законов структуры, функционирования и развития цивилизаций. Столь же востребованным оказался и герменевтический метод, поскольку исследование феномена идентичности сопряжено с процессами вживания, переживания, понимания, основанного не только на правилах формальной логики, но и на иных познавательных средствах.

Теория арктической циркумполярной цивилизации: pro et contra

Однако прежде, чем приступить к обсуждению поставленных проблем, нужно, видимо, сразу определиться относительно той критики, которая существует в адрес теории арктической циркумполярной цивилизации. Основной смысл критических замечаний заклю-

чается в том, что эта теория может быть использована как идейное оружие агрессии западной цивилизации, направленное против других цивилизаций. Среди них, как правило, называются российская и евразийская цивилизации.

Так, Д. С. Семушин в статье с красноречивым названием «Циркумполярная» лженаука — против русской Арктики» утверждает, что «циркумполярная цивилизация — это типичный симулякр, иными словами, понятие, не имеющее означаемого объекта в реальности» [3, с. 5]. По мнению Д. Семушина, «этот мнимый объект, если и достоин изучения, то только для того, чтобы определить истинные цели идеологов, его породивших» [3, с. 5], а эти цели определяются тем, что в Арктике «...Североатлантический союз цивилизации Запада направлен своим военным острием против России» [3, с. 1], соответственно, продвигаемая Западом в Россию лженаучная теория «циркумполярной цивилизации» «служит орудием «мягкой силы», являющейся эффективным дополнением к «жесткой» силе вооружения. Действие «мягкой силы», как и потенциальной силы вооружения, направлено, по мнению Д. С. Семушина, на фактическое отделение «циркумполярной цивилизации» от России.

В подтверждение своего мнения о том, что теория циркумполярной цивилизации является важным звеном антироссийской политики, Д. С. Семушин ссылается на целый ряд международных документов, в которых излагаются основы так называемой новой демократической политики. Отправной точкой её формирования явилось признание ООН в 1982 г. ключевого понятия «коренной народ». Оно нашло применение в «Конвенции о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах» (№ 169), принятой Международной организацией труда в 1989 г. Согласно этому документу, в Российской Федерации все народы, кроме русского, становились коренными, а 80 % территории страны подпадало под категорию «завоеванных» и «колонизованных». Содержание «новой демократической политики» весьма существенным образом было дополнено декларацией о правах коренных народов, принятой на 107 пленарном заседании Генеральной ассамблеи ООН 13 сентября 2007 г. В неё включено положение о политических правах «коренных народов», которым было дополнено международное законодатель-

ство. В последнем сейчас имеются статьи, согласно которым коренные народы имеют право на самоопределение, трактуемое как право свободно устанавливать свой политический статус и право свободно осуществлять свое экономическое, социальное и культурное развитие. В качестве конкретизации права коренных народов на самоопределение предусмотрено право на автономию или самоуправление в вопросах, относящихся к их внутренним и местным делам, а также путям и средствам финансирования их автономных функций.

Трудности осуществления этих прав в России связаны с тем, что процентный максимум коренных малочисленных народов в районах их традиционного проживания составляет менее 10 % всего населения, а процентный минимум равен всего 1 %.

Оценивая позицию Д. С. Семушина, известный специалист в области геополитики И. Ф. Кефели считает, что к его предостережениям «...следует прислушаться и направить усилия на консолидацию всех народов и народностей Российской Федерации в составе Евразийского Союза совместно с Белоруссией и Казахстаном» [4, с. 365]. На взгляд И. Ф. Кефели, идея конвергенции интересов и государств на едином евразийском пространстве «...никак не может быть согласна с весьма завлекательной идеей «циркумполярной цивилизации», представляющей собой мозаику культур и народов разных континентов [4, с. 365].

Таким образом, в теории арктической циркумполярной цивилизации некоторыми авторами усматривается ещё одна возможность применения Западом «мягкой силы», имеющей жёсткие последствия. В связи с этим нужно отметить, что такого рода угрозы надо, конечно, иметь в виду, но при этом надо иметь в виду и другое, а именно то, что мягкая сила может быть использована в разных направлениях и овладение технологией применения «мягкой силы» — это императив современности.

Эту проблематику сделал предметом обсуждения профессор Гарвардского университета Джозеф Най в своей книге 1990 г. «Bound to Lead: The Changing Nature of American Power» [5]. Впоследствии он развил свою концепцию в книге 2004 г. «Soft Power: The Means to Success in World Politics» [6]. В издании на русском языке выражение Soft Power переведено как «гибкая сила» [7].

Как видим, оба перевода — «мягкая сила» и «гибкая сила» — неточны, но первый из них все-таки выглядит предпочтительнее.

Согласно концепции Дж. Ная, мягкая сила — это производная от трех ресурсов государства: его культуры, политической идеологии и внешней политики.

Одной из предшественниц концепции «мягкой силы» была концепция «культурно-идеологической гегемонии», которая была разработана итальянским философом Антонио Грамши в 1930—1940-х гг. в «Тюремных тетрадах». Она получила широкое распространение в кругах западноевропейских и американских неоконсерваторов. Идея использовать «мягкую силу» для установления власти восходит к древнекитайским философам, таким как, например, Лао-цзы, жившему в 7 в. до н. э. «В мире нет предмета, который был бы слабее и нежнее воды, но она может разрушить самый твердый предмет», — такова формула древнекитайской мудрости.

Надо отметить, что именно это древнекитайское понимание мягкой силы демонстрирует наиболее широкие возможности ее практического использования.

Мягкая сила — это сила любви к людям, к своей Родине и своему делу, это сила примера, сила правды и прежде всего сила исторической правды, сила справедливости и сила закона, сила положительного героя в искусстве, сила образов славного прошлого, счастливого настоящего и светлого будущего своей страны, своего народа. Наконец, сила научной истины и вся сила гуманистически ориентированной культуры. Однако мягкая сила может употребляться и во зло. Это разрушительная сила лжи, обмана, несправедливости и т. д.

За примерами далеко ходить не надо. Так, государственный переворот на Украине был подготовлен исключительно действием мягкой силы — искажением исторической правды, созданием образа врага в лице России и т. д. и т. п. Все это очевидно [8].

В дополнение к сказанному можно добавить, что все или почти все предметы деятельности человека могут быть использованы по-разному. Так, самые безобидные бытовые предметы могут быть использованы и по прямому назначению, и как боевое оружие, что не побуждает нас, однако, отказываться от них.

Это в полной мере касается научных идей, научных теорий, в том

числе теории арктической циркумполярной цивилизации, обладающей огромным гуманистическим потенциалом.

Арктическая циркумполярная цивилизация как социокультурная целостность и проблема мультицивилизационной идентичности

Теория арктической циркумполярной цивилизации выявляет существование определенной социокультурной целостности, имеющей все признаки самобытной цивилизации, т. е. цивилизации, отличной от других цивилизаций. Представляется, что к их числу относятся специфика территориальной локализации, специфика принципов взаимодействия с окружающей природной средой, специфика целевых программ жизнедеятельности и способов их осуществления [9, с. 155].

Второй и третий признаки цивилизации имеют многокомпонентный состав. Их основой является культура, которая, согласно А. Тойнби, представляет собой «душу, кровь, лимфу цивилизации» [10, с. 292]. Но специфика принципов взаимодействия с природой, специфика целевых программ жизнедеятельности и способов их осуществления определяются в той или иной цивилизации не только культурой, хотя она и играет главенствующую роль, но и экономикой, политикой, особенностями общественных отношений. Многообразный характер сочетания всех этих компонентов и отличает одну цивилизацию от другой.

Что касается первых двух признаков самобытной цивилизации, то их наличие в арктической циркумполярной цивилизации, как представляется, налицо. В особенной мере это касается специфики принципов взаимодействия с окружающей природной средой, главным из которых является принцип гармонии. Гуманистический смысл теории арктической циркумполярной цивилизации как раз и заключается в первую очередь в том, что она особенно отчетливо выявляет фундаментальное значение этого принципа для судеб человечества.

Что касается третьего признака арктической циркумполярной цивилизации как самобытной социокультурной целостности,

то здесь дело обстоит несколько сложнее. Целевые программы жизнедеятельности и способы их осуществления в рамках арктической циркумполярной цивилизации формируются в зависимости от различных факторов: в одной части арктическая циркумполярная цивилизация — это культура коренных народов плюс цивилизационное воздействие Запада, в другой части — культура коренных народов плюс цивилизационное влияние российской и евразийской цивилизаций.

В соответствии с этим цивилизационная идентичность одних субъектов современного исторического процесса включает в себя осознание принадлежности к циркумполярной и западной цивилизациям, а цивилизационная идентичность других субъектов исторического процесса складывается из осознания своей принадлежности к циркумполярной и российской, а также евразийской цивилизациям. В последнее время в этот ансамбль компонентов мультицивилизационной идентичности народов российского Севера включается и осознание принадлежности к западной цивилизации.

В связи с этим представляется возможным вновь вернуться к поставленному ранее вопросу: является ли необходимостью центрирование мультицивилизационной идентичности субъектов исторического процесса на принадлежности к одной цивилизации или вполне достаточно осознания множественности, плюральности, разнообразия компонентов цивилизационной идентичности.

Ответ на этот вопрос может быть, как представляется, только один. Гармоническое развитие любой системы возможно при наличии двух необходимых признаков: разнообразия элементов и их единства. Соответственно, центрирование мультицивилизационной идентичности на принадлежности к одной цивилизации является необходимым условием успешной деятельности субъектов исторического процесса.

В соответствии с этим для народов, населяющих российский Север, будь то русские, якуты, ханты, манси и т. д., мультицивилизационная идентичность складывается из осознания своей принадлежности к циркумполярной и российской, а также евразийской цивилизациям при системообразующей роли российской цивилизации.

Для народов, живущих на севере таких стран, как Норвегия, Швеция, Финляндия, Канада и т. д., столь же естественно тяготение к западной цивилизации. Таким образом циркумполярная цивилизация оказывается местом встречи цивилизаций. А где встреча, там возможен диалог и партнерство, но возможно и соперничество, противоборство, что мы и наблюдаем в действительности.

Арктика как территория соперничества цивилизаций

В настоящее время Арктика из захолустья, труднодоступного и крайне сурового в климатическом отношении, превратилась в лакомый кусок, который вызывает «острый гастрономический интерес» со стороны ЕС, США и других государств» к России, поскольку ей принадлежит 40 % заполярной территории [11, с. 7].

Связано это с весьма важными обстоятельствами. Главное из них заключается в том, что Арктика необычайно богата полезными ископаемыми. Так, по расчетам американских геологов, в арктическом регионе (включая шельф и прилегающую сушу) находится около 400 млрд баррелей энергоносителей в нефтяном эквиваленте, или 20 % всех технически извлекаемых запасов планеты [11, с. 6—7]. К этому можно добавить, что на дне Северного Ледовитого океана и на его побережье имеются огромные месторождения олова, марганца, никеля, свинца, платины, алмазов. До последнего времени эти богатства были практически недоступными, однако потепление климата и научно-технический прогресс изменили эту ситуацию и позволили всё более эффективно решать проблему добычи полезных ископаемых в арктической зоне. Вот здесь и встала во весь рост проблема определения границ государств, расположенных на берегах Северного Ледовитого океана и, соответственно, прав на его акваторию, шельфовую территорию и т. д.

Пока Арктика была малодоступной и потому непривлекательной, границы определялись по меридианам, начинавшимся с крайних точек национальных территорий и сходящихся на полюсе. В соответствии с этим появилось понятие секторов как принадлежности прилегающих к Арктике государств, среди которых Россия, США, Канада, Швеция, Норвегия, Дания, Исландия. В число арктических

государств включается и Финляндия, несмотря на то, что у неё нет прибрежной зоны Северного Ледовитого океана.

В настоящее время какого-либо итогового правоустанавливающего международного документа относительно окончательной конкретизации национальной принадлежности арктической территории не существует. Однако в 1997 г. правительство РФ ратифицировало Конвенцию ООН по морскому праву. Согласно этому документу, любое прибрежное государство имеет право на двенадцатимильную полосу от уреза воды в качестве суверенных владений и ещё 200 морских миль вглубь моря — исключительной экономической зоны. В случае наличия принадлежащих ему островов линии границ отсчитываются от них. Но при этом экономические права распространяются только на континентальный шельф. Там, где он заканчивается, заканчивается и исключительная экономическая зона. И хотя в конвенции ООН речь о Севере не шла, ратификация этого документа фактически означала согласие России с отменой понятия полярных секторов. В результате, как считают специалисты, «...мы утратили половину своей Арктики, а в центре региона образовалась очень перспективная, очень лакомая, но при этом совершенно ничья дыра» [11, с. 10].

Правда, надо сказать, что Конвенция ООН 1997 г. по морскому праву полной юридической силы не имеет, поскольку она не была ратифицирована США. Но, тем не менее, борьба, причем очень острая, сейчас ведется в основном вокруг проблемы определения границ шельфовых территорий. Так, в августе 2015 г. Россия подала в ООН заявку на официальное расширение границ принадлежащего нам шельфа за счет различных участков дна Северного Ледовитого океана, в числе которых хребет Ломоносова. Это в сумме расширяет нашу территорию на 1,2 млн кв. км. [11, с. 11]. Процессу признания активно противодействуют США и некоторые другие страны. В частности, министерство науки Дании заявило, что хребет Ломоносова на самом деле является продолжением Гренландии. Однако убедительных научных данных при этом представлено не было.

Острота геополитической борьбы заключается ещё и в том, что сразу после подписания конвенции ООН по морскому праву 1997 года усилилось давление на Россию и со стороны других претендентов на

Арктику. В их числе некоторые источники называют прибалтийские республики, Польшу и даже Индию, Китай, Южную Корею, Японию и Бразилию. Одним из способов лишить Россию арктических богатств является положение о том, что Арктика должна принадлежать всему миру. «Да хоть Чаду отдайте, но только не России!» — такой лозунг провозглашается в одной из статей британской газеты «Sunday Times» [11, с. 12—13]

В объяснение напряженности борьбы за Арктику можно привести лишь одну цифру: российская прибыль от добычи на новых открытых или потенциально разведанных месторождениях оценивается в 200 триллионов долларов на ближайшие 15—20 лет [11, с. 13].

Наглядным выражением остроты геополитической ситуации в Арктике является наращивание мощи размещенных в этом регионе вооруженных сил различных государств, объединенных между собой по цивилизационному признаку.

В связи с этим особую актуальность приобретают поиски средств мирного межцивилизационного диалога.

Арктика как территория диалога цивилизаций и проблема мультицивилизационной идентичности

Каковы же средства мирного межцивилизационного диалога, которые одновременно могут быть и средством противодействия агрессивному поведению по отношению к России со стороны других цивилизаций?

Представляется, что это, во-первых, зримые черты благоденствия и благосостояния народов, населяющих российский Север.

Не менее сильным оружием, потенциал которого проявляется, однако, только в сочетании с первым, являются идеи гуманизма. В современных условиях корпус гуманистических идей может быть представлен в форме концепции универсального гуманизма как нового цивилизационного принципа [12, с. 157—167]

Сущность его заключается в ориентации культуры и общества на формирование в человеке гармонического единства всех его существенных сил на интегративной основе творческой доминанты деятельности.

В первую очередь это означает, что формирование гармонически развитого человека должно стать фундаментальным принципом культуротворчества.

Однако необходимость превращения универсального гуманизма в цивилизационный принцип требует воплощения его содержания не только в культуре, но и в экономике, политике и социальных отношениях. Так, в области экономики принципу универсального гуманизма соответствует разнообразие форм собственности, что подразумевает возможность использования и развития многообразных способностей и потребностей человека; в области политики — демократия, которая способна вовлечь в управление обществом наибольшее количество людей; в социальной области — многообразие форм негосударственных объединений, имеющих целью отражать в своей деятельности различные оттенки мнений и интересов граждан.

Если посмотреть с этой точки зрения на реалии современной России, то мы увидим, что все компоненты принципа универсального гуманизма уже закреплены в Конституции как основном законе и других государственных документах. Особое значение в этом отношении имеют документы, принятые в последнее время.

Это «Основы государственной культурной политики», утвержденные указом Президента РФ 24.12.2014 г. № 808 [13], и «Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 г.», утвержденная распоряжением правительства РФ от 20.02.2016 г. № 326 [14]. В обоих документах в качестве основных целей государственной культурной политики названы «формирование гармонично развитой личности и укрепление единства российского общества посредством приоритетного культурного и гуманитарного развития».

Таким образом, можно констатировать, что Россия и, следовательно, российская цивилизация, реально встает на путь воплощения в жизнь принципа универсального гуманизма. В соответствии с этим субъекты исторического процесса, центрирующие свою мультицивилизационную идентичность на принадлежности к российской цивилизации, имеют возможность вести диалог с другими субъектами исторического процесса, в том числе и в рамках арктической циркумполярной цивилизации, с позиций универсального гуманизма как нового цивилизационного принципа.

Мультицивилизационная идентичность и глобализация

Всё сказанное выше позволяет подойти к ответу на второй вопрос, поставленный ранее: является ли атрибутом цивилизационной идентичности современных субъектов исторического процесса осознание их принадлежности к глобальной цивилизации?

Отвечая на этот вопрос, нужно учитывать, что идущий в настоящее время процесс формирования глобальной цивилизации имеет разнонаправленные векторы и разные источники силы. Один из них — объективная необходимость реального объединения человечества для решения глобальных проблем. Осуществление глобализации по этому сценарию не только не препятствует, но, напротив, способствует сохранению разнообразия культур и цивилизаций.

Другой вектор глобализации определяется корыстными интересами транснациональных компаний, готовых весь мир превратить в конвейер по производству прибыли. Нет необходимости доказывать, что глобализация, идущая по этому сценарию, представляет собой угрозу всяческому разнообразию. И наконец, третий вектор глобализации связан с претензиями некоторых политических сил на мировое господство. Вероятность сохранения разнообразия культур и цивилизаций в этом случае приближается к нулю.

Совершенно очевидно, что формирование глобальной цивилизации по первому сценарию, то есть «глобализация с человеческим лицом», соответствует интересам всего человечества и интересам каждого субъекта исторического процесса в отдельности. В этом случае сознание принадлежности к глобальной цивилизации необходимо рассматривать как атрибут мультицивилизационной идентичности.

Выводы

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что проблема мультицивилизационной идентичности позволяет выявить мощный гуманистический потенциал теории арктической циркумполярной цивилизации. Он заключается, во-первых, в том, что с позиций этой теории особенно отчётливо выявляется фундаментальное значение для судеб человечества принципа гармонии с окружающей природой.

дой. Кроме того, гуманистический смысл теории арктической циркумполярной цивилизации проявляется в том, что она привлекает внимание к богатству и необходимости сохранения культуры народов Арктической зоны.

Существенным также является то, что теория арктической циркумполярной цивилизации позволяет во многом по-новому ставить и решать вопросы диалога и полилога цивилизаций, формировать отношение к процессу глобализации, выявлять возможности «глобализации с человеческим лицом», определять роль российской цивилизации в глобальных процессах.

Общий вывод из всего сказанного ранее заключается в том, что теория арктической циркумполярной цивилизации позволяет актуализировать проблему гуманизма и показать возможности её современного решения в глобальном масштабе.

Библиографический список

1. Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред И. С. Семененко; ИМЭМО РАН. М.: Весь Мир, 2017. 992 с., ил.
2. Винокурова У. А., Яковец Ю. В. Арктическая циркумполярная цивилизация: учебное издание. 2-е изд., доп. Новосибирск: Наука, 2016. 320 с.
3. Семушин Д. С. «Циркумполярная» лженаука — против Русской Арктики // ИА REGNUM. URL: <https://regnum.ru/news/1501301.html> (дата обращения: 05.01.2018).
4. Кефели И. Ф. Циркумполярная цивилизация в гецивилизационной структуре глобального мира // Партнерство цивилизаций. 2013. № 4. С. 354—365.
5. Nye J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power, New York: Basic Books, 1990. 336p.
6. Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics, New York: Public Affairs Group, 2004. 192 p.
7. Най Дж. Гибкая сила. Как добиться успеха в мировой политике. М.: Тренд, 2006. 397 с.
8. Круглова Л. К. Идея И. А. Ильина о сопротивлении злу силою в контексте современности // Круглова Л. К. Избранное. Антропологический принцип в культурологии: теория и практика. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. С. 389—394
9. Круглова Л. К. Человек и культура. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 397 с.
10. Тойнби А. Постигание истории. М.: Прогресс. Культура, 1996. 607 с.
11. Кому мешает Россия в Арктике. URL: <http://voprosik.net/komu-meshaet-rossiya-v-arktike/> (дата обращения: 08.01.2018).

12. Круглова Л. К. Культура гуманизм. Универсальный гуманизм как новый цивилизационный принцип // Круглова Л. К. Человек и культура. М.; СПб.: Центр Гуманитарных инициатив, 2017. С. 157—167.

13. Основы государственной культурной политики. URL: <http://legalacts.ru/doc/ukaz-prezidenta-rf-ot-24122014-n-808/> (дата обращения: 05.01.2018).

14. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 г. URL: <http://static.government.ru/media/files/AsA9RAyYVAJnoBuKgH0qEJA9IxP7f2xm.pdf> (дата обращения: 15.09.2017).

References

1. *Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Enciklopedicheskoe izdanie* [Identity: Personality, society, politics. Encyclopedia, Ed. I. S. Semenenko, IMEMO RAS]. Moscow, Publishing House «The Whole World», 2017, 992 p. (In Russ.)

2. Vinokurova U. A., Yakovec Yu. V. *Arkticheskaya cirkumpolyarnaya civilizaciya* [Arctic circumpolar civilization. Textbook]. Novosibirsk, Nauka Press, 320 p. (In Russ.)

3. Semushin D. S. «Cirkumpolyarnaya» lzhenauka — protiv Russkoj Arktiki [«Circumpolar» pseudoscience against Russian Arctic]. *IA REGNUM*. Available at: <https://regnum.ru/news/1501301.html> (accessed 05.01.2018). (In Russ.)

4. Kefeli I. F. Cirkumpolyarnaya civilizaciya v geocivilizacionnoj strukture global'nogo mira [Circumpolar civilization in geocivilizational the structure of the global.]. *Partnerstvo civilizacij* [Partnership of civilizations], 2013, no 4, pp. 354—365. (In Russ.)

5. Nye J. *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*. New York, Basic Books, 1990, 336 p.

6. Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York, Public Affairs Group, 2004, 192 p.

7. Naj Dzh. *Gibkaya sila. Kak dobit'sya uspekha v mirovoj politike* [Soft Power: The Means to Success in World Politics]. Moscow, Trend, 2006, 397 p. (In Russ.)

8. Kruglova L. K. Ideya I. A. Il'ina o soprotivlenii zlu siloyu v kontekste sovremennosti [I. A. Ilyin's idea of resistance to evil by force in the context of modernity]. Kruglova L. K. *Izbrannoe: Antropologicheskij princip v kul'turologii: teoriya i praktika* [Favorites. Anthropological principle in cultural studies: theory and practice]. Moscow; SPb., Centr gumanitarnyh iniciativ, 2018, 448 p. (In Russ.)

9. Kruglova L. K. *Chelovek i kul'tura* [Human and culture]. Moscow; SPb., Centr gumanitarnyh iniciativ, 2017, 397 p. (In Russ.)

10. Tojnbi A. *Postizhenie istorii* [Comprehension of history]. Moscow, Progress. Kul'tura Press, 1996, 607 p. (In Russ.)

11. *Komu meshaet Rossiya v Arktike* [Who prevents Russia in the Arctic] Available at: <http://voprosik.net/komu-meshaet-rossiya-v-arktike/> (accessed 08.01.2018) (In Russ.)

12. Kruglova L. K. *Kul'tura i gumanizm. Universal'nyj gumanizm kak novyj civilizacionnyj princip* [The Culture and humanism. Universal humanism as a new civiliza-

tional principle]. Kruglova L. K. *Chelovek i kul'tura* [Man and Culture]. Moscow, SPb., Centr Gumanitarnyh iniciativ, 2017, pp. 157—167 (In Russ.)

13. *Osnovy gosudarstvennoj kul'turnoj politiki* [Fundamentals of state cultural policy]. Available at: <http://legalacts.ru/doc/ukaz-prezidenta-rf-ot-24122014-n-808/> (accessed 05.01 2018). (In Russ.)

14. *Strategiya gosudarstvennoj kul'turnoj politiki na period do 2030 goda* [Strategy of the state cultural policy for the period up to 2030]. Available at: <http://static.government.ru/media/files/AsA9RAyYVAJnoBuKgH0qEJA9Ixp7f2xm.pdf> (accessed 15.09.2017)/ (In Russ.)

У. А. Винокурова

Арктический государственный институт культуры и искусств, Якутск

**Экософия Земли:
ответ на вызовы глобального изменения климата**

В статье осмысливается процесс глобального изменения климата в фокусе экософии, предполагаемой с позиции планеты Земля. Экоцентричный подход Indigenous Methodology предполагает отношение к Земле как самовосстанавливающейся сущности, что позволяет ввести в научный оборот понятие «экософия Земли». Автором сформулированы три вопроса: возможен ли диалог / полилог между экофильной Indigenous Methodology и антропоцентрическим экофобным проектом техногенной цивилизации; как гармонизировать современную коэволюцию человека и природы и как помочь Земле в самовосстановлении живой системы. Ответ на данные вопросы автор видит в трех инновационных стратегиях: метафора «Земля — общий Дом», биорегионализм и органицизм.

Ключевые слова: экософия, Indigenous Methodology, биорегионализм, органицизм, коэволюция, экософская культура, шаманизм.

U. A. Vinokurova

Arctic State Institute of Culture and Arts, Yakutsk

**Ecosophy of the Earth:
response to challenges of global climate change**

The paper comprehends the processes of global climate change in the light of ecosophy as seen from the position of the planet Earth. The ecocentric approach of Indigenous Methodology refers to the Earth as a self-restoring entity, which allows for introducing the scientific concept of «ecosophy of the Earth.» The author has formulated three questions: is there a possibility for a dialogue/polylogue between the ecophile Indigenous Methodology and anthropocentric ecophobic project of a technological civilisation; how to harmonize modern co-evolution of man and nature and how to help the Earth in self-restoration of a living system. The author sees the

answer to these questions in three innovative strategies: the metaphor «the Earth is a shared home», bioregionalism, and organicism.

Keywords: *ecosophy, Indigenous Methodology, bioregionalism, organicism, coevolution, ecosophic culture, shamanism.*

Введение

Интерес к экософии диктуется вызовом глобального изменения климата к ресурсам жизнеобеспечения человека. Планета Земля является единственным местом обитания человека. В процессе самовосстановления в условиях глобального изменения климата она подвергает всех живых существ разнообразным катаклизмам: наводнениям, землетрясениям, цунами, пожарам, длительным засухам, извержениям вулканов, внезапным сильным морозам, снегам, дождям, ветрам, ландшафтным изменениям — все эти риски и угрозы уносят миллионы жизней живых существ.

С позиции планеты эти катаклизмы можно воспринимать как усилия Земли дать уроки переосмысления отношения человека к ней. Это касается прежде всего ошибочности используемых экофобных понятий, таких как «окружающая среда», «антропоцентризм», «человек — мера всех вещей», «господство над природой», а также введения новых экофильных понятий, таких как «права Земли», «партнёрство с Землей», «осознанная нравственная ответственность за Жизнь Земли», «сотворчество с Землей», «равенство и справедливость для Земли, для Живой природы», «Живое знание», «планетарный подход», «творчество Жизни человеком».

Человечество стоит перед неумолимо надвигающейся задачей — найти гармонические формы коэволюции с природной средой, со стремительно сужающимся пространством жизни природы. Так называемая дикая природа, точнее живая природа, остается только в труднодоступных местах с экстремальными природно-климатическими характеристиками, ограничивающими заселение человека. Для решения этой задачи необходимо изменить отношение человека в природе, признать самоценность природы, в лоне которой обитает человек. В настоящее время эти отношения вступили, с одной стороны, в фазу конфронтации, с другой — ресурсы самовосстановления природы нуждаются в понимании и под-

держке человека, совершающего эволюционный экофильный поворот в своем сознании как землянина. Вышеназванные термины, порожденные техногенной цивилизацией, антропоцентричны, предусматривают заведомо экофобную разъединенность человека с Землей, отрицают живую саморазвивающуюся сущность планеты, ставят ее во вторичную позицию по отношению к человеку как к её «хозяину, царю природы», как сферу потребляемых им природных ресурсов. Экофильность сознания современного человека представляется гарантией устойчивой коэволюции человека с жизнью планеты.

Введение же вышеобозначенных экофильных новых понятий требует ответа на следующие вопросы:

1. Неизбежна ли Встреча двух фундаментальных метафизических проектов в инновационной стратегии: миропроекта *Indigenous Methodology*, который складывается у экофильных коренных народов мира, и антропоцентрического проекта техногенной цивилизации? Как будет проходить Встреча: достигаемо ли понимание в диалоге / полилоге или есть предельность и непроницаемость границ?
2. Как гармонизировать сегодня коэволюцию человека и природы?
3. Как помочь Земле в самовосстановлении живой системы?

Усиливающееся осознание зависимости человека от природных явлений, резко меняющих привычную природную среду в условиях глобального изменения климата, вызвали появление нескольких новых стратегий в коэволюции человека и природы. С позиций представленности в них экософских принципов можно выделить следующие: метафора «Земля — это общий Дом», биорегионализм, органицизм.

Метафора «Земля — это общий Дом»

Идея родной земли, присущая коренным народам, в сущности является основой для понимания экософии Земли, понимаемой как сердце места проживания. Экософия представляет собой «мудрость Дома». По мнению А. Нейса, экософия — это «мудрость земли», по-

скольку нашим домом является вся земля. Органическая целостность мира проявляется через витализм, связывающий воедино человека, общество и природу, порождая чувство «благоговения перед жизнью», духовного оздоровления человека.

По утверждению российского эколога К. И. Шилина, экософия состоит из четырех основных подсистем: экософии жизни, экософии человека, социальной и технологически-предметной экософии [1, с. 3]. Эти виды экософий могут объединяться в живое целое — экософию Земли [1, с. 27], то есть это ценность природы, исходящая из самой планеты Земля, осознаваемая и признаваемая человеком в разных форматах взаимодействий с ней. Стремясь объяснить, что имеет в виду под понятием «экософия Земли», К. И. Шилин написал труд «Хартия Земли», в котором от лица Земли обозначил главный смысл экософии Земли: «Я, Земля — не хочу умирать. Так не губите меня, люди. Вы губите себя вместе со мною. И губите, подчас не осознавая этого» [2, с. 3]. Главные условия признания экософии Земли — это партнерство с Живой Природой Земли, следование всей совокупности экологически позитивных мировоззрений народов Земли, планетарный подход к осознанной нравственной ответственности за Жизнь Земли и признание прав Земли [2]. Такая интерпретация экософии основывается на отношении к Земле как к одухотворенной, мыслящей, самоорганизующейся сущности, свойственному мировоззрению коренных народов мира, *Indigenous Methodology*, развиваемой коренными учеными гуманитарного и социокультурного направлений. Согласно мировоззрению коренных народов, партнерство с Землей осуществляется на принципах экологической справедливости, учитывающей интересы людей и самой планеты. Земля — прекрасное живое существо, живущее по первозданной своей экософии, в соответствующей природной нише которой и живет человечество. На наш взгляд, экософия отражает природный порядок гармонии, равновесия и выражается в двух предельных нормах — самореализации человека как творца жизни и биосферного равенства на планете.

Существующие теоретические подходы к экософии в целом раскрывают лишь отношение человека к себе и к окружающей и / или природной среде в различных аспектах. Автор глубинной эколо-

гии, норвежский ученый-альпинист Арне Нейс понимал под экософией целостный взгляд, личную философию жизни, экологическую мудрость, выражающуюся в создании «неподавляющих» обществ, справедливых по отношению к человеку, обществу и природе [3]. По всей вероятности, его эгоцентристские взгляды оказали благотворное влияние на современные поколения норвежцев, сумевших построить одну из самых благополучных в экологическом плане стран мира. Антропоцентрическая парадигма была свойственна и взглядам французского психоаналитика и философа Ф. Гваттари [4], обратившегося к теории экософии как к интеллектуальному повороту в условиях капиталистического кризиса общества, вызывающего экологическую угрозу его жизни. Он выделил три вида экософии: социальную (social), психическую (mental) и окружающей среды (environmental), у каждой из которых есть свои задачи. По его мнению, социальная экософия должна способствовать развитию определённых практик, которые изменят способы жизни в парах, семьях, в городе, на работе, т. д. Он считал, что необходимо перестроить человеческие связи на каждом уровне социума и ментальная экософия должна помочь изменить отношение субъекта к телу, времени, явлениям жизни и смерти и т. п. Человеку нужно противостоять влиянию капитализма в повседневной жизни, выстроив соответствующую личную этику, которая будет находиться в сфере ментальной экологии. Экософия окружающей среды должна способствовать выстраиванию гармоничных взаимоотношений с окружающей средой. Использование Ф. Гваттари понятия «окружающая среда» выдает ограниченность понимания смысла термина «экософия», применяемого лишь с позиций благополучия человека, загнанного искусственной средой капитализма, а природа могла бы выступить терапевтическим средством психической реабилитации человека потребительского общества.

Поворот к пониманию состояния самой Земли с позиций ее интересов предполагает землецентричность мировоззрения человека. Впервые в русскоязычной научной литературе осмысление Встречи двух фундаментальных метафизических проектов экософии — миропроекта Indigenous Methodology экофильного ученого коренных народов мира и антропоцентрического проекта за-

падной цивилизации были осуществлены в 1994 г. в публикации «Человек гармоничного будущего. Экософия-словарь» [5]. В нем сочетаются взгляды коренных народов Севера, признающих самоценность природы, духовного единения с ней, творческое отношение к жизни, обозначенных авторами Экософией Северного Сияния. Как отмечает филолог О. Н. Иванищева, у саамов наблюдается позитивное восприятие холодного климата Кольского Севера и его скудной природы [6, с. 241]. Феномен шаманства, сохранившийся у коренных народов, представляет собой механизм сосуществования общности с исконной землей посредством шаманов как повелителей природных стихий [7]. Встречи экофильных коренных народов с представителями экофобной техногенной цивилизации часто носили конфликтный характер, исход определялся силой защиты исконных мест обитания. Из множества таких примеров одним из впечатляющих является голодовка шаманки по имени Зипсис из племени пенопскот (штат Мэн, США) [8, с. 60—67]. Зипсис, в переводе с языка пенопскот «маленькая птичка», в реестре статусных американских индейцев обозначена католическим именем «Кристина». В развернутом интервью она поведала, что занимается охотой в горах, мастерит куклы, обучает детей племени родному языку и культуре. В течение семи дней она, отказавшись принимать еду и воду, сидела на священной горе, просила у духов горы поддержки духа и тела, требуя отмены правительственного решения о захоронении отходов урановых руд в священной горе пенопскотов. Её поддержали многие и победили, сохранили в чистоте родную землю.

Радикальным видом встречи коренных народов и представителей техногенной цивилизации является движение «Земля прежде всего!» (*Earth First!*), нацеленное на защиту природы. Спектр их протестного и защитного движения предполагает организацию публичных мероприятий широкого диапазона: от гражданского неповиновения до «применения разводного ключа», т. е. своего рода экологического саботажа, направленного на срыв работ, связанных с разрушением природы [9]. Активисты этого движения поддерживают сопротивления коренных народов против нарушения их прав на исконные земли, проектов по загрязнению приро-

ды. Их действия — это межконтинентальный крик в защиту Земли. Лесные пожары и другие природные бедствия проявляются в неравной уязвимости разных социальных страт. Социальные факторы, такие как раса, пол, способности и бедность, проявляются в значимости ущерба, причиненного во время бедствий. Законы и политика, которые постоянно маргинализируют людей и сообщества в обычное время, делают коренные сообщества более уязвимыми перед лицом бедствий [10]. Опыт правового регулирования стихийных бедствий показывает, что люди, а не окружающая среда, вызывают катастрофу, так как действующие законы не экоцентричны, не исходят из «землецентричных» ценностей, утверждают экологический расизм и экологическую несправедливость, порождая экологических беженцев.

Экоцентрические образы земли и природы предполагают, что человек — продукт природы и общества, он — дитя природы. Землецентричная ценность *Indigenous Methodology* утверждает, что природа — это одухотворенная сущность, общий дом, устанавливающий равенство всех живых существ, обитающих на земле и самоограничивающих себя в использовании природных ресурсов, не разрушающих природные ниши. Эти землецентричные ценности были описаны в теории всеобщей взаимопомощи русского исследователя народов Сибири П. Кропоткина в виде ценности Добра, Отваги и Щедрости. На основе наблюдений над природосообразной жизнью бурят, якутов, многих народов мира он сформулировал этические нормы отношения в обществе и к природе, почти на столетия опередив международные акты по защите природы. Он утверждает, что взаимопомощь является преобладающей ценностью природы, а чувства взаимопомощи, справедливости и нравственности глубоко заложены в человеке со всей силой прирождённых инстинктов [11]. Взгляды П. Кропоткина, основанные на экофильном мировоззрении коренных народов, опровергают позиции социал-дарвинистов, обосновавших устойчивую экофобную техногенную цивилизацию.

Биорегионализм

Проблема гармонизации коэволюции человека и природы получила правовое разрешение в 1982 г., когда Генеральной Ассамблеей ООН была принята Всемирная хартия природы (Charter for Nature), в которой устанавливается, что «любая форма жизни является уникальной и заслуживает уважения, какой бы ни была ее полезность для человека», признаётся, что «человек может своими действиями или их последствиями видоизменить природу и исчерпать ее ресурсы, и поэтому он должен в полной мере сознавать насущную необходимость сохранения равновесия и качества природы и природных ресурсов. Хартия призывает государства и людей бережно относиться к природным ресурсам, вести рациональное природопользование». Никаких норм о праве Земли на естественную живую жизнь, самоограничении потребления ее ресурсов специальной экологической этики не установлено [12].

Экологическая этика предполагает, что природная среда является активным действующим субъектом и утверждает ценность природного мира, воплощаемого в художественных формах искусства. Система ценностей экологической этики основана на том, что нет ничего ценнее Жизни, ценнее Человека и Природы [13]. Наиболее интересным представляется экософское творчество американского писателя Гэри Снайдера, анализу которого посвящено диссертационное исследование С. В. Гречишкиной [14]. Регион и планета в целом представлены в творчестве Снайдера как творческий, креативный агент, обуславливающий особенности человека. Результатом развития экософской культуры становится приоритет ценности семьи, социальной активности и взаимопомощи. Он справедливо полагает, что необходимо включить место своего проживания в этический универсум морального Кодекса человека. Это требование отсутствует во Всемирной хартии природы, которую США не подписали.

Экософский подход наиболее активно внедряется на уровне местных вариантов будущего (Local Futures), члены которого стремятся защитить и возобновить экологическое и социальное благополучие путём ухода от глобализации к локализации, возродить культурное и биологическое разнообразие за счёт укрепления ло-

кальных и экономических сообществ. Поэтическое выражение эко-софского мироззрения проявлено в стихах Г. Снайдера, переведенных на русский язык [15]. Такой подход усиливается активной защитой локальных сообществ своих священных мест, где сообщества испытывают чувство гармоничной коэволюции человека и природы [16]. Оно обосновывает принципы укоренения с удовольствием на месте жительства, создавая устойчивый баланс с его ресурсами, природными особенностями, ритмом жизни природного сообщества.

Понятие «биорегион» представляется весьма продуктивным в обосновании экологического движения за защиту природы речных бассейнов. Под биорегионом подразумевается территориальная единица, представляющая собой экологическое и культурное единство, границы которой определяются природными факторами и совпадают с границами экосистем. Бассейны рек являются, с одной стороны, кровеносными сосудами цивилизаций, государств и народов, а с другой — резервуарами жизни на планете. Почитание родных рек является одним из устойчивых проявлений биорегиональной стратегии и эгоцентричной картины мира. Повышается значимость рек и водных ресурсов в условиях глобального изменения климата, транспортной логистики, усиления роли локальной идентичности. Экологическая катастрофа, постигшая вилюйскую группу районов Якутии из-за прорыва дамбы алмазодобывающего предприятия АК АЛРОСА 19 августа 2018 г., выразилась в загрязнении вод рек Вилюй, Марха, Ирелях, Малая Ботубуйа [17]. Беда коснулась не только четырех вилюйских районов, но и самого Мирнинского района, на территории которого находится данное предприятие. Использование понятия «биорегион» позволяет объединять усилия населения всего Вилюйского бассейна в устранении последствий экологического бедствия, способствует осознанию права Земли как не менее пострадавшей стороны.

Стратегия органицизма

Данный подход опирается на идеи органической целостности мира, глобальной эволюционной динамики, самоценно-

сти природы как целостной системы, включающей человека. Эвристический потенциал органицизма заключается в новой постановке вопроса о функциональной связи разно-природных онтологических структур сознания с природно-географическими условиями формирования ментальности человека [18]. Впервые за все время существования человечество действительно фактически становится целостным, взаимосвязанным благодаря стратегии органицизма.

Культурная определенность бытия задает перспективу жизненного мира [19]. Тенденция недооценки биологических и географически-климатических факторов является результатом ренессансного антропоцентризма, противопоставившего культуру и природу как две самостоятельные сферы. Органицизм ставит вопрос о неразрывности взаимосвязи биологического и духовного в человеке, взаимосвязи цивилизации и природы. Признание могущества земных процессов подвело человека нетехногенных цивилизаций к различным способам приспособления к условиям жизни на планете, что отразилось в шаманском мировоззрении по отношению к Земле.

Исследователи органицизма указывают на усиление внимания к проблемам комплексности и эмерджентности. Emergencу осмысливается как (1) непредвиденный случай, крайнее обстоятельство; (2) возникновение, внезапное появление новых качеств; (3) проявление сверхъестественных свойств у человека [20, с. 106]. В. А. Луков предполагает, что третье значение в обозримой перспективе станет не только отражающим реальность, но и конструирующим ее [21, с. 34—35].

Одной из экосоциальных проекций органицизма в этнокультурной жизни коренных народов может быть экософия шаманства. Культура шаманства основывается на следующем целостном ценностном отношении к Земле:

1. Определение мест силы и поклонение, паломничество к этим местам.
2. Отношение к Земле как к живому существу и соблюдение этических требований Земли.
3. Обоожествление сущности Земли, культ её элементов и стихий.

4. Одухотворенное отношение человека к месту рождения, жительства и захоронения, поклонение духам дорог, обряды и ритуалы жизненного цикла. Издревле принято брать в дорогу горсть земли, чтоб человеку помогала энергетика родной земли в трудных делах. На могилах на чужбине приносят горсть земли с родных мест, на похоронах всегда напутствуют: пусть родная земля будет пухом. Осквернение человеческих останков и могил считается тяжелым преступлением у всех народов.

5. Признание биохимической зависимости человека с ресурсами места обитания. В якутской мифологии оно названо «буор кут». Краевед учитель П. Р. Ноговицын создал фильм «Буор кут», в котором повествует об оздоравливающем влиянии родной земли на состояние человека. Есть понятия «дойду ахтылҕана» (тоска по родине). У народов Якутии существует поверье, что если человек после 60 лет посещает и обходит родные места, где он провёл детство и юность, значит, он «прощается с жизнью».

6. Признание духовной общности людей, родившихся и долго живших на одной территории — «северное притяжение», объединения земляков, оказывающих поддержку в трудных ситуациях, выполняющих различные коммуникативные функции.

7. Факт исторической родины, исконных мест является одним из важных критериев этнической идентичности. В социологических исследованиях, проведенных в 1994—1996 гг. в Якутии, Татарстане, Северной Осетии и Тыве под руководством Л. М. Дробижевой, было обнаружено, что особенно для саха признак «родная земля» как этнообъединяющий фактор был особенно выраженным [22]. Саха остаются в значимой зависимости от природных возобновляемых ресурсов родной земли: охота, рыбалка, сельскохозяйственные занятия, сбор даров природы, дачный, сайылычный и летний семейно-родственный отдых и т. д. Заслуженный артист России, режиссер А. С. Борисов утверждает, что настоящий артист Саха театра должен летом обязательно поработать на сенокосе, только тогда он выражает якутскую духовную сущность.

8. Выделение особо сакральных мест, хранящих историческую и этнокультурную память о событиях, о выдающихся личностях. На подобных местах выработана особая этика поведения.

9. Создание ритуальной архитектуры почитания духа местности в соответствии с этносемиотическими символами духовного самовыражения этнической общности и местного населения.

Современные научные достижения о происхождении разумной жизни на Земле под контролем космического Творца Разума подтверждают вековую мудрость народов, создавших экософское мировоззрение на макушке Земли. Зарождается новая наука — космическая антропоэкология, изучающая взаимодействия человека с космическим разумом [23]. В глобальных экспериментах (4233 участника), проведенных за Полярным кругом А. Д. Трофимовым и В. П. Казначеевым, было доказано, что выше 73 градусов северной широты наблюдается «зона парадоксального хода времени», отмечается особая роль северного региона в динамике планетарно-информационного, космофизического интеллектуального пространства. Исследование выявило, что интеллектуальное поле оказалось чрезвычайно восприимчивым к введению мыслеобразной информации в приполярном регионе. Информация устойчиво хранилась и воспроизводилась в интеллектуальном пространстве большого числа участников эксперимента. Телекоммуникационные каналы и информационное пространство Земли в высоких широтах оказались взаимосвязанными [23, с. 174—175]. Более того, в серии работ в «зеркалах Козырева» на Крайнем Севере выявлен феномен «дистанционно-временного опережения», когда образная информация воспринималась за несколько часов или даже за несколько суток до сеанса образной информации [23, с. 181].

Данное космофизическое исследование интеллекта человека косвенно подтверждает достоверность традиционных сакральных практик народов Арктики [24]. В последние годы формируется экологизм как особая черта художественного мышления и искусство начинает проявляться как животворящее знание. Ярким примером привлекательности и востребованности этой особенности в киноискусстве стали якутские фильмы «Царь-птица» (2017) и «Надо мною солнце не садится» (2018). Они раскрывают экософию коренных народов, живущих в гармонии с природной средой, отношение человека к животному миру как части своей жизнеутверждающей сущно-

сти. Эти актуальные тренды мирового кинематографа стали естественными нишами якутской кинематографии. В этой нише якутское кино имеет огромный потенциал и может внести свой вклад в экологизацию и гуманизацию сознания человечества в условиях глобального изменения климата планеты, утери человеком живой связи с природой и с духовными истоками души. В то время, когда западное кино пресыщено социальными сюжетами, коммерциализацией, якутское кино явилось с обнаженным внутренним миром человека, живущего в гармонии с экстремальной природой. Круг помощи предлагается в художественных экранизациях произведений о человеческих историях коренных народов, переживших планетарные катаклизмы и усвоивших экософию Земли. Голос экософии Земли как предзнаменование будет звучать еще громче и убедительнее: Земля — прежде всего! Землю надо беречь сообща. Земля замыкает все стихии в единых объятиях. Экософия — это стратегия будущего человека и планеты.

Заключение

В научной литературе утвердилось мнение, что экологическое сознание может быть антропоцентричным и эгоцентрическим. Антропоцентрический тип видит целью в отношении к природе удовлетворение тех или иных прагматических потребностей человека. Эгоцентрический — оптимальное удовлетворение как потребностей человека, так и потребностей всего природного сообщества. Его радикальное выражение: Earth First!

Ответы на поставленные вопросы данной статьи могут быть найдены в Арктике. Неизбежность Встречи миропроекта Indigenous Methodology и техногенной цивилизации перед лицом глобального изменения климата, усиливающегося ухудшения качества жизни людей и всего живого на планете Земля, особенно заметна в Арктике и прибрежных ей территориях, где возникает реальная необходимость смены всей парадигмы отношения человека к Жизни на Земле. Этот вызов перед человечеством требует немедленного ответа, прежде всего со стороны тех, кто способен мыслить категориями Живой Логике и Живого знания.

Термин «экософия» введен нами для обозначения приоритета законов природы в познании человеческой субъектности, гармонизации коэволюции человека и природы. Экософию мы понимаем как теорию творчества жизни человеком в гармонии с законами природы. Экософия, то есть мудрость природы, основывается на Живом знании и Живой логике. Феномен *связи, взаимосопряженности* пронизывает все аспекты экософского мировоззрения. Экологическая мудрость исходит из творческого гармоничного общения человека с природой, миром жизни, символами искусства. Согласованность, коэволюция человека с окружающей средой осознается как мудрость предков, выживших в заданных природных условиях. При таком подходе природа становится аксиологической константой цивилизации. Экософское кредо утверждает мировоззрение ценности первичности природы, разумного творческого природосбережения, добра, красоты земной жизни, благополучия и безопасности всех живых существ, в том числе и человека.

Экософия Земли представляет собой своеобразное альтернативное мировоззрение по отношению к ценностям современной техногенной цивилизации. Она основывается на понимании планеты Земля как живого существа и нацеливает на создание дружественных с природой технологий.

Формированию экософии как интуитивного интеллектуального постижения жизни на планете способствуют такие особенности природы Арктики, как многолетняя мерзлота, экстремальный холод, снег и лёд, своеобразии флоры и фауны, ландшафта тундры, Ледовитого океана. Экстремальные условия Арктики препятствуют формированию в сознании человека опасной иллюзии независимости от окружающей среды.

Глобальное изменение климата, особенно в высоких широтах, актуализирует значимость экософии арктических народов в поиске стратегий природосбережения и народосбережения, способной помочь Земле в самовосстановлении живой системы. Природно-духовная ценность культур народов Арктики сформулирована в теории арктической циркумполярной цивилизации. Законы взаимодействия человека с природной средой обитания и космосом познаются на интуитивном интеллектуальном уровне с помощью Живой

логики. Живая логика проявляется в том, что жизнь в условиях преобладания информации только из природных источников, собственной рефлексии и интеллектуальной деятельности в форме предвидения выработала особую энергоинформационную связь на тонком уровне. Одним из свидетельств такого особого канала получения, переработки и управления информацией на персональном и космологическом уровнях является феномен шамана, присутствующий у всех арктических народов. Такой широкий диапазон масштабности мировоззрения у народов бескрайней Арктики, допускающий различные уровни осознаваемых миров, их разнообразия во времени и пространстве Вселенной, порождает полимасштабность картины мира, системность живой логики, осознающей экософию Земли в парадигмах метафоры «Земля — дом», научных подходах биорегионализма и органицизма. Помощь человека Земле состоит в осознании и создании более устойчивой самоорганизации природы по ее сценарию в будущем.

Библиографический список

1. Шилин К. И. Глобальная экософия Якутии. М.: Очаг, 1996. 64 с.
2. Шилин К. И. Хартия Земли / Междунар. акад. информатизации, Акад. Жизни, Обществ. об-ние «Духов. движение России» М.: Очаг, 1997. 16 с.
3. Naess, A. Ecology, Community and Lifestyle: Outline of Ecosophy / A. Naess. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 223 p.
4. Guattari, F. The Three Ecologies / F. Guattari. London: The Athlone Press, 2000. 174 p.
5. Винокурова У. А., Шилин К. И. Человек гармоничного будущего. Экософия-словарь. М., 1994. 182 с. (Серия «Живое знание»).
6. Иванищева О. Н. Холод как саамский культурный феномен // Человек. Культура. Образование. 2019. №1 (31). С. 233—246.
7. Винокурова У. А. Экософия ойууна криолитозоны. Новосибирск: Наука, 2018. 192 с.
8. Винокурова У. А., Третьякова С. А. Хотугу эргимтэ үөрэҕэ // Образование в жизни индейцев Севера Америки. Якутск: Бичик, 1999. 112 с. (На якутском яз.).
9. Earth First. URL: <http://earthfirstjournal.org/> (дата обращения: 1.08.2019).
10. How Indigenous Leadership is Protecting Communities from Climate Disasters. URL: <https://earthfirstjournal.org/newswire/2019/06/19/how-indigenous-leadership-is-protecting-communities-from-climate-disasters/> (дата обращения: 1.08.2019).
11. Кропоткин П. А. Взаимопомощь как фактор эволюции. М.: Самообразование, 2007. 240 с.

12. Всемирная хартия природы // Организация объединённых наций. URL: www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/charter_for_nature.shtml
13. Экологическая этика и образование для устойчивого развития: материалы Байкальской международной конференции ЮНЕСКО (29 июня — 2 июля 2006 г.). Улан-Удэ; 2006. 322 с.
14. Гречишкина С. В. Творчество Гэри Снайдера: формирование и развитие экософской культуры в США: канд. дис. ...: 24.00.01 / Гречишкина Светлана Викторовна; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»], 2018. 179 с.
15. Снайдер Г. Черепаший остров / пер. с англ. А. Щетникова. Новосибирск: Артель «Напрасный труд», 2017. 72 с.
16. Священные места Якутии: изучение, охрана и использование: материалы респ. науч.-практ. конф., 15—16 апр. 2008 г., г. Якутск / [редкол.: У. А. Винокурова, В. Ф. Яковлев, В. И. Бочонина]. Якутск: АГИИК, 2009. 188 с.
17. В Якутии ликвидируют последствия прорыва дамбы в Мирнинском районе. URL: <https://www.sakha.gov.ru/news/front/view/id/2935690> (дата обращения: 1.08.2019).
18. Солонин Ю. Н. Целостность гуманитарного знания. СПб.: Наука, 2015. 639 с.
19. Забулионите А.-К. И. Типологический таксон культуры. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. 280 с.
20. Краткий англо-русский философский словарь / сост. П. В. Царев. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. 318 с.
21. Луков В. А. Органицизм и биосоциология: их связь в свете тезаурусного подхода // Тезаурусный анализ мировой культуры: сб. науч. трудов / под общ. ред. Вл. А. Лукова. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2011. Вып. 22. С. 22—37.
22. Информационно-аналитический бюллетень ИНАБ № 4 — 2012. Идентичность и консолидационный ресурс жителей Республики Саха (Якутия) / ред. Л. М. Дробижева [Электронный ресурс]. М.: Институт социологии РАН, 2012. 97 с. 1 CD-ROM.
23. Казначеев В. П., Трофимов А. В. Очерки о природе живого вещества и интеллекта на планете Земля. Новосибирск: Наука, 2004. 312 с.
24. Vinokurova U. A. Ecosophy as awareness of Cosmophysical Origin of Sacred Places of the Arctic peoples // Preserving sacred sites : Arctic indigenous peoples as cultural heritage rights holders. Editors Leena Heinämäki, Thora Martina Herrmann & Nicole A. Raslich. 2015. № 39. P. 28—29.

References

1. Shilin K. I. *Global'naya ekosofiya Yakutii*. Moscow, Ochag, 1996. 64 p. (In Russ)
2. Shilin K. I. *Hartiya Zemli / Mezhdunar. akad. informatizacii, Akad. Zhizni, Obshchestv. ob-nie «Duhov. dvizhenie Rossii»*. Moscow, Ochag, 1997. 16 p. (In Russ)

3. Naess, A. *Ecology, Community and Lifestyle: Outline of Ecosophy* / A. Naess. Cambridge, Cambridge University Press, 2001, 223 p.
4. Guattari, F. *The Three Ecologies* / F. Guattari. London, The Athlone Press, 2000, 174 p.
5. Vinokurova U. A., Shilin K. I. *Chelovek garmonichnogo budushchego. Ekosofiya-slovar'*. Moscow, 1994, 182 p. (Seriya «Zhivoe znanie») (In Russ)
6. Ivanishcheva O. N. Holod kak saamskij kul'turnyj fenomen. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie*. 2019, no. (31), pp. 233—246. (In Russ)
7. Vinokurova U. A. *Ekosofiya ojuuna kriolitozony*. Novosibirsk, Nauka, 2018. 192 p. (In Russ)
8. Vinokurova U. A., Tret'yakova S. A. Hotugu ergimte yoreņe. *Obrazovanie v zhizni indejcev Severa Ameriki*. Yakutsk, Bichik, 1999, 112 p. (In Yukut)
9. Earth First. Available at: <http://earthfirstjournal.org/> (accessed 1.08.2019)
10. How Indigenous Leadership is Protecting Communities from Climate Disasters. Available at: <https://earthfirstjournal.org/newswire/2019/06/19/how-indigenous-leadership-is-protecting-communities-from-climate-disasters/> (accessed 1.08.2019)
11. Kropotkin P. A. *Vzaimopomoshch' kak faktor evolyucii*. Moscow, Samoobrazovanie, 2007, 240 p. (In Russ)
12. *Vsemirnaya hartiya prirody. Organizaciya ob»edinyonnyh nacij*. Available at: www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/charter_for_nature.shtml (accessed 1.08.2019)
13. *Ekologicheskaya etika i obrazovanie dlya ustojchivogo razvitiya. Materialy Bajkal'skoj mezhdunarodnoj konferencii YUNESKO. 29 iyunya — 2 iyulya 2006 g.* Ulan-Ude, 2006. 322 p.
14. Grechishkina S. V. *Tvorchestvo Geri Snajdera: formirovanie i razvitie ekosofskoj kul'tury v SSA: dissertaciya ... kandidata : 24.00.01 / Grechishkina Svetlana Viktorovna; [Mesto zashchity: FGBOU VO «Zabajkal'skij gosudarstvennyj universitet»]*, 2018, 179 p.
15. Snajder G. *Cherepashij ostrov: Per. s angl. A. Shchetnikova*. Novosibirsk, Artel' «Naprasnyj trud», 2017, 72 p (In Russ)
16. *Svyashchennye mesta Yakutii: izuchenie, ohrana i ispol'zovanie : materialy resp. nauch.-prakt. konf., 15—16 apr. 2008 g., g. Yakutsk / [redkol.: U. A. Vinokurova, V. F. YAkovlev, V. I. Bochonina]*. Yakutsk, AGIHK, 2009, 188 p (In Russ)
17. *V Yakutii likvidiruyut posledstviya proryva damby v Mirninskom rajone*. Available at: <https://www.sakha.gov.ru/news/front/view/id/2935690> (accessed 1.08.2019)
18. Solonin Yu. N. *Celostnost' gumanitarnogo znaniya*. SPb., Nauka, 2015, 639 p. (In Russ)
19. Zabulionite A.-K. I. *Tipologicheskij takson kul'tury*. SPb., Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2009, 280 p. (In Russ)
20. *Kratkij anglo-russkij filosofskij slovar', sost. P. V. Carev*. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta, 1969, 318 p. (In Russ)
21. Lukov V. A. *Organicizm i biosociologiya: ih svyaz' v svete tezaurusnogo podhoda. Tezaurusnyj analiz mirovoj kul'tury: sb. nauch. trudov. Vyp. 22, pod obshch. red. Vl.*

A. Lukova. Moscow, Izd-vo Mosk. gumanit. un-ta, 2011, pp. 22—37. (In Russ)

22. *Informacionno-analiticheskij byulleten' INAB № 4 — 2012. Identichnost' i konsolidaconnyj resurs zhitelej Respubliki Saha (Yakutiya)*. Red. L. M. Drobizheva [Elektronnyj resurs]. Moscow, Institut sociologii RAN, 2012. 97 p. 1 CD ROM (In Russ)

23. Kaznacheev V. P., Trofimov A. V. *Ocherki o prirode zhivogo veshchestva i intellekta na planete Zemlya*. Novosibirsk, Nauka, 2004, 312 p (In Russ).

24. Vinokurova U. A. Ecosophy as awareness of Cosmophysical Origin of Sacred Places of the Arctic peoples. *Preserving sacred sites : Arctic indigenous peoples as cultural heritage rights holders*. Editors Leena Heinämäki, Thora Martina Herrmann & Nicole A. Raslich. 2015, no. 39, pp. 28—29.

А.-К. И. Забулионите

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

**Человек и культура в природной среде:
динамика взаимосвязи (культурфилософский аспект)**

В статье представлены результаты исследования таких актуальных для культуры Арктического региона вопросов, как роль коренных народов в развитии Арктической зоны, инновационные сценарии развития Арктики, трансформация мифологического сознания (в контексте идей Ясперса), стратегия устойчивого развития современной цивилизации, предлагающая гармонизацию цивилизационного развития и сохранения природной среды, устойчивое развитие и региональные онтологии, роль в оценке цивилизационных теорий идеи органицизма. Делается вывод о вкладе философии культуры в разработку стратегии устойчивого развития.

Ключевые слова: философия культуры, экзистенциальная коммуникация, диалог культур, цивилизационное развитие.

A.-K.I. Zabulionite

St. Petersburg State University, St. Petersburg

**Man and culture in natural environment: dynamics
of interconnection (a cultural and philosophical aspect)**

The article presents research findings of the issues relevant to the culture of the Arctic region: role of the indigenous peoples in the development of the Arctic zone, innovative development scenarios for the Arctic, transformation of the mythological consciousness (from the perspective of Jaspers' ideas), a strategy for the sustainable development of modern civilization initiating harmonization of civilizational development and natural environment preservation, sustainable growth and regional ontologies, role in the assessment of civilizational theories of organicism. A conclusion is drawn about the contribution of philosophy of culture to the development of sustainable growth strategy.

Keywords: philosophy of culture, existential communication, dialogue of cultures, civilizational development.

Путь Якутии в составе России в длину почти четыре века, но он измеряется не числами. Тем не менее в дни юбилейные мысль естественно пытается охватить разом — пройденный путь и ожидаемую перспективу — экзистенциально-концентрированно почувствовать смысл бытия и назначение истории. Вхождение в состав России было поворотным событием для Якутии, которое означало конец доисторического периода: свершился качественный скачок из доистории в мировую историю, в то, что К. Ясперс назвал «осевым временем». Как известно, такой же путь в историю через вхождение в российское цивилизационное пространство прокладывали и другие северные этносы. Из России исходило решающее в рациональной и технической сфере влияние на весь север Азиатского материка до Тихого океана. Сформировавшие на протяжении XIV—XV веков особый дух, в соприкосновении с движением исторических народов, якутские роды включились в закладывание и строительство городов, развитие образования, создание литературы на национальных языках. Развитие промышленности в середине XX столетия превратило Якутию в индустриально-аграрную республику с перспективной промышленностью, а сухоходные и воздушные трассы вывели из транспортной изоляции труднодоступные районы республики. Тем не менее конец XX века стал временем испытаний, вызовов и поиска свершения в новой исторической реальности, в которой оказался и мир в целом, и Россия в эпоху глобализации.

Вектор развития всемирной истории в XXI столетии явно устремился в Арктику. Безусловно, взрывной интерес к Арктике определяется ее фантастическими энергоресурсами, запасами пресной воды и маршрутами трансконтинентальных перевозок.

По этой причине, опираясь на Конвенцию ООН по морскому праву (1982 г.), ведутся споры о делимитации (разделении) морских пространств и шельфов. Территориальные проблемы в этом регионе нарастают и становятся одними из самых острых вопросов в международных отношениях. Арктическая зона России — крупнейшая в мире и является органической частью государства. Поэтому в документах, намечающих стратегию развития Арктической зоны РФ [1], обозначена директива, имеющая разнонаправленное перспек-

тивное развитие, включающее не только экономические и военно-стратегические приоритеты, но и гуманитарные, а они немислимы без опыта, накопленного культурами народов Севера. Поэтому в документах РФ и выступлениях президента страны особое внимание уделяется «богатству культур народов Севера». И коренные народы ныне активно участвуют в формировании перспективного развития Арктической зоны, обретающей возрастающее значение для человеческой цивилизации.

Иновационные сценарии развития Арктики: встреча цивилизационных проектов

Обсуждая перспективы иновационного и одновременно устойчивого развития Арктики, мы сосредоточим внимание на одном из аспектов, который авторами концепции «Арктическая циркумполярная цивилизация» не упускается из поля внимания, но все же остается несколько в стороне. Следует сказать, что устойчивое развитие, которое охватывает социальные, экологические и экономические измерения [2, с. 128], требует обсуждения не только иновационных процессов (научно-технических, технологических, экономических и прочих «материальных», «внешних» измерений), но и мировоззренческих. Именно метафизические параметры невидимо стоят за всеми измерениями (социальными, экологическими, экономическими) и являются определяющими для этих сфер как в познании, так и в практической деятельности. В то же время именно эти нематериальные измерения в иновационном развитии в целом и в Арктике в частности являются весьма малоисследованными. На них мы сосредоточим основное внимание и будем обсуждать, как такая проблематика видится с точки зрения философии и типологии культур (цивилизаций).

Несколько схематизируя, можно сказать, что иновационные процессы в Арктике предполагают встречу и взаимодействие двух цивилизационных проектов — двух фундаментальных проектов с разными метафизическими характеристиками. Это мировидение коренных народов Арктики, сохраняющее много черт мифологического сознания, и принципиально иной метафизический проект,

стоящий за формами научно-технической цивилизации. Иными словами — инновационные сценарии развития Арктики будут оказывать воздействие на ментальные структуры коренных народов с очень активными компонентами мифологического сознания. Фундаментальные отличия этих глубинных проектов предвещают, что инновационные процессы не будут простым сочетанием разных цивилизационных форм. Поэтому важно выявить внутренние координаты этих проектов, их разные метафизические характеристики.

Необходимость выявить эти метафизические характеристики вызвана тем, что инновационные проекты (принимаемые цивилизационные формы) в неявном виде несут параметры другого мировоззрения — принципиально другого метафизического проекта, который исподволь оказывает влияние на глубинные ментальные структуры принимающей культуры и, соответственно, неизбежно приводит к социокультурным эффектам. Чтобы иметь возможность исследовать эти трансформирующие процессы, необходимо понимать метафизические параметры, стоящие за принимаемыми формами, и иметь представления о внутренних механизмах, протекающих в ментальных структурах принимающей культуры. Ибо за любыми материальными формами стоят метафизические системы координат, в которых порождается та или другая форма человеческой деятельности. Таким образом, речь идет об уровне метафизики культуры, который следует иметь в виду, изучая проникновение форм одной цивилизации в другую.

Как известно, вопросы метафизики описывают фундаментальные установки человека — осознание им своего места среди всего сущего. Соответственно этому формируется и «образ природы» в ментальности культуры, а в философской мысли, которая есть форма самосознания культуры, конкретным содержанием наполняются основные понятия: пространства, времени, материи, движения, причинности. Эти фундаментальные установки определяют систему координат мировидения культуры. А мировидение как система координат, в свою очередь, определяет формирующиеся системы знания и научные программы. Как известно, в философии познания и философии науки познание начинается вовсе не с дискурсивных

форм. Ему предшествует образ мира: мировидение культуры конвертируется в научные программы, в которых, в свою очередь, складываются конкретные концепции. Таким образом, сложившиеся в мировоззрении представления, конвертированные в фундаментальные понятия, пронизывают все без исключения формы культуры, не исключая научного познания и основанного на нем технического развития. Эти невидимые координаты мировоззрения культуры сохраняются во всех формах человеческой деятельности. Соответственно, их несут все опредмеченные формы человеческой деятельности в любых областях (в научной мысли, искусстве, хозяйственной деятельности, социальных формах сосуществования, обычаях и повседневной жизни). Это относится и к современной технической цивилизации в целом, и к отдельным ее формам, которые распространились по всему универсуму культур и были приняты многими цивилизациями. Их инкорпорация в другие культур-цивилизационные проекты не лишает их «родовых» метафизических параметров. Как известно, технические, технологические формы были созданы на основе феномена науки, сформировавшейся в мировоззрении западной цивилизации. И воспринимающие эти формы западной цивилизации другие цивилизации не могут избежать их определенного воздействия на свои глубинные структуры. Поэтому кратко остановимся на фундаментальных основаниях их породившего мировоззрения.

Если говорить о метафизическом проекте, породившем западную науку и сформировавшуюся на ней техническую цивилизацию, то, в отличие от качественного видения природы, ее сакрализации, которую сохраняют коренные народы Арктики, техническая цивилизация относится к миру как объективной реальности и описывает его количественными характеристиками. Фундаментальные основания такого мировоззрения складывались на ренессансном антропоцентризме, в эпоху, которая намеревалась возродить античную традицию. Но обращение к античности осталось внешним. Только лаконично отметим широкоизвестные представления древних. Согласно древнегреческому космоцентризму, мир представлялся как живой организм и гармонический космос, в котором каждая вещь обладает самостоянием, собственной природой (фюзис) и занимает свое

метафизическое место. В греческом космоцентризме культура (пайдея) мыслилась как соответствие человека этому прекрасному строению космоса. Возрождение, как известно, этих представлений не возродило. Отличия между Античностью и Возрождением как типами культур оказались колоссальными. Именно в эпоху Возрождения впервые фиксируется противопоставление природы и культуры как двух разных субстанций, а отсюда проистекает картезианское разделение мыслящей и протяженной субстанций (*res cogitans* и *res extensa*), кантовское разделение на метафизику природы и метафизику духа. В результате целостность мира и целостность знания станет серьезной философской проблемой.

Научная революция Нового времени, как известно, радикально изменила сам характер познания. Начиная с Ф. Бэкона и Р. Декарта, в новоевропейской философии возобладал практический разум. «Знание — сила» — этот тезис Бэкона раскрыл сущностный характер новоевропейского разума, наделенного волей и притязающего на получение такого знания, которое способно умножать его могущество. Не случайно с XVII столетия до наших дней познание развивается под лозунгом «свободы разума», а попытки И. Канта указать на границы «чистого разума» в современном мире остаются невоспринятыми. Наука Нового времени поставила перед собой цель: не созерцать порядок бытия, а покорить природу, «вырвать ее секреты» и поставить на службу. Такая установка по отношению к природе превратила ее в объект (объективную реальность). Эта установка остается господствующей и ныне. Поэтому сегодня мы говорим о «природных ресурсах», мысля природу как некий склад «сырья». Наш язык выдает наши фундаментальные установки по отношению к бытию, истоки которого — антропоцентризм и метафизика практического разума.

Наука Нового времени складывается как *mathesis universalis*. В науке Галилея и Декарта проектирующий разум требует лишить все сущее собственного самостояния. Познание строится на субъектно-объектной оппозиции, которой не знала античная форма знания, созерцающая строение космоса. В науке Нового времени природа де-мифологизируется. Она воспринимается как целое, но эта целостность системна — единство механизма. Чтобы лишить вещи их

собственной природы, самостояния — вводится галилеевское разделение на «первичные» и «вторичные» качества. Качественные характеристики элиминируются как несущественные. Остаются количественные характеристики, что открывает возможность упаковать знание в математическую формулу и подготовить к техническому использованию.

Эти произошедшие изменения как результат мировоззрения открывают возможность для формирования принципиально нового типа организации хозяйственной деятельности. Возникает и развивается индустриальное производство и капиталистическая экономика. Меняется организация и структура социума. Наука, техника, формы хозяйственной деятельности, экономика, социальная, политическая реальность — все эти формы культуры родственны, и они основаны на антропоцентризме. Господство субъекта в Новое время: от метафизики Р. Декарта протягивается внутренняя связь к философии Ф. Ницше, в которой антропоцентризм переосмысливается в метафизику воли [3]. Мир воспринимается как политико-экономическая реальность, которая определяет не только внешние обстоятельства человеческой жизни, но и внутренний характер его бытия. В философии Ницше раскрывается метафизика воли и смысл свободного полагания ценностей — ради увеличения власти и не только над природой, но и над человеком и историей. Это и происходит в последние десятилетия XX века. Идея глобализации раскрывает свою суть в попытке реализовать власть над историей и культурой.

Если говорить об инновационно-прорывных сценариях развития Арктики (даже безотносительно к политическим реалиям), то, нам представляется, следует говорить о встрече разных мировоззрений и о вопросах более глубокой интеграции коренных народов в общемировые цивилизационные процессы. Что они собой представляют и как они осмысляются? И в какой мере процессы взаимодействия этих разных проектов можно считать амбивалентными?

Общая динамика всемирной истории — тема, которая обсуждается в самых разных аспектах, к тому же мыслителями, принадлежащими к разным философским и методологическим традициям. Спектр подходов и точек зрения столь широк, что его обсуждать

вряд ли продуктивно в нашем случае. Поэтому, минуя представление контекста, обратимся непосредственно к исследованиям, представляющим особый интерес в связи с обсуждаемой нами проблематикой — соотношения рационального проекта с ментальностью, сохраняющей мифологические элементы. В таком аспекте, с нашей точки зрения, особого внимания заслуживает концепция К. Ясперса, изложенная им в фундаментальной работе «Смысл и назначение истории».

Логика всемирной истории: борьба рационального против мифологического

Любое структурирование всемирной истории, как известно, является условным. Это всегда идеализация, которая предпринимается исходя из определенных целей познания. Ясперс это прекрасно понимал: «Попытка структурировать историю, делить ее на ряд периодов всегда ведет к грубым упрощениям, однако упрощения могут служить стрелками, указывающими на существенные моменты» [4, с. 52].

Выявляя логику глубинных ментальных трансформаций в динамике истории человечества, особое внимание Ясперс обратил на два поворотных момента, которые имели место в истории человечества. Первый момент — смена мифологического проекта мироздания культуры рациональным. Ясперс выявил эту общую логику в формировании основных векторов цивилизационного развития всемирной истории и выделил три ступени трансформации мифологического сознания в масштабе всемирной истории. Первые общества, которые перешли от мифологического сознания к философскому мировосприятию — это три цивилизации: Европа (с ее поляризацией Востока и Запада), Китай и Индия. Они, согласно Ясперсу, и стали тремя центрами «духовного излучения». Это свершилось примерно 500 лет до нашей эры и было самым резким поворотом во всемирной истории. Новому духовному миру соответствовало определенное социальное устройство. Началось то, что К. Ясперс называл «осевым временем», в котором «древние культуры продолжали существовать лишь в тех своих элементах, которые вошли в осевое

время, восприняты новым началом» [4, с. 37]. Разработав совершенно новую форму «упаковки» опыта, обеспечивающую и значительно больший объем его накопления, и гораздо более эффективные способы распространения, эти три цивилизации определили магистральные направления мировой истории. Все остальные культуры и цивилизации, согласно немецкому мыслителю, либо вошли в соприкосновение с каким-либо из этих трех центров и пошли по открытым ими путям, либо остановились в своем развитии или исчезли с исторической арены [4, с. 38]. Мифологической эпохе с ее спокойной устойчивостью, по мысли Ясперса, пришел конец. Эта мысль заслуживает того, чтобы привести ее целиком: «Началась борьба рациональности и рационально проверенного опыта против мифа (логоса против мифа), затем борьба за трансцендентного Бога, против демонов, которых нет, и вызванная этическим возмущением борьба против ложных образов Бога. Божество неизмеримо возвысилось посредством усиления этической стороны религии. Миф же стал материалом для языка, который теперь уже выражал не его исконное содержание, а нечто совсем иное, превратив его в символ. В ходе этого изменения (по существу тоже мифотворческого), в момент, когда миф как таковой уничтожался, шло преобразование мифов, постижение их на большой глубине. Древний мифический мир отступал, сохраняя, однако, благодаря фактической вере в него народных масс свое значение в качестве некоего фона, и впоследствии мог вновь одерживать победы в обширных сферах сознания» [4, с. 33—34]. Так, на третьей ступени свершился переход от мифологического мышления — архаического способа «упаковки» опыта — к философскому мышлению, а в мировой истории возобладало дивергентное развитие цивилизаций: каждая из трех культур совершила самостоятельный переход «от мифа к логосу» (характер расхождений цивилизационных стратегий определялся спецификой разных образов мира, которые формировались при переходе от мифологического к метафизическому способу построения мировоззренческих конструкций).

Немецкий мыслитель обратил внимание на тот факт, что «осевое время, принятое за отправную точку, определяет вопросы и масштабы, прилагаемые ко всему предшествующему и последующему раз-

виту. Предшествующие ему великие культуры древности теряют свою специфику. Народы, которые были их носителями, становятся для нас неразличимыми по мере того, как они примыкают к движению осевого времени. Доисторические народы остаются доисторическими вплоть до того времени, пока они не растворяются в историческом развитии, идущем от осевого времени; в противном случае они вымирают. Осевое время ассимилирует все остальное. Если отпавляться от него, то мировая история обретает структуру и единство, способные сохраниться во времени, и, во всяком случае, сохранившиеся до сего дня» [4, с. 38—39].

Второй поворотный момент в масштабах всеобщей истории человечества — появление в XX столетии нового фактора в динамике цивилизационных процессов: на развитие разных цивилизаций особое и возрастающее влияние начала оказывать западная цивилизация в силу проникновения ее научно-технических форм. Наука и техника стали основой для формирования нового уровня интегрированности истории человечества и привели к качественным изменениям во всех основных, до XX века относительно изолированных, векторах цивилизационного развития. Наступила научно-техническая эпоха развития во всем мире. И Ясперс обращает внимание на противоположные тенденции, которые проявляют себя на третьей и четвертой ступени (эпохи). Если на третьей ступени преобладают дивергентные процессы, то на четвертой — конвергентные, которые задают единые измерения миру человечества. Эти процессы, согласно Ясперсу, формируют новую основу схемы мировой истории. Подлинное единство всемирной истории обретает фундамент только на четвертой ступени — в «век науки и техники», которые становятся всемирными [4, с. 55]. Это новое свершение духовного и материального характера. Благодаря тому, что западная наука и техника перенимается — мир становится единой сферой общения, который, несмотря на борьбу и раздробленность, настойчиво движется в сторону интегративной истории. Западные формы науки и техники дали общий знаменатель мировой истории. Ясперс правильно подметил: до этого времени единство всемирной истории, о которой писали историки и философы, было больше теоретической идеей, концептом, чем реальностью. Всемирная история представ-

ляла собой конгломерат локальных историй — локальных цивилизаций, связанных между собой более или менее тесными контактами, но все же обладающих принципиально разными образами мира. Всемирная история как общая судьба всего человечества, можно сказать, сейчас действительно обрела единый фундамент [4, с. 52]. Человечество изменилось качественно: оно реально и действительно стало единым.

Эти два поворотные момента всемирной истории являются только внешней стороной концепции Ясперса. Внутренней направленностью интереса Ясперса была проблема разума и экзистенции, переосмысленная позднее в понятие философской веры. Свою задачу он видел в раскрытии единства разума и экзистенции. Это следует иметь в виду, чтобы не упростить мысль Ясперса, не разобрать его философские тексты на цитаты, а понимать, что хотел сказать мыслитель всей своей концепцией философии истории. Показывая взаимосвязь этих двух понятий концепции Ясперса — разума и экзистенции (философской веры) — П. П. Гайденко приводит высказывание самого Ясперса о том, что он хотел «воспрепятствовать удобному и ничего не говорящему пониманию истории как постижимого и необходимого поступательного развития человечества и оставить место для новых познавательных подходов. Удивление перед тайной само является плодотворным познавательным актом и источником дальнейшего исследования» [5, с. 40]. Исследователь обращает внимание на критику Ясперсом просветительского представления о неограниченных возможностях человеческого разума — «представления, породившего самоуверенность человека-завоевателя, опасную и для природы, и для него самого, ведущую к трагическим последствиям при попытках перестроить согласно рационалистическим схемам как природу, так и историю» [6, с. 24].

К вопросу единства разума и экзистенции Ясперс обратился уже в своей работе «Разум и экзистенция» [7], а позднее пришел к понятию «философская вера», которое раскрывало характер связи экзистенции и трансценденции. Если мы не обратим внимания на это внутреннее ядро мысли Ясперса, то для нас останется закрытым и его видение всемирной истории, и ее структурирование, наконец, идея Ясперса об «экзистенциальной коммуникации» как всемирно

исторической задачи во имя решения глобальных проблем человечества и возможности избежать масштабных антропологических, атомных и экологических катастроф, которые мыслитель старался предупредить.

Следует отметить, что понятие экзистенциальной коммуникации у Ясперса претерпело определенную эволюцию: от первоначального ее понимания в личностном плане до перерастания ее в общечеловеческий, до ее истолкования как всемирно-исторической задачи.

Экзистенцию в личностном плане Ясперс раскрывает через пересечение двух вопросов: индивида, распадающегося на функции, и его экзистенцию. Эти два важнейшие измерения современного человеческого бытия стали сложной и неразрешимой проблемой ментальности современного человека, порождающей самые разные кризисы современности.

Внутреннюю позицию человека в этом техническом мире Ясперс называет деловитостью. Все существующее направлено в сторону управляемости и правильного устройства. В повседневном поведении на первый план выступает соответствие правилам, что создает все поглощающую типизацию. «Индивид распадается на функции. Быть означает быть в деле; там, где ощущалась бы личность, деловитость была бы нарушена» [4, с. 309]. Ясперс показывает, как разложенное на функции существование человека теряет свою историческую особенность. «Поскольку общая деловитость требует простоты, понятной каждому, она ведет к единым проявлениям человеческого поведения во всем мире». /.../ «Превращая отдельных людей в функции, огромный аппарат обеспечения существования изымает их из субстанциального содержания жизни, которые прежде в качестве традиции влияло на людей. Систему образует аппарат, в котором людей переставляют по своему желанию с одного места на другое, а не историческая субстанция, которую они заполняют своим индивидуальным бытием. Все большее число людей ведет это оторванное от целого существование. Разбрасываемые по разным местам, затем безработные, они представляют собой лишь голое существование и не занимают больше определенного места в рамках целого» [4, с. 310]. Ясперс выявляет ситуацию человека в мире, обращая вни-

мание на то, что объективированный, оторванный от своих корней человек утратил самое существенное: «Для него ни в чем не сквозит присутствие подлинного бытия. В удовольствии и неудовольствии, в напряжении и утомлении он выражает себя лишь как определенная функция. Живя со дня на день, он видит цель, выходящую за пределы сиюминутного выполнения работы, только в том, чтобы занять по возможности хорошее место в аппарате. Масса остающихся на своих местах отделяется от меньшинства бесцеремонно пробивающихся вперед. Первые пассивно пребывают, вторые изматываются, напрягая последние силы» [4, с. 311]. Сама бюрократия — тоже превращается в аппарат.

Выявляя «технический порядок существования для обеспечения масс», Ясперс обращает внимание и на другую важную в его концепции сторону — экзистенцию: «Человек не может быть человеком, если он оторван от своей почвы, лишен осознанной истории, продолжительности своего существования. Универсальный порядок существования превратил бы существование действительного, живущего в своем мире человека просто в функцию». /.../ «Однако человек как отдельный индивид никогда не растворяется полностью в порядке существования, которое оставляет ему бытие только как функцию, необходимую для сохранения целого. Он может, правда, жить в аппарате благодаря тысячам связей, от которых он зависит и внутри которых он действует; но поскольку он там в своей заменяемости столь безразличен, будто он вообще ничто, он восстает, если уже ни в каком смысле не может быть самим собой» [4, с. 323].

С переосмыслением экзистенции (от ее понимания в личностном плане в общечеловеческий план) и установкой понимать ее как всемирно-историческую задачу вопрос об экзистенциальной коммуникации превращает ее в вопрос о философской вере. Ясперс полагает, что единение людей бывает наиболее глубоким и гуманным лишь в том случае, если оно основано на незнании: люди объединены вокруг трансцендентальной тайны, последнего незнания, исполнены смирения и удивления, а не фанатизма и самоуверенности. Философская вера не уничтожает границ разных мировидений культур. Поэтому проблема разума и экзистенции всегда является

проблемой всеобщего и единичного, универсального и уникального. И думая о возможности коммуникации разных типов культур, народов и религий, Ясперс ставит вопрос и обращается к истории, пытаясь отыскать общую основу для такой ультрасложной задачи, как «экзистенциальная коммуникация» во всемирно-историческом (общечеловеческом) плане. Исходя из этого он и выделяет этапы всемирной истории: найти общий знаменатель для коммуникации, а не фиксировать некие внешние характеристики научно-технического развития, социальных, экономических форм. Условием общечеловеческой коммуникации для Ясперса является «осевая эпоха». Но если в ней гипертрофически возобладает разум и человечество отречется от веры в общность высших духовных ценностей, то возможность общения и взаимопонимания обернется мировой катастрофой. «Вот почему, обращаясь к трем основным наукам о человеке — социологии, психологии и антропологии, — Ясперс указывает на возможную опасность там, где они, опираясь на рационалистический тезис о безграничных возможностях человеческого познания, строят теории, претендующие на то, чтобы быть руководством в практической жизни, пренебрегая при этом исторической традицией, нравственно-религиозными установлениями и представлениями прошлых поколений» [6, с. 25].

Поднятые Ясперсом проблемы разума и экзистенциальной коммуникации во всемирно-историческом плане, основанной на философской вере, в современном интегрированном на новом уровне мире обретают еще более напряженное звучание. Современный мир вступил в стадию глобальных кризисов и катастроф. Западная экстенсивная модель цивилизационного развития, ставшая во второй половине XX века всемирной, сегодня проявляет кризисные черты в самых разных сферах: возрастающий дефицит природных ресурсов в сочетании с растущим народонаселением и растущими потребностями населения, проблемы экологии и климата, связанные с техногенной трансформацией природной среды. Кризисные черты ныне упорно проявляет и мировая капиталистическая система. Рассматривая капитализм в его историческом развитии, И. Валлерстайн приходит к выводу, что все известные источники роста ныне уже мобилизованы [8]. Глобальное расширение капи-

тализма, интеграция всего мира в одну миро-экономику является уже завершающей стадией его существования. Кризис капитализма как миро-системы порождает кризисные явления и в современной глобальной политике. Однако турбулентность во всех сферах современного мира — только внешние признаки более глубоких проблем, достигающих фундаментального измерения современной цивилизации. Они сигнализируют о том, что человечество в планетарном масштабе нуждается в гармонизации разных сфер жизнедеятельности. Этим продиктована необходимость новой доктрины устойчивого развития.

Экзистенциальная коммуникация как всемирно-историческая задача, как путь и возможность найти решение этих проблем в наше время как никогда актуальна. Но современные кризисы проявляются не только в соотношении природы и цивилизации. Кризисом коммуникации охвачен сегодня и универсум культур. Наука и техника как основа интегрированной на новом уровне всемирной истории человечества не в состоянии разрешить вопросы коммуникации, когда философская вера как основа межкультурной коммуникации уходит из пространства межкультурных контактов. Несмотря на возрастающую степень интегрированности мира в научно-техническом плане, в универсуме культур усиливаются тенденции дивергенции, до замыкания на себе и отказа от коммуникации. Необходимо, наконец, признать, что этому в немалой степени способствует и истолкование сущности культуры как опредмеченных форм человеческой деятельности, выталкивая такие ее смыслы, как образование внутреннего человека (и соответственно бытийного горизонта культуры). Следует отметить, что такое деятельностное истолкование культуры, впервые обозначившееся в эпоху Ренессанса, все более утверждается и ныне является гипертрофированно господствующей как в российской культурологии, так и в зарубежных *cultural studies*. Понимание культуры как опредмеченных форм человеческой деятельности в сочетании с унификацией повседневных форм жизнедеятельности в немалой степени способствуют формированию опасной тенденции: теряется интерес к уникальности (бытийного горизонта) культур и потребность в экзистенциальной коммуникации, на которой был сосредоточен исследовательский интерес Ясперса.

Современная межкультурная коммуникация преимущественно сводится к вопросам прагматического характера.

Представляется, что перед исследователями ныне стоит задача вернуться к тому глубокому истолкованию сущности культуры как органических сил, которое имело место в немецком Просвещении и традиции классического органицизма. Культура как органические силы, как метафизический взгляд (бытийный горизонт): только на этом основании можно снова поставить вопрос Ясперса об экзистенциальной коммуникации и диалоге культур во всемирно-историческом масштабе. И это имеет важнейшее значение для современных вопросов познания и проблемы истины. Ибо, как известно еще со времен И. Г. Гердера и В. Гумбольдта, в философии культуры диалог воспринимался как способ выйти за пределы субъективности бытийного горизонта всякой уникальной культуры, которая неизбежно ограничена, и тем самым приблизиться к истине. Поэтому диалог был сопряжен с философской типологией культур, направленной на выражение культуры как некоего уникального субъекта истории, способного к полному развертыванию всех своих смысловых потенций. В экзистенциальной коммуникации Ясперс по-своему реновировал эти идеи. Идеи диалога культур в XX веке в разных аспектах развивали не только Ясперс, но также М. Бахтин, Ю. Лотман, В. Библер и другие. Сегодня очевидно, что экзистенциальный диалог может разворачиваться и как прямой контакт, и как вневременная встреча с культурами, уже завершившими свое историческое существование. Но смыслы их могут участвовать в мыслительных ходах новых культур, как предъявляя им контраргументы, так и предлагая эвристические импульсы.

Проблема истины и диалог: Языковые уровни описания реальности

Как известно, со времен И. Канта общим местом в философских рассуждениях является тезис о том, что непосредственной реальности нет, что мир воспринимается и познается в формах трансцендентальной субъективности. Вопросы трансцендентальной субъективности обсуждаются во всей послекантовской философии, а мысль

движется к тому, чтобы после трехсот лет попыток очистить разум от всего субъективного и исторического, в разных школах и направлениях философской мысли разум начинают истолковывать как интенциональный, контекстуальный, ситуативный, исторический. В свете этих гносеологических идей открывается новая перспектива, в которой меняется не только статус познающего субъекта в структуре философского знания, но и статус культуры. Идея диалога культур все больше обращает на себя внимание. Однако этого еще недостаточно, чтобы философия культуры на законных основаниях вошла в пространство философии познания. Именно в этом аспекте особое внимание на себя обращают проблемы бытийного горизонта культуры, диалога и истины.

Диалог как метод философствования, известный со времен Сократа, в XX веке обретает особую значимость. В связи с философскими вопросами познания к нему обращались разные мыслители, полагая, что он есть единственный адекватный метод, позволяющий максимально приблизиться к истине. При этом одна общая черта присуща разным философским концепциям диалога в XX веке: они исходят из представления о том, что истина не предшествует диалогу, она есть его результат в том смысле, что диалог есть основной способ и метод порождения смыслов. Философия диалога (М. Бахтин, М. Бубер) полемизирует с европейской традицией мышления Нового времени, с присущей ему субъектно-объектной оппозицией. Она предлагает подход, который исходит из субъектно-субъектных связей. Вводится отношение «Я-Ты», в которой субъект предстает как (культурно-наполненный), а не как чистая трансцендентальная субъективность, хотя бы и в гуссерлевском феноменологическом смысле. В этом смысле Э. Левинас критиковал методологический солипсизм Э. Гуссерля, полагая, что трансцендентальное эго, лишённое отношения к Другому, не может существовать как мыслящее «Я».

Некоторые сдвиги в XX веке намечаются и в позитивистском направлении философии познания. Кроме того, что постпозитивизм признает неустрашимость из познания «идолов разума» Ф. Бэкона и «третьего мира» К. Поппера, они обращают внимание на диалогический аспект в научном познании. Коммуникативные нормы научно-

го познания обсуждают К. Поппер и И. Лакатос, а К.-О. Апель, критикуя монологизм языка картезианского гносеологического субъекта и логический позитивизм, который развивал эту традицию, особое внимание обращает на тезис Л. Витгенштейна о невозможности персонального языка науки. Деятельность ученого разворачивается исключительно в коммуникативных практиках.

Исследования диалога принципиально меняло отношение к языкам описания действительности. В наше время, как полагает известный логик и философ С. С. Гусев, уже сложились предпосылки для глубокого сдвига в основаниях наук. Классическое естествознание с его традиционной ориентацией на однозначную, точную представленность объектов изучаемой действительности в языковых конструкциях сегодня уступает место “приближенным” описаниям, которые выявляют разные проекции одной и той же вещи. Многие авторы сегодня обращают внимание на то, что появление противоречий в системе знаний необязательно свидетельствует об ошибочности одного из альтернативных фрагментов. «Нещадно изгоняемые обычно из научных описаний, различные виды противоречий становятся ныне одним из средств построения теоретических моделей. В современной символической логике даже появляются системы, в которых противоречие лишь “блокируется”, но не устраняется полностью (так называемые паранепротиворечивые логики)» [9, с. 258]. Исследователь обращает внимание, что такие системы описания оказываются даже более эвристичными. Противоречивость разных языков описания не говорит о неприемлемости. Наоборот, в конкурирующих моделях описания видится теоретическая реализация разных возможностей, связанных с актуальными и потенциальными формами бытия вещей.

Если противоречия более эвристичны, то в такой перспективе открывается возможность не только сочетания альтернативных научных программ, но также не-научных языков описания реальности и способов описания действительности.

«Реализация поисковой деятельности людей (не обязательно только лишь в сфере познания) допускает использование программ, построенных с помощью различных систем и уровней языка, и если не учитывать данное различие, то их прямое сопостав-

ление может рассматриваться как формальное противоречие. Соображения о необходимости “развести” эмпирические и теоретические описания в общем-то уже не раз высказывались различными авторами. От Канта до Фреге и русского логика Н. Васильева, разработавшего в начале XX века особую “воображаемую” логику, — везде прослеживается идея о важности различения в подходах к оценке истинности “суждений о фактах” и “суждений о суждениях”. Влияние языковых уровней, в рамках которых строится то или иное описание изучаемых явлений, на логическое значение суждений, входящих в структуру подобных описаний, — вполне отчетливо различимо, поскольку выбирая тип языка, исследователь одновременно задает критерии, по которым будет оцениваться вхождение построенных им утверждений в область “истины” или “ложности”» [9, с. 259].

Но разные уровни языкового описания реальности не решают проблемы истины и субъективности. Философия истории Ясперса выявила важнейшую тенденцию всемирной истории: поиск человеком опоры в себе в его взаимосвязи с окружающим миром. Ясперс показал, что человек открыл в себе самом истоки, позволяющие ему противопоставить себя миру, возвыситься над ним и над собой в абстрактной мысли. Ясперс показал также поворотную точку во всемирной истории: формирование общего знаменателя, который закладывается в виде науки и техники. Даже не принимая западной культуры, но приняв западную науку и технику, человечество невольно попадает в плен математического мышления как некоего метафизического принципа структурирования бытия. И пока оно продолжает оставаться в этом плену. На «*mathesis universalis*» как основополагающую науку о мере, порядке и числе, сформулированную впервые в методологических сочинениях Р. Декарта, сегодня опирается неукротимое технологическое развитие, ведущее в конце концов к опасной потере связи цивилизации и природы.

Эта ситуация сложилась не сейчас. Вся история западной метафизики, которую как забвение бытия всего сущего представил М. Хайдеггер, берет исток в философии Платона, в его учении об истине, где впервые обнаруживает себя раздвоение характера истины: как несокрытости и как правильности взгляда [10]. Метафизический

взгляд, идущий за пределы чувственно воспринимаемого бытия, суть антропология. Эпоха Ренессанса, заложившая антропоцентрические основания современности, на этом пути была только одним из решающих поворотов: в эту эпоху впервые фиксируют явное противопоставление природы и культуры, которые все больше начинают осознаваться как разные самостоятельные реальности. В Новое время ренессансный антропоцентризм становится основой научного мировоззрения, которое не только размывает символический универсум культуры, но и посягает на то, чтобы формулами описать все сущее. В философии и науке Нового времени формируются новые представления о природе: она становится объектом, который можно трансформировать исходя из потребностей и нужд. Попытки Канта указать пределы разуму, по существу, не были услышаны не только его оппонентами, но даже продолжателями.

В антропоцентрическом горизонте сознания истина все больше трансформируется в «правильность взгляда», наконец, в современных тенденциях радикального эпистемологического конструктивизма эта тенденция доводится до логического конца: действительность есть лишь конструкция, существующая внутри аутопоэтической системы [11]. В радикальном конструктивизме в эпистемологии проявляется опасная тенденция: истина как таковая перестает интересовать исследователей. И представляется, это не противоречит тем философским концепциям диалога, которые складываются в XX веке.

Ведь если философия диалога исходит из того положения, что истина не предшествует диалогу, а принцип и метод диалога — порождение смыслов, то истина принципиально находится во внутридиалоговом пространстве. И ее легко превратить в договор. В таком диалоге и вопрос об истине бытия всего сущего, и природа оказываются вынесенными за скобки. Такое понимание диалога не исключает даже самые радикальные формы эпистемологического конструктивизма. Тем более тревожны эти тенденции в теории познания, что формы науки и техники Запада с понятием «закона» современного естествознания как праформой мышления, как универсальным принципом формообразования бытия сегодня оказались восприняты практически во всем универсуме культур.

Представляется, что в размышлениях о доктрине (проекте) устойчивого развития современной цивилизации эти моменты заслуживают внимания. Устойчивое развитие не решается силой ума или волей к рациональному планированию. Устойчивое развитие невозможно реализовать фрагментарно (перестройкой в той или иной отдельной формы — экономики, техники или науки). Оно не ограничивается «комплексными», «системными» трансформациями на старом антропоцентрическом фундаменте научного мировоззрения и соответствующей ему картине мира. Видимо, устойчивое развитие предполагает коренную перестройку и затрагивает фундаментальное отношение человека и культуры ко всему природно-сущему. Возможно, этот проект предполагает преодоление ограничений метафизического проекта *mathesis universalis*, а значит, переосмысление как образа природы, так и позиции человека среди сущего.

Но как гармонизировать сегодня коэволюцию цивилизации и природы? И как вернуться к экзистенциальному диалогу во всемирно-историческом измерении? Как вернуть мысль к вопросу об истине бытия всего сущего? Представляется, что дополнительности разных языков описания реальности недостаточно, пока сохраняется математическое мышление как метафизический принцип структурирования бытия, то есть как универсальный принцип формообразования вообще.

Представляется, что ныне важно понять — что ушло из горизонта антропоцентрической мысли Нового времени с его уверенностью в могуществе человеческого ума: «Ничто не кажется мне более нелепым, чем как делают многие, смело спорить о тайнах природы, о влиянии небес на те низшие области, о предсказании грядущих событий и о подобных вещах, никогда, однако, даже не задавшись вопросом о том, достаточно ли человеческого разума, чтобы это раскрыть», — писал Р. Декарт. И не должно казаться утомительным или трудным делом определение границ того ума, который мы осознаем в нас самих, раз мы зачастую не колеблемся выносить суждение даже о тех вещах, которые находятся вне нас и совершенно чужды нам. И не является непомерной задачей, если мы хотим объять мыслью те вещи, содержащиеся в нашей вселен-

ной, с тем, чтобы узнать, каким образом каждая из них подлежит исследованию нашего ума: ведь не может быть ничего столь многочисленного или разрозненного, что нельзя было бы посредством той энумерации, о которой мы говорили, заключить в известные границы и распределить его по нескольким разделам» [12, с. 104]. «*Mathesis universalis*» как основополагающая наука о мере, порядке и числе становится новым духовным средоточием бытия. Когда это средоточие найдено и утвердилось — всякое наличное бытие (событие природы или души) впервые получает свой «истинный смысл». А таким универсальным принципам формообразования, как миф и религия, приходит конец. Но современные кризисы вселяют возрастающее сомнение в силу разума и более внимательно присматриваются к оставшимся нереализованными потенциальным путям цивилизационного развития.

При всей ясности стратегической идеи гармонизации цивилизационного развития и сохранения природной среды, сами фундаментальные основания и содержание стратегии устойчивого развития оставляют немало вопросов. Но вопроса о фундаментальном основании для сопряжения компонентов современного мира, о новых фундаментальных основаниях (координатах) для сборки фрагментов «разлетевшейся» целостности бытия всего сущего языковые уровни описания реальности не решают. Как возможно сегодня снова вернуться к вопросу об истине бытия всего сущего, который не решается на пути эпистемологического и логического сочетания языков описания реальности? Возможно, идея дополнительности должна быть понята шире, то есть не только как эпистемологическая и логическая. Возможно, ее следует понимать как разные универсальные принципы формообразования вообще, которые имели место в другие исторические этапы человеческой цивилизации. И тогда философия культуры, обращающаяся к универсальным принципам формообразования (т. е. проясняющая онтологические структуры бытия), может оказаться продуктивной. С этой точки зрения новоевропейский математический разум с его понятием закона современного естествознания в его глубоком философском смысле (в смысле прототипа мышления) есть только один из таких универсальных принципов формообразования, наряду с более древними — мифом и ре-

лигией, которые, отступая перед напором математического разума, не исчезают бесследно.

Актуальность рационального и актуальность мифологического

На третьем этапе истории человечества, согласно Ясперсу, идет борьба рационального против мифа и формирование первых философских систем в Индии, Китае и в Древней Греции. Одновременно формируются три независимых вектора цивилизационного развития. Однако на четвертом этапе, с распространением во всем универсуме культур науки и техники, возобладала западная модель цивилизационного развития. Она стала всеобщей и отодвинула традиционные модели цивилизационного развития Индии и Китая, которые не исчезли, но, во всяком случае, на время остановились.

Несмотря на то что западная модель цивилизационного развития, казалось бы, сегодня демонстрирует кризисные моменты, пока не задействован эвристический потенциал альтернативной научной программы органицизма, говорить о полной ее исчерпанности, видимо, еще преждевременно. Как известно, внутри антропоцентрического горизонта сознания органицизм складывался в эпоху французского Просвещения с его идеями прогресса разума и совершенствования технического развития цивилизации. Научная программа органицизма, во многом определяемая идеями натурфилософии И. В. Гете, складывалась как альтернатива новоевропейскому рационализму и эмпиризму — картезианской и бэконовской программам очищения разума от всего традиционного, символического и эмоционального. Идеи классического органицизма, как известно, сообщили мощный импульс немецким романтикам, которые обратились к исследованию древних и современных языков, уникальных культур, этнографии и мифологии.

Органицизм как научная программа еще в XIX веке имела последователей в разных областях научного знания, не только в биологии, но и в физике [13], но они не могли конкурировать с научно-технологической эффективностью рационализма, который стал господствующим руслом развития западной цивилизации. Научная программа

органицизма имела последователей и в российской науке еще в XIX столетии: она нашла отклик в русском космизме и органицизме. Это широкое интеллектуальное движение в мысли России XIX—XX веков проявила себя как в естествознании, так и социальной мысли, искусстве и философии [14].

Новая волна интереса к органицизму поднимается в последние десятилетия. Неудержимое технологическое развитие, охватившее планету, и ощущение реальной угрозы апокалиптической катастрофы, достигающее даже массового сознания, все больше актуализирует поиски альтернативных путей развития как за рубежом, так и в России. В российской философской мысли, в том числе философии культуры и культурологии, особенное внимание гетеанству и органицизму в своих работах уделял Ю. Н. Солонин. Он подчеркнул, что сегодня вопрос ставится иначе: речь идет не о конкуренции научных программ, но о необходимости сочетать эвристический потенциал двух методологических традиций, найти способы согласования разных научных языков описания реальности [15]. Однако представляется, что сегодня вопрос не должен ограничиться сочетанием методологического потенциала разных научных программ. Процессы демифологизации и секуляризации сознания, которые интенсивно протекали, начиная с научной революции Нового времени, не привели к полному уничтожению следов этих мировоззрений в сознании. Миф отступил, но не исчез. Он продолжает функционировать в сознании, ментальности и культуре современного человека в своеобразном двуединстве с другими онтологическими структурами. Поэтому в поисках новых путей развития цивилизации новая постановка вопроса о функциональной связи разно-природных онтологических структур сознания (науки и мифа) может оказаться неожиданно интересной областью исследования философии культуры и культурологии.

История исследования и интерпретации функционирования мифа в современной культуре включает в себя ряд интересных авторов и работ (этнографические, филологические, историко-культурологические, психологические, философские). Имея в виду наиболее значимые результаты исследования мифа в связи с рассматриваемой нами темой, мы отметим результаты трех исследователей.

Одной из самых глубоких психологических теорий мифа по сей день остается теория, предложенная в концепции К. Г. Юнга. Мифологические компоненты сознания анализируются не только в контексте культуры, но и в аспекте исторической дифференциации психического. Юнг был тем представителем направления глубинной психологии, который подчеркивал, что и психика, и сам мозг в его структурированности сохраняют пройденный путь исторического становления.

Природу бессознательного, как известно, Юнг понимал иначе, чем З. Фрейд: «Для меня бессознательное является безбрежной исторической сокровищницей» [16, с. 98]. В генетической теории либидо [17] Юнг принципиально сформулировал свое понимание структуры психического и рассматривал историко-культурный аспект либидо. Психическая энергия, согласно Юнгу, проходит дифференциацию в историческом становлении. Он существенно расширяет фрейдовское понятие *libido* и полагает, что при сведении либидо к сексуальности от действительности отнимается не только актуально-индивидуальная сумма *libido*, но также и та масса *libido*, уже дифференцированная и десексуализированная, которая с незапамятных времен обслуживала каждого нормального человека в его функции действительности. Структурированность психического и является результатом исторической дифференциации психической энергии *libido* — человеческое сознание наращивает исторические оболочки подсознания. Слои мозга и структурированность сознания сохраняются, эволюционируют в историческом становлении. Мифологическое не исчезает, оно остается в структурированности мозга. Бессознательное, согласно Юнгу — не вытолкнутые запретные содержания (З. Фрейд), а тот резервуар, «кладезь», из которого в кризисной ситуации «трансцендентальная функция» имеет возможность черпать, чтобы вернуть психическому нарушенное равновесие. Поэтому игнорирование бессознательного приводит к серьезным негативным последствиям.

Мифологическое в цивилизации и культуре — это первый исторический слой «содержательности» архетипического этой культуры. Мифология была самым древним способом обработки архетипических форм. В древнем мифе как самом первом способе шлифова-

ния жутких и спутанных образов человек совершает лишь первые попытки увидеть себя. Но он еще не отделяет себя от «матери-природы». В религии и искусстве он уже ощущает отрыв сознания от животной бессознательности.

Коллективное бессознательное — общее для всего человечества. Юнг подчеркивал это единство, считая, что в конечном счете «есть одна душа, охватывающая всех нас» [18, с. 217]. Бессознательное в истории человечества живет своей жизнью. В нем продолжается работа, начавшаяся много лет тому назад. Архетипы всегда сопровождают человека. Архетипы и символы (которые, как известно, управляют сознанием и миром). Нужно хорошо понимать, что архетип — это другое имя инстинкта у Юнга. Эта идея обнаруживается уже в его работе «Генетическая теория libido». «Психическая энергия вообще» — эта энергия инстинкта.

Архетипы являются источником мифологии, а после — религии и искусства. Инстинкт (архетип) оформляется в символы и образы (или священные, или прекрасные по содержанию), которые берут на себя функции восстановления гармонии.

Но с развитием сознания, с увеличивающимся разрывом (пропастью) и возрастающим напряжением между бессознательным и сознанием, автономность бессознательного никуда не пропадает: оно продолжает действовать. Только адаптация человека к своему внутреннему миру становится все более сложной проблемой и требует все более утонченных способов восстановления гармонии. Полное обособление сознания от бессознательного ведет к утрате равновесия. Если сознание уже не принимает во внимание опыт архетипов, если «трансцендентальная функция» уже не может обеспечить восстановления равновесия, а символическая передача уже невозможна, то бессознательное перестает быть человеку подвластным — оно просто уходит из под контроля. Тогда архетипические образы могут вторгнуться в сознание в самых примитивных формах. И эти вторжения коллективного бессознательного ведут не только к индивидуальным, но и к коллективным психозам.

Автономность бессознательного, которое живет своей жизнью — архетипы «спонтанно возникают в любое время, в любом месте, без какого либо внешнего влияния». И это утверждение, согласно Юнгу,

имеет далеко идущие последствия, ибо «означает, что в каждой душе присутствуют формы, которые, несмотря на свою несознаваемость, являются активно действующими установками, предустанавливающими наши мысли, чувства и действия и постоянно оказывающими на них влияние» [19, с. 216]. При этом Юнг подчеркивал «ошибочность представления о том, что архетип обладает определенным содержанием, архетипы определены не содержательно, а формально, да и то лишь в очень незначительной степени. Изначальный образ определен в отношении своего содержания лишь тогда, когда он становится сознательным и таким образом обогащается фактами сознательного опыта» [19, с. 216]. Таким образом, коллективное бессознательное пусть и общее для всего человечества, но архетипы, подчеркивает Юнг, появляются в виде символов, пропитанных кровью своей культуры. В нем — исторические корни современных символов. Никакие заимствования с Востока европейцам не помогут. Символы культуры всегда пропитаны собственной кровью. И нет иного пути справиться с собственными кризисами, как только вернуться к собственному символическому универсуму.

Все более очевидным становится то, что победить миф рациональностью, как описал Ясперс, вряд ли возможно в принципе. Эта борьба нанесла вполне определенные удары по психическому состоянию западного человека. Миф оказался во многом вытолкнутым в подсознание и в силу того неконтролируемым. Юнг подчеркивал, что наука, взявшая на себя функции жреца и шамана, с ними справляется с трудом. Она занимается в основном идеологией и политикой, но не работает с коллективным бессознательным и длинными периодами истории. В то же время архетипы и образы продолжают оказывать сильнейшее влияние на человека, особенно в ситуации, когда современный социум разлагает бытие человека на функции, превращая его в заменяемую деталь механизма.

В современном рационально организованном опыте о мире с господствующими установками практического разума, упорядочивающими повседневность, миф передвигается в сферу эстетического, в сферу искусства. Однако и искусство в век научного мировоззрения также претерпевает изменения: оно лишается катарсиса и все меньше претендует на раскрытие истины бытия. Все больше оно связы-

вается со сферой вымысла. Не случайно в конце XX века широко распространяется жанр фэнтези как своеобразное бегство от действительности и эстетизация вымысла.

В свете психологической концепции Юнга концепции глобализации, строящие концепты «мира как единого места» и «глобального человеческого состояния» (Р. Робертсон), вряд ли смогут выдержать критику. Человек, его ментальность укоренена в культуре. Человека невозможно вырвать из культуры и истории, а культуру отделить от почвы, на которой она формировалась, без серьезных последствий. Символический универсум культуры определен ее географическими и климатическими условиями. В этом смысле весьма опасным представляется феномен массовой транскультурной миграции. Игнорирующие эти результаты Юнга и ориентированные исключительно на современный срез культуры и конкретно-прагматические задачи, *cultural studies* вряд ли готовы к постановке сложных задач современной цивилизации.

В трансцендентальной традиции философии к истолкованию мифа впервые обращаются Г. В. Ф. Гегель и Ф. В. Й. Шеллинг. Они рассматривают миф не как заблуждение, предрассудок или иллюзию: миф обладает определенным модусом истины. Продолжая трансцендентальную традицию и отталкиваясь от кантовских априорных форм восприятия мира, Э. Кассирер рассматривает миф как одну из символических форм сознания и ставит вопрос об особенностях образования понятий в мифологии. Миф им представлен как духовная оптика, в фокусе которой все сущее структурируется иначе, чем в духовной оптике научного мировоззрения. В этом смысле миф как система форм созерцания и понятий, способная упорядочить многообразие опыта, от науки отличается только характером природной упорядоченности. Мифически-астрологический способ мышления (форма мышления) как универсальный принцип формообразования вообще Кассирер сравнивает с научным мышлением: «По сравнению с идеальностью математических понятий закона и органической формы (научная программа органицизма. — А.-К. З.) мифическо-реалистическое воззрение вынуждено через всю действительность проследивать одну и ту же схему, один и тот же образ бытия» [20, с. 220]. Так задается бытие со своими классами, взаимосвязями и различия-

ми. Подлинное «fundamentum divisionis», как известно во всей после-кантовской философии, заключено не в вещах, а в духе. И Кассирер постоянно подчеркивал, что мир имеет для нас тот образ, который придает ему дух.

Кассирер выявляет проформы математического и мифического мышления и показывает, что базовой проформой мифического мышления является пространство, в то время как базовой проформой математического мышления является время. Причем в силу гомогенности времени в математическом мышлении оно соотносится с понятием чистого числа в отличие от «священного числа» как «великого связующего средства» [21] в мифическом мышлении. «Современная физика “объясняет” пространственное совместное бытие, существование вещей тем, что сводит его в конечном счете к формам и законам движения. Для нее физическое пространство становится силовым пространством, которое строится из взаимопереплетения “силовых линий”. Если там пространство растворяется в силе, то в астрологическом мышлении, наоборот, — сила в пространстве...

В мифическо-астрологическом пространстве. Небо, положение и структура его отдельных частей — это, в сущности, не что иное, как вид вселенского взаимодействия, поскольку взаимосвязь понимается чисто субстанциально и рассматривается лишь как вещно-пространственная. В этом смысле не время, а пространство берется в качестве подлинного символа, “схемы” всякого рода причинности» [21].

В философии символических форм Кассирер показывает становление и структурирование сферы трансцендентальности в истории. В контексте этого замысла он разрабатывает онтологическую структуру мифа и показывает, что в чувственных образах мифа уже содержатся все основания будущего опыта дискурсивного мышления: мифическое восприятие проходят все будущие понятия науки. В этом смысле «критика разума должна стать критикой культуры» [22, с. 17].

Смена мифа религией представляет собой промежуточную фазу в переходе к формам научного знания. Сравнивая религию и миф не по их содержанию, а по форме мысли (форме образования по-

нятий), Кассирер обращает внимание, что характерной особенностью религиозного сознания и образования понятий является то, что их содержание никогда не может быть исчерпывающим образом высказано в наличном составе догм и принципов веры. Символ предполагает метафорическую связь видимого и невидимого. Неразрывность видимого облика и невидимого значения есть точка пересечения двух сфер и лежит в основе всех форм религиозных культов. Требуется активность духа для средневекового постижения символа. В Средние века сверхчувственное бытие Бога воспринималось как несоизмеримое для нашего привычного к чувственности духа, поэтому символ здесь играл важную роль — он вводил в познание божественного [23, с. 71—72]. Именно эти характеристики образования средневекового понятия привлекли внимание И. В. Гете к старопротестантской герменевтике с ее символическим способом познания сверхчувственного бытия, когда он задумался о понятийном выражении идеи целостности. Символ (прообраз) и идея метаморфоза, которые были положены в основу понятия «тип». Гете предложил принципиально иную логику образования понятия — альтернативную аналитико-конstellлирующему способу образования понятия в механистической научной программе. Идею органической формы и качественное мировидение Гете противопоставил математическому подходу к природе в целом. Однако критика *mathesis universalis* как универсального принципа не означала для Гете ни отказа от рационализма как такового, ни отказа от математики. Выступивший против математической физики, он не отрицал продуктивности математики как таковой в познании. Но за ней он признавал только техническую функцию, но не мировоззренческую. По сути, Гете предлагал переосмыслить роль математики в структуре бытия. Именно вопрос о роли и природе математики в структуре бытия известный историк и философ науки А. Койре считал принципиальным водоразделом не только между философскими системами Платона и Аристотеля, но также между платонизмом и аристотелизмом как двумя традициями в истории мысли [24, с. 142].

Важнейшей особенностью становящегося трансцендентализма Кассирера, в отличие от панлогизма Гегеля, является то, что ни

одна символическая форма не преодолевается и не снимается другой. Все они остаются действовать в становящемся интеграле сознания. Миф, религия, наука — это разные направления деятельности духа, порождающие разные образы бытия. Этот результат мысли Кассирера о взаимосвязи всех символических форм в интеграле становящегося сознания может оказаться интересным в исследовании гетерогенности онтологических структур сознания.

Идея Кассирера о взаимосвязанности разных символических функций (форм) в становящемся трансцендентальном опыте сознания по-своему получает продолжение в исследованиях К. Хюбнера, который обращается к мифу и науке в двуединстве культуры [25]. Миф и науку он исследует как онтологические структуры бытия, предпосланные определенному типу опыта. В своем подходе Хюбнер применяет методы и результаты современной философии науки и аналитики к исследованиям мифологии и сосредоточивает исследовательское внимание на систематическом сравнении научных форм мышления и опыта, исследованных в теории науки с опытом и мышлением, который обнаруживается в мифе. Важно отметить, что в исследовании Хюбнера намечается явная тенденция большей культурологической нагруженностью философского исследования.

Хюбнер обращает внимание, что «прошлые мифы не возвращаются в неизменном виде». Поэтому он разводит понятия «миф» и «мифологическое». Миф Хюбнер определяет как первичную систему реальности, как систему мышления и опыта. Миф не является отражением, он реален, как и другие социально-исторические онтологии, к тому же он является первой онтологией в их ряду. В отличие от мифа мифологическое только сознательно и уже неадекватно копирует миф, когда тот отодвигается в подсознательное. Понятие мифологического у Хюбнера связано с понятием архе, которое истолковывается как онтологическая структура, последняя, всякий раз возвращаясь, наполняется новым содержанием.

В центре исследования Хюбнера оказывается сравнение познавательных возможностей науки и мифологии. В этом смысле его подход, метод и результаты, нам представляется, могут оказаться интересными для выявления особенностей «indigenous methodology» ко-

ренных народов. Их эвристический потенциал и возможный вклад в познание по сей день остаются мало проясненными в общем контексте эпистемологии и методологии науки.

Устойчивое развитие и региональные онтологии: спецификация принципов в универсуме культур

Кроме философско-мировоззренческих оснований, общетеоретических и методологических вопросов, в осмыслении устойчивого развития предполагаются вопросы спецификации, связанные с его внедрением в универсум культур, объединяющий самобытные, самоцельные и самоценные исторические образования. Вопросы спецификации предполагают исследования не только ментальности и особенностей культур, но также природно-географических условий, в которых разворачивается жизнедеятельность конкретной культуры. Исследования культурофилософских и теоретических вопросов спецификации тем актуальнее, чем больше проявляются ныне тенденции унификации и нивелирования уникальности культур. Однако отстаивая уникальность культур, мы должны избежать другой крайности — преувеличения духовных факторов в формировании ментальности и недооценки природно-географических условий как ментальность формирующего фактора. Тенденция недооценки биологических и географически-климатических факторов есть результат того же самого ренессансного антропоцентризма, противопоставившего культуру и природу как две самостоятельные сферы с проистекающим отсюда дуализмом наук. Представляется, что эту тенденцию на протяжении последних столетий только подкрепляли научные достижения и прогрессирующее техническое развитие. Технический рывок XX века оказался столь мощным, что позволил человеку выйти из непосредственной связи с природой, амортизировать ее влияние и обеспечить себе такую степень свободы от природных условий, что он начал опасно терять ощущения реальности: человечеству, достигнувшему технического совершенства, грозит другая опасность — превратиться в «замкнутую систему» с неизвестными последствиями [9, с. 368—369]. Намерения, преследуемые доктриной устойчи-

вого развития, — отойти от опасных тенденций, способных привести к необратимым природным катастрофам. Человечество стоит перед задачей — найти гармонические формы коэволюции в природной среде. Поэтому актуализация идей о том, что под воздействием биологических и природно-географических факторов изначально складываются склонности и эмоционально-рациональные силы души человека и формируется символический универсум конкретной культуры, не следует понимать как прямолинейный натуралистический детерминизм.

Влияние природно-климатических условий на склад души и мифологический образ мира, разумеется, отмечал не один автор. Но впервые последовательно продуманную идею тесной взаимосвязи биологических и духовных факторов в философской антропологии и философии культуры мы встречаем в «Идеях к философии истории человечества» И. Г. Гердера, которого мы несправедливо воспринимаем сегодня как классика, оставшегося в истории мысли. Мысль Гердера как «величайшего зодчего мировой истории», по выражению Н. В. Гоголя («Арабески»), нам представляется, является не менее актуальной, чем Ясперса, и в наше время заслуживает особого внимания. Гердер исходил из иных предпосылок и иной постановки вопросов, чем философ-экзистенциалист, который к тому же принадлежал эпохе господства идеи дуализма наук. В основе концепции Гердера лежала идея органической целостности мира. Совместными усилиями Гете и Гердера эта идея была понятийно разработана как основа научной программы органицизма. Отметим, что идея «организма» использовалась не для обозначения определенного класса явлений, а выражала универсальный спекулятивный принцип этой программы, какими бы областями знания исследователи не занимались. Классический органицизм не знал дуализма наук — единые гносеологические принципы применялись в познании всего сущего. Если Гете преимущественно обращался к живой и неживой природе и к биологическим объектам, то Гердер обратился к истории и культурам. И так как идея органической целостности всего сущего была положена в основу этой научной программы, взаимосвязь биологического и духовного принципиально не могла быть

разорвана. Поэтому, обращаясь к философии истории человечества, Гердер начинает строить свой концепт влияния природы, географии, климата на формирование биологической и духовной составляющих человека. В его антропологии и философии культуры биологическое и духовное гармонично сбалансированы. В своей концепции Гердер по-своему воспроизводит непрерывную аристотелевскую лестницу существ, охватывающую неживую и живую природу, поднимающуюся до духа человека и органических сил культуры, пронизывая всю Вселенную единым принципом органической целостности.

Другой важный вопрос в научной программе органицизма, который нельзя упустить, размышляя о вопросе спецификации принципов устойчивого развития, — гетеанская идея типологии. Идея типа и типологического метода выражает квинтэссенцию программы органицизма: видеть прообраз в метаморфозах. Гетеанскую идею типологии Гердер применяет и в структурировании универсума культур, и в исследованиях всемирной истории человечества.

Возвращаясь к современной доктрине устойчивого развития, представляется, что обсуждать вопросы спецификации, что называется в общих чертах невозможно: географические и климатические условия варьируют в самых широких пределах, к тому же наличествуют факторы культурно-исторической уникальности культур. В такой ситуации идеи классического органицизма как интеллектуальный фундамент могут оказаться весьма продуктивными.

Обращаясь к Арктике, следует отметить, что вопрос взаимосвязи цивилизации и природы далеко не во всех культурах сегодня чувствуется с такой напряженностью духа, какая присуща коренным народам этого региона. Экстремальные условия Арктики не способствуют формированию в сознании человека опасной иллюзии независимости от окружающей среды. «Сдвоенный холод» (понятие, активно вводимое в научный оборот У. А. Винокуровой) не позволяет игнорировать связь человека и его среду обитания с такой легкостью, как это имеет место в более мягких климатических условиях. Вписанные в свою природно-климатическую природную среду, коренные народы Арктики по сей день сохраняют свои тра-

диции не в музейных формах, а в быту реальной действительности. Их самобытное мировоззрение пронизывает повседневность. От своего собственного мировосприятия идущий интерес привлекает внимание ученых Арктики и к программе органицизма, в которой идея единства природы, мира человека (культуры) и Вселенной проведена во всех аспектах (онтологическом, гносеологическом и методологическом).

В начале статьи мы обратились к вопросу о неизбежной встрече двух фундаментальных метафизических проектов в инновационной стратегии развития Арктики: мировоззренческом проекте коренных народов (включающем множество мифологических элементов) и метафизическом проекте западной цивилизации, выстроенном на *mathesis universalis*. Но если мы сегодня говорим о возможности и эвристической продуктивности сочетания на разных языках описания реальности (научные программы, воспринимаемые раньше как альтернативные, сегодня мыслятся как дополнительные), то должны определиться с принципиально важным вопросом: какая метафизическая основа будет положена в основание этой дополненности? И какие возможны алгоритмы сочетания? Может ли органицизм — в том классическом виде, который складывался на идеях натурфилософии Гете и философских разработках Гердера (а не в последующем его истолковании в духе дуализма наук и противопоставления природы и свободы) — быть взят за отправную точку устойчивого развития и основу инновационного развития Арктики? Этот ответ будет определять фундаментальный взгляд на все сущее. Если в качестве фундаментальной основы будет принято не количественное, а качественное мировидение, присущее программе органицизма, то математическому будет отведена очень важная, но не мировоззренческая, а техническая роль. Если такое возможно, то народы Арктики могли бы стать образцом такого варианта сочетания научных программ и своеобразным полигоном в проектировании самых перспективных моделей устойчивого развития.

Тем более, что обращает на себя внимание близость идей органицизма и тех представлений о коэволюции культуры и природы, которую сохраняют в своем мировоззрении народы Арктики. Если такой сценарий в принципе возможен, то он, разумеется, предпола-

гает более обстоятельное изучение современного состояния миропроекта, который складывается у народов Арктики.

Вступление этнокультур в «осевое время», вне всякого сомнения, трансформирует мифологическое мировосприятие. Древний миф как универсальный способ формообразования уже не является базовой структурой современного сознания. Процессы демифологизации миропроекта (мифологического сознания) запускаются с момента включения в развитие всемирной истории. Эти процессы идут постепенно, но не меняя направления исторического вектора. Мифологическое в эпоху рационального существует в видоизмененных формах — в виде мифологических компонентов, которые находятся либо в бессознательном и неконтролируемом виде, либо сознании, но уже организованы на другом метафизическом фундаменте. И чем активнее осваиваются формы научно-технической цивилизации коренными культурами, чем интенсивнее они включаются в инновационные сценарии развития, тем глубже их ментальность погружается в мировоззренческий проект западной цивилизации, трансформируя мифологическое мировосприятие.

Разумеется, от мифа не уйти и рациональностью его не победить. Он отступает в бессознательное. И как показали исследования Юнга, его проявления в психике современного человека становятся более сложными, а способы соединения сознательного и бессознательного — все более изощренными. Сохраняющиеся мифологические компоненты организованы уже в другой системе координат, через понятийную сетку которой неизбежно пропускаются и другие формы культуры. Современная культура представляет собой симбиоз или, как выразился Хьюбнер, двуединство науки и мифа. Но речь следует вести уже не о мифе как универсальном способе формообразования, задающем видение бытия, но о мифологическом, как его определял Хьюбнер.

В историческом движении мифологическое не является застывшей структурой: «Прошлые мифы не возвращаются в неизменном виде» (Хьюбнер). Проникновение научно-технических форм заметно трансформирует уклад жизни коренных народов. Эти формы безусловно влияют на ментальные структуры, продолжая трансформиро-

вать мифологические образы мирозерцания. Но мифологические компоненты остаются живыми и несут важнейшую информацию о мире. Они непрестанно функционируют в ментальности современных северных народов, проявляясь в искусстве и повседневности, традиционной культуре.

Следует сказать, что в направлении на укрепление мифологического мировоззрения в культуре работает культурологическая мысль, которая в понятийной форме воссоздает своеобразную неомифологию холода. В работах У. А. Винокуровой мы видим, как развивается система понятий, охватывающая онтологические, гносеологические и методологические аспекты (своеобразный северный космизм, антропологические аспекты — концепция человека криолитозоны, идея коэволюции человека и природы, эпистемологические идеи коренных народов — *indigenous methodology*). Ученый выделяет понятийный остов мировоззрения культуры, который высвечивает актуально-живую проекцию знания о мире человека, проживающего в конкретных природно-географических условиях. Работы Винокуровой ориентированы не только на неомифологический остов культуры. Ученый ставит актуальные, но одновременно и самые сложные вопросы современности: сочетание инновационных сценариев и новой мифологемы холода. Не остается сомнений, что в случае коренных народов Арктики мы имеем образцы культур, сохранивших тесную и органическую связь с природой. Но одновременно эти культуры современные — открытые не только природе, но также и инновационным процессам цивилизационного развития человечества.

Уловить живой, многомерный, неравномерно развивающийся в разных сферах своей жизнедеятельности организм культуры в понятийные сетки еще не удавалось ни одной концепции и ни одной науке. Привнесение их понятийного аппарата, разработанного под те или другие идеи или проблемы, *in vivo* культуры в каждом случае будет предполагать творческую спецификацию общих принципов. Но и это не исчерпает полноты ее жизни. И мы можем только повторять вслед за Гете: об абсолютном в теоретическом смысле я не решаюсь говорить, но кто видит его в явлении — очень выигрывает.

Заключение

Устойчивое развитие человеческой цивилизации предполагает не только поиск гармонизации с природой. Оно предполагает «экзистенциальную коммуникацию» внутри универсума культур, которой сегодня все больше пренебрегают. Нарастающая унификация цивилизационных форм в материальной жизни людей ведет к потере интереса к духовным мирам культур: экзистенциальная коммуникация, понятая Ясперсом как всемирно-историческая задача, редуцируется к прагматическим интересам и непосредственной практической значимости. Вопрос «достигаемости» уникальных миров культур и вовсе перестает быть актуальным. Диалог культур перестает восприниматься как путь и метод поиска истины. В мире как политико-экономической реальности истина проектируется в область прагматического взаимодействия на материальном уровне обеспечения жизни и все больше понимается как договоренность. Это не может не тревожить. Тем более что такой же прикладной характер исследований мира культуры мы видим и в *cultural studies*, которые рассматривают культуры исключительно в их современном срезе.

Философия культуры, исходящая из понимания уникальности культур, принципиально связана с идеей типа и, следовательно, опирается на исторический материал, наработанный культурологами. Безусловно, она стремится достичь понимания универсальных принципов «формообразования» вообще, или иначе — разных онтологических структур бытия. Будучи критической философией, она стремится познать общие базовые направления культуры. Но будущий облик культуры ей не предугадать и не предопределить. Включаясь в проблематику теории познания и философии науки, философия культуры может обеспечить такой ретроспективный взгляд, который позволяет обнаружить, что ушло из горизонта современной мысли и какие потенциальные возможности исторического развития остались незадействованными. Представляется, что это может способствовать преодолению жесткой прямолинейности «рационально-научного» мировоззрения как в мысли, так и в практической деятельности. Пока такие возможности у человечества не потеряны.

Библиографический список

1. Принятые документы и Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечение национальной безопасности на период до 2020 года см.: URL: <http://government.ru/search/?q=стратегия%20развития%20Арктической%20зоны%20российской%20федерации%20до%202020&^ЛШ=29.04.2018&dt.since=7.05.2012&sort=rel&type> (дата обращения: 29.04.2018).
2. Винокурова У. А., Яковец Ю. В. Арктическая циркумполярная цивилизация. Новосибирск, 2016. 320 с.
3. Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С. 63—176.
4. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. 527 с.
5. Jaspers K. Vom Ursprung und Ziel der Geschichte. Zurich. 1949. (Цит. по: Гайденоко П. П. Человек и история в экзистенциальной философии Карла Ясперса // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 24.)
6. Гайденоко П. П. Человек и история в экзистенциальной философии Карла Ясперса // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 5—26.
7. Jaspers K. Vernunft und Existenz. Groningen, 1935.
8. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001. 416 с.
9. Гусев С. С. Смысл возможного. Коннотационная семантика. СПб., 2002. 384 с.
10. Хайдеггер М. Учение Платона об истине // Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С. 345—361.
11. Эти вопросы обсуждаются в книге: Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке / отв. ред. В. А. Лекторский. М., 2009. 368 с.
12. Декарт Р. Сочинения: в 2 т. М., 1989. Т. 1. 654 с.
13. Порус В. Н. Альтернативы научного разума // Вопросы естествознания и техники. 1998. № 4. С. 18—50.
14. Маслбоева О. Д. Российский органицизм и космизм XIX—XX вв.: эволюция и актуальность. М., 2007. 296 с.
15. Солонин Ю. Н. Методологический кризис: его философские основания и перспективы // Забулионите А.-К. И. Типологический таксон культуры. СПб., 2009. С. 5—26.
16. Юнг К. Г. Тэвистокские лекции. Киев, 1995. 228 с.
17. Юнг К. Г. Либи́до, его метаморфозы и символы. СПб., 1994. См. раздел: О понятии и генетической теории либи́до.
18. Юнг К. Г. Проблема души современного человека // Юнг К. Г. Архетип и символ. М., 1991. С. 203—222.
19. Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов. Киев, 1996. 384 с.
20. Кассирер Э. Понятийная форма в мифическом мышлении. Исследования библиотеки Варбурга // Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М., 1998. С. 183—251.

21. Кассирер Э. Основные черты морфологии мифа. Пространство, время и число // Кассирер Э. Философия символических форм. М.; СПб., 2002. Т. 2. С. 99—165.
22. Кассирер Э. Философия символических форм. М., 2002. Т. 1. 272 с.
23. Забулионите А.-К. И. Типологический таксон культуры. СПб., 2009. 279 с.
24. Койре А. Очерки истории философской мысли. М., 1985. 286 с.
25. Хюбнер К. Истина мифа. М., 1996. 448 с.

References

1. *The adopted documents and the Development Strategy of the Arctic Zone of the Russian Federation and national security for the period up to 2020 see:* Available at: [http://government.ru/search/?Q=Strategy% 20 development% 20 Arctic% 20 zone% 20 Russian% 20 Federation% 20 to % 202020 & ^ LH = 04/29/2018 & dt. since = 05/07/2012 & sort = rel & type =](http://government.ru/search/?Q=Strategy%20development%20Arctic%20zone%20Russian%20Federation%20to%202020&^LH=04/29/2018&dt.since=05/07/2012&sort=rel&type=) (accessed 04/29/2018).
2. Vinokurova U. A., Yakovets Yu. V. *Arctic circumpolar civilization*. Novosibirsk, 2016.320 p.
3. Heidegger M. European nihilism. *Time and Being*. Moscow, 1993, pp. 63—176.
4. Jaspers K. *The meaning and purpose of history*. Moscow, 1991, 572 p.
5. Jaspers K. Vom Ursprung und Ziel der Geschichte. Zurich, 1949. (Quoted from: P. Gaidenko. Man and History in the Existential Philosophy of Karl Jaspers. *The Meaning and Purpose of History*. Moscow, 1991, p. 24.)
6. Gaidenko P. P. Man and History in the Existential Philosophy of Karl Jaspers. Jaspers K. *The Meaning and Purpose of History*. Moscow, 1991, pp. 5—26.
7. Jaspers K. *Vernunft und Existenz*. Groningen, 1935.
8. Wallerstein I. *Analysis of world systems and the situation in the modern world*. St. Petersburg, 2001, 416 p.
9. Gusev S. S. *The meaning of the possible. Connotational semantics*. St. Petersburg, 2002, 384 p.
10. Heidegger M. Teaching of Plato about the truth. Heidegger M. *Time and Being*. Moscow, 1993, pp. 345—361.
11. These issues are discussed in the book: A Constructivist Approach in Epistemology and Human Sciences. Ed. V. A. Lektorsky. Moscow, 2009, 368 p.
12. Descartes R. *Compositions* in 2 volumes, vol. 1. Moscow, 1989, 654 p.
13. Porus V. N. Alternatives to the scientific mind. *Questions of natural science and technology*, 1998, no. 4, pp. 18-50.
14. Masloboeva O. D. *Russian organism and cosmism XIX—XX centuries: evolution and relevance*. Moscow, 2007, 296 p.
15. Solonin Yu. N. Methodological crisis: its philosophical foundations and prospects. Zabulionite A. K. I. *Typological taxon of culture*. St. Petersburg, 2009, pp. 5—26.
16. Jung K. G. *Tevistock lectures*. Kiev, 1995, 228 p.
17. Jung K. G. Libido, its metamorphoses and symbols. SPb., 1994. See section: On the concept and genetic theory of libido.

18. Jung K. G. The problem of the soul of modern man . Jung K. G. *Archetype and symbol*. Moscow, 1991, pp. 203-222.
19. Jung K. G. *Soul and myth: six archetypes*. Kiev, 1996, 384 p.
20. Cassirer E. Conceptual form in mythical thinking. Studies of the Warburg Library. Cassirer E. *Favorites. Experience about a person*. Moscow, 1998, pp. 183—251.
21. Cassirer E. The main features of the morphology of myth. Space, time and number. Cassirer E. *Philosophy of symbolic forms*, vol. 2. Moscow; St. Petersburg, 2002, pp. 99—165.
22. Cassirer E. *Philosophy of symbolic forms*, vol. 1. Moscow, 2002, 272 p.
23. Zabulionite A. K. I. *Typological taxon of culture*. SPb., 2009, 279 p.
24. Koyre A. *Essays on the history of philosophical thought*. Moscow, 1985, 286 p.
25. Hübner K. *The Truth of Myth*. Moscow, 1996, 448 p.

В. Н. Томалинцев

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Экстремальные законы и факторы в социокультурном развитии северных территорий

Сегодня все заметнее становится значение экстремальных факторов в процессе социокультурного развития северных территорий. Возникает необходимость социального проектирования с учетом экстремальных принципов, соотносенных с географическими и климатическими условиями, воздействующими на разнообразные формы человеческой активности, особенно в ситуации постоянного возрастания инновационных процессов. Показано, что основой для решения данного круга вопросов становятся исследования в области экстремальных принципов развития и анализ их реализации в целостной структуре жизнедеятельности человека, а также тот категориальный аппарат, который вырабатывается при данном подходе.

Ключевые слова: экстремальность, экстремальные принципы, развитие, культура, творчество, север, география, климат.

V. N. Tomalintsev

St. Petersburg State University, St. Petersburg

Extreme laws and factors in the socio-cultural development of the northern territories

Today, the importance of extreme factors in the process of socio-cultural development of the Northern territories is becoming more and more noticeable. There is a need for social design with account of the extreme principles correlated with geographical and climatic conditions affecting various forms of human activity, especially in a situation of constant growth of innovative processes. It is shown that the basis for solving this range of issues is research in the field of extreme principles of development and analysis of their implementation in the overall structure of human life, as well as the categorical apparatus that is developed in this approach.

Keywords: extremality, extreme principles, development, culture, creativity, North, geography, climate.

Весьма символично, что в 2017 г. Россия, самая большая по территории и северная страна, отметила 385-летний юбилей присоединения Якутии, ставшей наиболее обширной и наиболее холодной составляющей ее частью.

Так из различных, но созвучных культур, складываются самостоятельные цивилизации, из которых впоследствии возникают естественные империи. По мнению Гумилева, подобная интеграция происходит на принципах комплиментарности культур. Он открыто говорил, что «у русских, восточных славян есть комплиментарность с тюрками, уграми и монголами, шире, с народами Востока, «с восточной составляющей», но нет подобной комплиментарности с народами Запада» [1, с. 62].

Естественные, культурные империи оказываются более жизнеспособными в отличие от мировых империй, возникших насильственным, силовым путем, или в результате прямой военной агрессии. «В истории Евразии, — отмечает М. Ж. Жолдасбеков, — периоды разделения сменялись периодами объединения. Это не была еще интеграция в современном смысле, но, тем не менее, мы можем видеть в истории региона обширные периоды своеобразной пространственно-политической интеграции. Вряд ли эти периодические процессы на протяжении двух тысячелетий были случайны» [2, с. 14]. К этому следует добавить слова Гумилева: «Вдумайтесь — триста лет покорного рабства! Согласуется ли это с логикой и российским свободолюбивым характером?.. Да и могло ли быть в принципе объединение земель и народов вокруг Москвы результатом одного лишь захвата и насилия? По всей видимости, нет. Без доброй воли и согласия это невозможно» [3, с. 328]. По словам А. И. Солженицына: «При российской примирительной внутренней политике присоединенные народы занимали свое органическое место в едином государстве, сохраняли свое физическое бытие, природное окружение, религию, культуру, самобытность. И уж ни одна-то народность не была уничтожена, как это знали колониальные империи или Северная Америка» [4, с. 112]. Обращаясь к дискуссии о судьбах Российской империи, развернувшейся в столичной прессе начала XX века, Солженицын выделяет напоминание о том, что «такую империю нельзя было создать одной физической силой, — но и нравственной мощью» [4, с. 130].

Среди причин, определивших самобытность России, оказавших решающее воздействие на самочувствие и самосознание ее народа, необходимо выделить три тесно взаимодействующих фактора — *геополитическое, климатическое и географическое* положение страны. Они определили экстремальный характер существования России, они явились предпосылкой того, что экстремальность российской действительности приобрела перманентный характер. Если американцы утверждают, что «колыт создал Америку», то русские вправе говорить о том, что география и климат сделали Россию.

Исключительность своего геополитического положения Россия ощущала всегда.

На протяжении всей своей истории Россия испытывала сверхжесткое давление со стороны внешней экспансии.

В русской истории были ситуации, когда оборону приходилось держать буквально со всех сторон. Так, в период с XV по XVII век на северо-западе и западе приходилось сдерживать натиск регулярных армий Швеции и Речи Посполитой, а на востоке, юго-востоке и юге отражать набеги татарских орд. В этих условиях Россия могла уповать лишь на сильную централизованную власть, на мобилизацию общих усилий.

Экстремальность геополитического фактора в истории России дополняет фактор чрезвычайных климатических и географических условий. Обращаясь к противникам России, Бисмарк предупреждал: «Это неразрушимое государство русской нации, сильное своим *климатом*, своими *пространствами* (выделено мной. — В. Т.) и ограниченностью потребностей» [5, т. 2, с. 103]. После Аристотеля и Монтескье о влиянии ландшафта и природной среды на психологию этноса подробно писали И. Н. Болтин, П. Н. Савицкий, Л. Н. Гумилев и др.

Как замечает Ф. Ф. Нестеров: «Ни одно западноевропейское государство — за исключением разве что Польши — не вело оборонительных войн в столь неблагоприятных географических условиях, как Россия, равнинный характер которой открывал ее для нашествия со всех сторон» [6, с. 48]. К этому необходимо добавить, что особенности географического положения и климата России состоят в том, что основная масса ее территории сдвинута к северу и ле-

жит между 50 и 70° северной широты. На севере она примыкает к Северному Полярному морю, большую часть года покрытому льдами. Такое положение делает страну сугубо континентальной, со всеми резкостями климата. Значительные территории России охвачены вечной мерзлотой. Южная граница сплошной мерзлоты проходит севернее Архангельска, опускаясь в Сибири ниже широты Якутска. Островное, частичное распространение вечной мерзлоты простирается до Северной Монголии. Достаточно сказать, что в Якутии, величайшей по площади части России, в городе Верхоянске находится так называемый полюс холода, где средняя температура опускается ниже 50°, а максимальный холод порой достигает минус 70°.

Как известно, в таких условиях затруднено не только земледелие, но и строительство, земляные работы. На большей территории России зима длится не менее 5—6 месяцев. При этом на климат России не оказывает влияние Гольфстрим — теплое течение северной части Атлантического океана, значительно смягчающий климат северо-западной Европы. Нередко лютая зима помогала России справляться с интервентами, после чего Россия вновь оставалась с ней один на один.

Благодаря особенностям климатических условий Россия остается зоной рискованного земледелия, зоной энергоемкого производства и значительных теплозатрат. И в мирное время контроль за такими территориями требует от населения огромного напряжения, значительного ресурсопотребления, трудовых затрат. В экстремальных климатических условиях России нередко приходилось поднимать конкурентоспособность своей экономики за счет экстенсивных форм хозяйствования, так было в период петровских реформ, реформ 1861 года, в эпоху индустриализации и т. п.

Нужно отметить, что и сегодня северные районы высокоразвитых стран остаются слабо обжитыми и малозаселенными. Например, в Канаде заселен и освоен главным образом юг страны, часть населения сосредоточена на востоке (долина реки Св. Лаврентия и район Великих озер) и на Западе, где обжита лишь узкая полоса — от 150 до 300 км. Плотность же населения северо-западных территорий составляет 0,005 человек на 1 км². И данные районы обживают преимущественно эмигранты. На севере США численность населения замет-

но сокращается, например в городке Россо (штат Северная Дакота) в начале века (1911 год) насчитывалось 100 жителей, сегодня там осталось... 3 человека. Не случайно фильм американского режиссера Джона Сейлса, рассказывающий о суровой жизни Северной Аляски, назван «Чистилище».

Л. С. Берг в 1922 г. писал: «Географический ландшафт воздействует на организм принудительно, заставляя все особи варьировать в определенном направлении, насколько это допускает организация вида. Тундра, лес, степь, пустыня, горы, водная среда, жизнь на островах и т. д. — все это накладывает особый отпечаток на организм. Те виды, которые не в состоянии приспособиться, должны переселиться в другой географический ландшафт или вымереть» [7, с. 180—181].

В определенной мере снежная стихия закаляет и воспитывает человека. Вместе с тем она на долгие месяцы сковывает его стремления и порывы, притупляет мировосприятие. Под своим покровом снег надолго скрывает не только красоту цветущей жизни, но и многие грехи, безобразия и даже преступления человеческие. По снегу, по льду можно передвигаться на авось, не разбирая ни дорог, ни правил. Не отсюда ли в русском сознании возникли определения «беспутство», «беспутность», «непутевость».

*Занесло тебя снегом, Россия,
Занесло, замело, запружило,
Запружило седю пургой...*

Эти стихи Филарета Чернова легли в основу песни, которая стала гимном русской белой эмиграции. Ее любили исполнять такие певцы, как Надежда Плевицкая, Иза Кремер, Стефан Данилевский, она звучала в исполнении Николая Гедды и всегда воспринималась слушателями как символ трагической судьбы России.

По признанию специалистов, социальное проектирование остро нуждается в надежном знании социальных наук и философии, в разработке социальных критериев и принципов социальной оценки. Явления социальной жизни наравне с общими закономерностями имеют региональные особенности, которые в процессе со-

циального проектирования нельзя игнорировать. «Сегодня, — пишет А. С. Мамзин, — остро встал вопрос о приспособлении человека, его поведении в экстремальных условиях (при выходе в космос, погружении в глубины океана, в условиях резких физических и эмоциональных перегрузок и т. п.» [8, с. 99]. Это имеет прямое отношение и к Арктике, освоением которой заинтересовались сегодня во всем мире.

Для успешной реализации возможностей социального проектирования необходимо создание новой этики — этики технократической эпохи, которая исходила бы из признания объективных законов эволюции природы и общества, с учетом экстремальных принципов развития, сообразных как с географическими, так и климатическими факторами, воздействующими на разнообразные формы человеческой активности, особенно в условиях постоянного возрастания инновационных процессов.

Сегодня в условиях тотальной конкурентной борьбы перед лицом глобальных вызовов и угроз возникает необходимость в новых разработках общенаучных и философско-методологических основ наиболее осознанных, благоразумных, оптимальных культурных форм. Такие формы должны быть противопоставлены процессу грубой, прямолинейной экстремизации потребительского сознания.

В последнее время анализ основных факторов и законов оптимизации, осуществляемый в контексте исследований проблем саморазвития, скрытых механизмов самоорганизации в системе человеческой жизнедеятельности, культуры и творчества выделил самостоятельные области знания — оптимологию [9; 10] и социальную экстремологию [11; 12], призванные рассмотреть проблемы современного человекознания и теории культуры с учётом экстремальных факторов, экстремальных (вариационных или оптимальных) законов и принципов развития. В частности, социальная экстремология обращается к вопросам, обусловленным неуклонным усложнением человеческой деятельности, к вопросам, связанным с жизнедеятельностью человека в экстремальных условиях, закономерностям и противоречивой специфике его поведения, его предельным возможностям и способностям адекватно реализовать всё возрастающие требования окружающей действительности, характеру и спец-

ифическим особенностям экстремальных состояний в самом широком диапазоне.

В основу общей системы теории культуры и теории личности должен быть положен чёткий, ясный, единообразный понятийно-категориальный аппарат. Этому служит консолидация определённых уровней социогуманитарного и естественно-научного знания, что возможно только при наличии фундаментальной, объединяющей теоретико-методологической базы.

Сегодня научной основой для этого становятся исследования в области экстремальных принципов развития и анализ их реализации в целостной структуре жизнедеятельности человека, а также тот категориальный аппарат, который вырабатывается при данном подходе.

Для достойного Ответа на вызовы времени необходимы результаты, выходящие за шкалу имеющихся стандартов. Нужны новые азимуты развития, которые, обеспечивая конкурентоспособность, позволяют сохранить хрупкое равновесие между новацией и традицией, укорененностью национальных устоев и внешним влиянием, что всегда отмечало русскую культуру, определяло ее специфику. И поэтому нет сомнений в том, что многие позитивные элементы исторического опыта России как самостоятельной евразийской цивилизации еще будут востребованы с целью оптимизации траектории магистрального хода социального развития.

Библиографический список

1. Дугин А. Г. Лев Гумилев и идеология евразийства // Учение Л. Н. Гумилева и современность / гл. ред. Л. А. Вербицкая, СПб.: НИИХИМИИ СПбГУ, 2002. С. 58 — 66.
2. Жолдасбеков М. Ж. Евразийский университет и наследие Л. Н. Гумилева // Там же. С. 9—16.
3. Гумилев Л. Н. Думы о России // Там же. С. 326—329.
4. Солженицын А. И. Россия в обвале. М.: Русс. путь, 1998. 203 с.
5. История дипломатии: в 3 т. / сост. В. М. Хвостов и др.; под ред. В. П. Потемкина, М.; Л.: Госполитиздат, 1945. 423 с.
6. Нестеров Ф. Ф. Связь времен. М.: Молодая гвардия, 1984. 239 с.
7. Берг Л. С. Номогенез. Пг.: Гос. издат, 1922. 313 с.
8. Мамзин А. С. Биология в системе культуры. СПб.: Лань, 1998. 160 с.

9. Разумовский О. С. Оптимология. Ч. 1. Общенаучные и философско-методологические основы. Новосибирск: Издательство ИДМИ, 1999. 285 с.
10. Киятина Т. Н., Разумовский О. С. Принципы оптимизации человеческой деятельности. Философско-методологические аспекты. Красноярск: Красноярский государственный торгово-экономический институт, 2004. 264 с.
11. Томалинцев В. Н., Козлов А. А. Введение в социальную экстремологию: учебное пособие. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. 220 с.
12. Томалинцев В. Н. Экстремаль России: Прогноз развития. СПб.: Фонд «Отечество», 2007. 288 с.

References

1. Dugin A. G. Lev Gumilev i ideologiya evraziystva. *Uchenie L. N. Gumileva i sovremennost'. Glav. red. L. A. Verbickaya*, SPb., NIИИИИ SPbGU, 2002, pp. 58—66.
2. Zholdasbekov M. Zh. Evrazijskij universitet i nasledie L. N. Gumileva. *Uchenie L. N. Gumileva i sovremennost'. Glav. red. L. A. Verbickaya*, SPb., NIИИИИ SPbGU, 2002, pp. 9—16.
3. Gumilev L. N. Dumy o Rossii. *Uchenie L. N. Gumileva i sovremennost'. Glav. red. L. A. Verbickaya*, SPb., NIИИИИ SPbGU, 2002, pp. 326—329.
4. Solzhenicyn A. I. *Rossiya v obvale*. Moscow, Russ. Put', 1998, 203 p.
5. *Istoriya diplomatii*. V 3 t. Sost. V. M. Hvostov i dr., pod red. V. P. Potemkina, Moscow; Leningrad, Gospolitizdat, 1945, 423 p.
6. Nesterov F. F. *Svyaz' vremen*. Moscow, Molodaya gvardiya, 1984, 239 p.
7. Berg L. S. *Nomogenez*. Pg., Gos. izdat, 1922, 313 p.
8. Mamzin A. S. *Biologiya v sisteme kul'tury*. SPb., Lan', 1998, 160 p.
9. Razumovskij O. S. *Optimologiya. CH. 1. Obshchenauchnye i filosofsko-metodologicheskie osnovy*. Novosibirsk, Izdatel'stvo IDMI, 1999, 285 p.
10. Kiyutina T. N., Razumovskij O. S. *Principy optimizacii chelovecheskoj deyatel'nosti. Filosofsko-metodologicheskie aspekty*. Krasnoyarsk, Krasnoyarskij gosudarstvennyj torгово-ekonomicheskij institut, 2004, 264 s.
11. Tomalincev V. N., Kozlov A. A. *Vvedenie v social'nyu ekstremologiyu*. SPb., Izdatel'stvo SPbGU, 2005, 220 p.
12. Tomalincev V. N. *Ekstremal' Rossii: Prognoz razvitiya*. SPB., Fond «Otechestvo», 2007, 288 p.

А. Б. Каримова

НИ ИМЭМО РАН им. Е. М. Примакова, Москва

Арктика: «друг ведет себя странно»

В данной статье представлены некоторые результаты наблюдений за происходящими в Арктике изменениями. Для определения специфики автор рассматривает их в контексте глобальных трансформаций, затронувших базовые среды жизненных процессов региона — природной (изменение климата), цивилизационной (расширяющаяся урбанизация и миграция), а также международной (влияние кооперации и переход к новой модели безопасности).

Проанализированы новые явления в Арктическом регионе, вызванные системной сменой модели проецирования компонентов реальной силы моделью распределения компонентов технологической силы. Предположения о том, что изменения арктического климата скорректируют геополитические стратегии, были выдвинуты в начале XXI века. Однако исход геополитического перехода пока неясен. Вместе с тем открытие новых судоходных маршрутов указывает на увеличение военно-стратегического значения региона. В этой связи обозначились новые точки разногласий между циркумполярными, внешними относительно региона акторами и международными институтами, но и наметились контуры общего видения развития Арктического региона.

Опираясь на исторический опыт, авторитет, потенциал и пространственные преимущества ведущей арктической державы, Россия разрабатывает стратегию освоения Арктики, придавая все большее значение социальному фактору.

В сочетании со становящимися все более популярными сценариями пригодности акватория Северного Ледовитого океана для хозяйственной деятельности в представленной статье акцентируется необходимость выявления человеческого измерения. Предложен подход для разработки модели управления, включающей в себя всю совокупность жизненных процессов в Российской Арктике с учетом тенденции трансрегионализации Арктического региона.

Ключевые слова: *региональное пространство, Арктический регион, человеческое измерение, природная среда, цивилизационная среда, социальная среда, международная среда.*

A. B. Carimova

Primakov Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences, Moscow

The Arctic: «Friend is behaving strangely»

This article presents some observational results taking place in the Arctic. To determine the specifics, the author considers them in the context of global transformations affecting the basic environments of the region's life processes — natural (climate change), civilizational (expanding urbanization and migration), and international (the impact of cooperation and the transition to a new security model). New phenomena in the Arctic region caused by a systematic change in the model of the projection of the components of real force by the model of the distribution of the technological force components are analyzed. Assumptions that the changes in the Arctic climate will coordinate geopolitical strategies were put forward at the beginning of the 21st century. However, the outcome of the geopolitical transition is still unclear. At the same time, the opening of new shipping routes indicates an increase in the military-strategic importance of the region. In this regard, new points of disagreement and a common vision for the development of the Arctic zone between circumpolar actors outside the region and international institutions are indicated.

Drawing on the historical experience, authority, potential and strategic advantages of the leading arctic power, Russia is devising a strategy for the development of the Arctic, giving increasing importance to the social factor.

In conjunction with the increasingly popular scenarios for the suitability of the Arctic Ocean for economic activities, this article emphasizes the need to identify the human dimension. An approach is proposed for the development of a management model that includes the entire set of life processes in the Russian Arctic, taking into account the trend of the transregionalization in the Arctic region.

Keywords: *regional space, Arctic region, human dimension, natural environment, civilizational environment, social environment, international environment.*

Введение

Арктический регион стал частью социального мира, в котором меняются условия жизни, созревают тенденции, обусловленные не только глобальным изменением климата, но и социально-политическими трансформациями, открывающими его для осуществления хозяйственно-рыночной деятельности. В новой конструкции международных отношений Арктика выступает фактором влияний на будущее мировой политической архитектуры и глобальной экономики.

Для определения специфики выделенный фактор анализируется в контексте глобальных трансформаций, затронувших базовые среды жизненных процессов в регионе — изменение климата, расширяющуюся урбанизацию и миграцию, а также возрастающее влияние экологической составляющей международной кооперации. Данный подход обусловил структурное распределение наблюдаемых *изменений* по трем средовым кластерам:

- природном (учитывающим климатическую ситуацию);
- цивилизационном (особенности урбанизации и миграции);
- международном (влияние кооперации и переход к новой модели безопасности).

Источником регионализации Арктики стала проблема изменения климата, выросшая из математического моделирования общей циркуляции атмосферы и вод Мирового океана. И в этом смысле в корпусе пространственного развития начал складываться трек генерирования будущего. Политический мир откликнулся на новый глобальный феномен многозначительной концепцией неопределенности.

Управление непредсказуемым отличается от управления рисками, поскольку заставляет предусматривать механизмы разрыва и прорыва, т. е. представлять развитие как процесс конвергенции будущего с настоящим. Именно в такой последовательности. Достичь этой цели возможно через пространственное сопричастие в трех средах (природной, цивилизационной, международной), т. е. через обустройство Северного морского пути.

Если в конструировании ЕС, Центральной Азии, Ближневосточного региона, Средиземноморья на выявление масштабов регионального пространства критически влияли образы прошлого, то трансарктический узел завязывается на образах будущего, втягивая Арктику в планетарную сложность изменений с позиций уточнения ее регионального рельефа.

Фактической основой этого будущего регионального пространства служат самые разнообразные «грубые» данные о состоянии арктического мира и ландшафта.

В то же время эмпирические причины исключают социальные эксперименты и ограничивают применимость экономических моде-

лей для измерения всего спектра изменений [1, с. 354]. Поэтому, решая задачу создания желаемого будущего, следует обратить внимание на архитектуру образа Арктики, сложившегося у коренного населения.

Природная среда: «друг ведет себя странно»

Несмотря на обилие экстремальных фактов изменений природной арктической среды [2], специалисты, опираясь на данные глобальной базы, смогли сформулировать всего одну оспариваемую гипотезу о глобальном потеплении:

- «наблюдаемое потепление находится в пределах естественной изменчивости климата и не нуждается в отдельном объяснении;
- потепление является результатом выхода из холодного Малого ледникового периода;
- потепление наблюдается слишком непродолжительное время, поэтому нельзя достаточно уверенно сказать, происходит ли оно вообще» [3].

Вместе с этими обоснованными сомнениями постепенно актуализировался термин *изменение климата*. Исследователи все чаще обращаются к историческим сведениям и более ранним научным представлениям об Арктике. В прогнозных моделях российских климатологов на свет появилась Берингия [4], в миграционных исследованиях профессора Мерилендского университета (США) Т. Хеленайка [5, pp. 393—493] фигурирует природная страна Фенноскандия¹.

---

¹ Фенноскандия (фин. Fennoskandia) — физико-географическая страна на северо-западе Европы общей площадью около 1,88 млн км² (включая площадь моря; площадь суши — свыше 1,5 млн км²). Выделена финским геологом Вильгельмом Рамзаем в 1898 году в составе Норвегии, Швеции, Финляндии и западной части бывших Олонецкой и Архангельской губерний России. Названа по преобладающему на территории историческому расселению скандинавов и финно-угорских народов.

Отделена от других физико-географических стран Европы Белым, Баренцевым, Норвежским, Северным и Балтийским морями. На территории России имеет сухопутную границу с Русской равниной. По версии В. Рамсаея, к российской Фенноскандии отнесены территории Карелии и Мурманской области, левобережье рек Онега и Кена в Архангельской области, северная часть Андомской возвышенности, правобережье рек Свирь и Нева

К концу первого десятилетия нынешнего столетия североамериканский исследователь арктической безопасности Б. Зеллен выдвинул гипотезу о геополитическом переходе к модели обеспечения экологической безопасности, который придется совершить ведущим арктическим державам в ближайшем будущем [6]. Однако исход смены геополитической парадигмы пока неясен.

Словом, процесс идет, региональная среда меняется, неизменными остаются картинка расширяющихся трещин в арктических льдах, закрепившись в общественном сознании как негативный бренд Арктики. С политологической точки зрения — тревожное будущее является материалом для разработки глобально ориентированных стратегий выживания в условиях непредсказуемых климатических изменений или хаоса.

Мы, конечно, далеки от ситуации, создавшей миллионы лет назад, когда некий природный катаклизм резко изменил арктическую жизненную среду. Но предложенные отечественные и зарубежные геоматические модели до сих пор не могут выявить источник и цель происходящих трансформаций. Аборигены Арктики говорят: «оогинактуук» — «друг ведет себя странно», транслируя не только свои переживания, но и необходимость социального приспособления к меняющейся среде. Часть сомневающихся в глобальности явления ученых задаются вопросом: почему Антарктида не становится теплее?

На изменчивость состояния льдов полярных морей указывал российский и советский географ Э. Ф. Лесгафт, предполагая, что периоды колебаний могли охватывать целые столетия. Так, «в течение всего XVI и начала XVII в.» русские купцы плавали по Карскому морю на простых кочах. Но в XVIII—XIX вв. оно было удивительно неприступным даже для кораблей Большой северной экспедиции [7, с. 30]. Согласно этой гипотезе, нынешний период доступности полярных морей начался во второй половине XIX столетия, позволяя сформулировать две альтернативы:

в Ленинградской области, а также прилегающие к этим территориям моря. Общая площадь российской Фенноскандии составляет около 400 тыс. кв. км, население — около 4,5 млн человек, включая правобережную часть Санкт-Петербурга.

Рис. 1. Медийный образ Арктики

— рассматривать феномен изменения климата как свидетельство «существования переломных моментов в истории органического мира» [8, с. 7];

— анализировать феномен изменения арктической природной среды как естественный процесс, позволяющий приступить к конструированию желаемых состояний будущего.

На этом фоне вполне допустима еще одна гипотеза: рассматривать феномен потепления как естественный процесс совершенствования природной среды. Данный подход нацелен на проектирование жизненных процессов, извлекая из времени и пространства удачные практики адаптации к среде, что позволит исключить повторы негативного опыта, исправить «безупречность» математических расчетов современными резонами природно-социальной сложности. Практики приспособления к арктической природной среде богаты мудрыми подсказками. Так, например, прежде, чем отправиться в опасное путешествие, русские первопроходцы жили в ярангах и чумах, перенимая у местных обитателей накопленный столетиями опыт передвижения, охоты, питания, постройки жилищ, приемы выживания и правила общения с животными [9]. М. В. Ломоносов включал в источники информации, дающей верные ориентиры искателям «достаточного пространства» «к корабельному ходу севе-

ром в Японию и в Ост-Индию», «сказки сибирских промышленников» и «бессловесных животных» [10, с. 478; 480—481]. Эти правила исследований арктической среды не потеряли своей актуальности и в цифровую эпоху.

Смыслом циркумполярной цивилизации было и остается создание социальной среды в условиях высокого холода.

Доказано, работа в Арктике увеличивает расход энергии в 1,5—2 раза; таяние льдов происходит в два раза быстрее, чем в других районах планеты. Есть другие примеры фактора удвоения энергетических обращений. Сдвоенный холод равен сдвоенной выработке и сдвоенному расходу энергии. Поэтому внесенные акценты *холода* взамен превратившихся в штамп антропогенных нагрузок в повестку круглого стола «Холод и Цивилизация» (Москва, 2017) представляются донельзя уместными. Для Природы, «предусмотревшей» Жизнь в Холоде, Человек не может быть нагрузкой. Следовательно, проблемы холодной цивилизации могут быть разрешены только «холодными» решениями, в форме «специфического порядка», наделенного «принудительной силой» [11, с. 336].

В середине прошлого века теоретик цивилизации, германский социолог Н. Элиас пришел к выводу, что эталоны цивилизованного поведения «окончательно сформировались» уже к XIX века. Однако постиндустриальная экологическая экспертиза внесла средовые требования в цивилизационный кодекс поведения, акцентируя проблему «интеллектуализации освоения АЗ РФ, концептуального системного осмысления в рамках цивилизационного подхода,

Рис. 2. Человеческие измерения высокого холода

введения социального, культурного кластера в Стратегию развития Арктической зоны РФ» [12, с. 9].

Цивилизационная среда

Большинство представленных на международном форуме «Человек в Арктике» (2017) проектов заточены на рентабельность и получение прибыли от добывающей или логистической деятельности. Компаниям нужны люди, всматривающиеся в средовые изменения, подмечающие их социальную начинку, способные интерпретировать повседневность через множество переменных жизненных процессов, складывая ее в модель опыта и компетенций. Поэтому в сопряжении живого с неживым должны участвовать не только программисты, не только люди науки, бизнесмены, но и представители гражданского сектора, обладающие практическими навыками, поколенческими и интуитивными (неопосредованными) знаниями о социальных процессах. И тогда появятся предложения не только по созданию главков, но и реальная деятельность по комфортизации социальной среды арктических территорий.

В циркумполярном регионе проживает около 4 млн человек, при этом население российской части полярных территорий составляет 2,4 млн человек, большинство из которых — городские жители. Однако эта категория в последнее десятилетие дополнилась новой для российской части Арктического региона социально неоднородной группой жителей пригорода. В западном обществе этот феномен был выявлен в XX веке, получив название «suburban people», а сами субурбии — «буржуазный кошмар» [13, 14]. По свидетельству исследователей, в настоящее время американцев, проживающих в «буржуазном кошмаре», больше, чем жителей городов и деревенской местности вместе взятых. К сожалению, эти явления проникли и в российские арктические города.

Такая агломерация структурировалась из внутренних переселенцев бурятской глубинки. Журналисты подметили: «В итоге Улан-Удэ оброс гигантской субурбией, не подключенной к центральным сетям и отапливаемой преимущественно дровами и углем. Восемь месяцев в году над городом царит ни с чем не сравнимый стойкий

аромат русской бани...» [15], запахи которой смешаны с дымом из промышленных труб.

Однако в арктических субурбиях находят пристанище не только региональные переселенцы, но и выходцы из постсоветской Центральной Азии, Молдовы, Украины. Медийную известность получил «арктический маршрут», по которому граждане из Афганистана, Сирии, Ирака и Ирана перебирались из России в Норвегию [16]. Растет «сообщество ближневосточных мигрантов» в канадских арктических территориях. Этот же процесс характеризует абсолютно все северные регионы Европы.

Отмеченные перемещения позволяют сказать, что в крупных поселениях Российской Арктики происходит такое же движение в города, как и в других арктических регионах циркумполярных государств, с теми же колебаниями, зависящими от условий жизни, стоимости труда, иерархии рабочих мест, экономической ситуации в стране исхода. Поэтому представляется важным намерение России принять на себя миссию разработчика стандартов циркумполярного поведения и контроля над их соблюдением.

Мировая тенденция к урбанизации коренным образом меняет человеческую и природную среду Арктического региона, не отменяя фундаментальные принципы цивилизационной жизни.

Рис. 3. Пригород современного Улан-Удэ

Древние и средневековые мыслители отмечали, что цивилизация зиждется на дисциплине, выделяя в ней параметр социальной сплоченности, что, по-видимому, и является важнейшим нематериальным ресурсом выживания и развития общества. Регулятором дисциплины выживания и развития является государство. «Civile» Цицерона и «асабийя» Ибн Халдуна — это многоуровневые модели гибнущей (недисциплинированной) и устойчивой (социально сплоченной) цивилизаций, в которых характеристики естественной и социальной реальностей либо поддерживают, либо уничтожают друг друга. Они не существуют отдельно. В случае постсоветской Арктики функции выживания и развития вплетены в жизненный процесс, который имеет свое продолжение в международной среде.

Международная среда

Человеческое измерение международной миграции [17] может многое сказать о влиянии глобальных трансформаций на развитие регионов Арктики. В заполярных округах России усиливается потребность в людях, обладающих высокой профессиональной подготовкой. Так, например, Якутия проявляет интерес к интеллектуальным иммигрантам. Есть основания прогнозировать снижение маятниковой (вахтенной) миграции. Вместе с тем уже сейчас необходимо разработать северную логистику потоков международной миграции, поскольку объекты судоходной инфраструктуры Северного морского пути стали каналами, системно обеспечивающими функционирование мировой торговли, подтягивающей в эту сферу все Приморье и материковые регионы, расположенные от него через несколько границ.

Российская морская Арктика стремительно вписывается в глобальную экономику, создавая принципиально новую региональную ситуацию по всей литорали Северного Ледовитого океана. В моделировании жизненных процессов Арктического региона должны быть использованы все смыслы социального тела дорожных конструкций. Они могут быть информационной артерией, инструментом проецирования глобальной мощи, создавать конкурентные преимущества,

Рис. 4. Танкер-газовоз «Кристоф де Маржери» отплывает в порт Сабетта с российским сжиженным газом на борту

привлекать инвестиции. В этой оптике обустройство Северного морского пути — всеобъемлющей дороги Мирового океана — для международного торгового судоходства является генерирующим фактором реализации национальной стратегии освоения Арктической зоны и самым значимым социально-технологическим событием первой половины XXI века.

Однако технологии являются только бонусом длящейся 250 лет операционализации *стратегемы* М. В. Ломоносова, сформулированной в записке, адресованной российскому престолонаследнику Павлу Петровичу¹ [18, с. 498].

Вместе с тем новые явления в Арктическом регионе вызвали системную смену модели проецирования компонентов реальной силы моделью распределения компонентов технологической силы, требу-

---

¹ Подытоживая свой труд «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию» (1764 г.), М. В. Ломоносов вывел знаменитую формулу, которая была решена в декабре 2017 г.: «Таким образом, путь и надежда чужим пресечется, российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном и достигнет до главных поселений европейских в Азии и в Америке».

ющую больших знаний, большей компетенции, более сложных инструментов, а следовательно, больших объемов и видов человеческого капитала.

В нынешней мировой ситуации циркумполярные отношения балансируют между двумя противоположностями — нарождающимся сотрудничеством и остатками прошлого военно-политического противостояния.

Объединенные сходством средовых и цивилизационных изменений арктические страны имеют и общий подход к тенденции освоения бассейна Северного Ледовитого океана нециркумполярными государствами, которые руководствуются собственными притязаниями на ресурсы арктического шельфа.

Оно проявляется в стремлении закрепить за Арктикой статус международного морского района, «максимально открытого для всех государств мирового сообщества». Среди таких проектов особо выделяются предложения заключить отдельное международное соглашение по Арктике, подобное Договору об Антарктике 1959 г., а также распространить на весь этот регион статус Общего наследия человечества» [19, с. 55]. В числе активистов отмены «секторной теории Арктики»¹, которой придерживаются Россия и Канада, очень заметны Германия и Япония. Среди международных институтов за отмену секторального раздела выступает Европейская комиссия.

Согласно оценке Министерства обороны США, Арктика — «регион растущей неопределенности со сложной и потенциально проблематичной средой безопасности». В отличие от предыдущих документов арктической политики в документе не содержится прямого упоминания об изменении климата. Новая Арктическая стратегия североамериканского военного ведомства идентифицирует регион как коридор стратегической конкуренции между США, Россией

---

¹ Секторальная теория Арктики — международно-правовая доктрина, «в соответствии с которой каждое приарктическое государство обладает особыми правами в определенном полярном секторе — треугольнике, основой которого является побережье соответствующего государства, а сторонами — линии, проходящие по северным меридианам до Северного полюса» [20, с. 108].

и Китае, соединяющий два основных театра военных действий — Индо-Тихоокеанский¹ и Европейский [21, р. 5].

При этом растет количество международных акторов, претендующих на *постоянное присутствие* в регионе: Великобритания, Бельгия, Ирландия, Нидерланды, Латвия, Литва, Эстония, Польша, ФРГ, Италия, Франция, Китай, Индия, Япония, Южная Корея, Сингапур, Испания, ЕС и др.

О своей готовности к разработке арктического шельфа заявляют десятки государств, прибегая порой к экстраординарным обоснованиям. В то время как Китай объявил себя «государством, близким к Арктике», Швейцария назвалась вертикальной арктической нацией, считая, что климаты Альп и полярного региона весьма сходны [24].

Территориальные споры, дипломатический и исследовательский интерес выявили множество направлений регионализации хозяйственной деятельности в высоких северных широтах, имеющих значение для обустройства Северного морского пути как природоподобной технологии для сквозного плавания.

СМП — это не только сама по себе технология превращения независимых от людей природных явлений в социальные эффекты, но и это еще принцип использования явления и изменения ландшафта Мирового океана.

Рис. 5. Китайский ледокол Сюэ Лонг («Снежный Дракон») везет команду Полярного научно-исследовательского института Китая в Арктику [23]

¹ Индо-Тихоокеанский регион — североамериканский проект спряжения двух океанов, созревший в ходе инициированного Японией диалога Quadrilateral Security Dialogue (Quad) между Австралией, Индией, Соединенными Штатами и Японией (2007 г.). Об этом см.: [22].

СЕВЕРНЫЙ МОРСКОЙ ПУТЬ

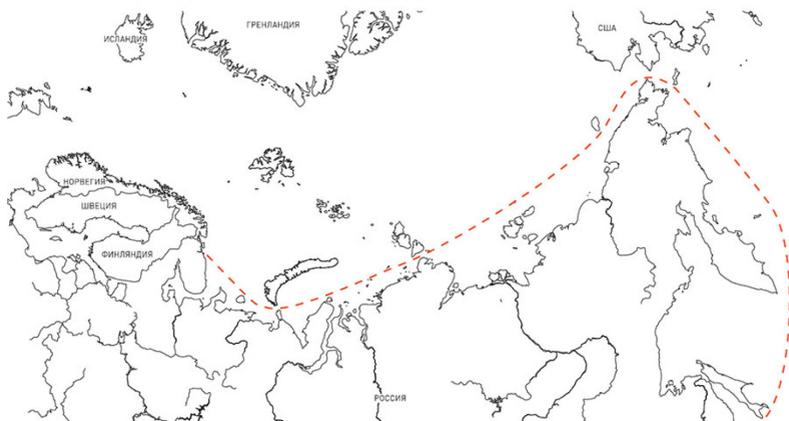

Рис. 6. Протяженность Северного морского пути [25]

Технологическое «повторение» регионального рельефа позволит объединить ныне разделенные различными формами собственности звенья СМП в единый экономико-логистический комплекс, адаптированный к правовым регионам морского пространства Конвенции ООН по морскому праву (открытое море, шельф, исключительная экономическая зона, прилежащая зона, территориальные воды и внутренние воды).

Четко определенных границ Арктики нет, они определяются по-разному. В одном случае проводят южную границу Арктики по Северному полярному кругу (параллель $66^{\circ}33'$ с. ш.). Такая точка зрения преобладает в доктрине международного права. В другом случае границу определяют с точки зрения климата, где Арктикой считается территория, средняя температура в которой в июле не превышает 10°C . Однако подвижность арктических границ стоит в прямой зависимости от направления глобальных ветров, что предопределяет создание технологий, использующих эффекты явления.

Северный путь — организующая концепция и стержневой элемент регионализации российской Арктики, который «соберет» ее как совокупность повседневных практик и инженерных устройств,

способных улучшать структуру (в рассматриваемом случае — региональное пространство) по мере необходимости.

Вместо заключения

Человеческое измерение происходящих изменений в природной, цивилизационной и международной средовых зонах Арктики меняет модель *неопределенного будущего* (глобальное потепление) на модель *желаемого будущего*.

В контексте создания природоподобных технологий средовая сложность российской Арктики показывает необходимость сочетания в ее модели комфортизации жизненного процесса трех факторов:

- ▶ пространственного преимущества, зафиксированного в стратегеме Ломоносова;
- ▶ феномена удвоения расхода и накопления энергии;
- ▶ сетевой совокупности устройств и инженерных практик, доступных для культуры повседневности.

Возможно, именно в Арктике произойдет самое удивительное изменение глобальной жизненной среды: холод согреет человеческие отношения, а сдвоенный холод станет ресурсом окончательной их нормализации.

Библиографический список

1. Майнцер К. Сложносистемное мышление: Материя, разум, человечество. Новый синтез. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 464 с.
2. Арктика может лишиться морских льдов в летнее время к 2040 году // Сайт ТАСС. URL: <http://tass.ru/nauka/3985150> (дата обращения: 01.12.2017).
3. Макеев А. О. Берингийская Атлантида — ретроспективный и перспективный анализ климатических изменений на основе ледово-лёссово-почвенного комплекса // Сайт Докучаевские молодежные чтения. URL: <http://www.dokuchaevskie.ru/wp-content/uploads/2016/11/A.O.-Макеев.pdf> (дата обращения: 10.12.2017).
4. Каменев А. Берингия // Сайт National Geographic Россия. URL: <http://www.nat-geo.ru/planet/35370-beringiya> (дата обращения: 14.02. 2019).
5. Heleniak T. International migration into the Arctic / Robert W. Orttung and Marlene Laruelle (ed.). Urban Sustainability in the Arctic: Visions, Contexts, and Challenges. Washington DC: IERES, 2017, pp. 393—493.

6. Zellen B. S. Arctic Doom, Arctic Boom: The Geopolitics of Climate Change in the Arctic. Santa Barbara: Praeger, 2009. 236 p.

7. Итин В. А. Морские пути советской Арктики / с предисл. пред. Комсверпути Б. В. Лаврова; О-во изуч. Сов. Азии. М.: Сов. Азия, 1933 (типо-лит. им. Воровского). 106 с.

8. Колчинский Э. И. Неокатастрофизм и селекционизм: Вечная дилемма или возможность синтеза? (Историко-критические очерки). СПб.: Наука, 2002. 553 с.

9. Человек и холод: как выживают в вечной арктической войне // Сайт образовательного ресурса Arctica.info. URL: <http://arctica.info/stati/chelovek-i-xolod-kak-vyizhivayut-v-surovyix-usloviyax-krajnego-severa> (дата обращения: 05.05.19).

10. Ломоносов М. В. Избранные произведения: в 2 т. М.: Наука, 1986. Т. 1. Естественные науки и философия. 536 с.

11. Элиас Н. О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 2. Изменения в обществе. Проект теории цивилизации. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. 382 с. (Серия «Книга света»).

12. Винокурова У. А., Яковец Ю. В. Арктическая циркумполярная цивилизация: учебное издание. 2-е изд., доп. Новосибирск: Наука, 2016. 320 с.

13. Fogelson R. M., *Bourgeois Nightmares: Suburbia, 1870—1930*, New Haven: Yale University Press, 2005. 272 p.

14. Vicino T. J. *Transforming Race and Class in Suburbia: Decline in Metropolitan Baltimore*. N.-Y. Palgrave Macmillan, 2008. 226 p.

15. Курачий А., Ермак С. Заложники // Сайт журнала «Эксперт». URL: <http://expert.ru/expert/2017/49/zalozhniki> Москва, 07.06.2017 (дата обращения: 08.06.19).

16. Нурматова О. «Арктический поток» мигрантов из России в Норвегию иссяк. URL: <https://www.kompravda.eu/daily/26552.4/3568587> (дата обращения: 10.06.2019).

17. Каримова А. Б. Постсоветский дизайн человеческой мобильности // *Мировая экономика и международные отношения*. 2017. Т. 61. № 8. С. 85—95. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-8-85-95.

18. Ломоносов М. В. Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию. Прибавление. О Северном мореплавании по Сибирскому океану. Прибавление второе, сочиненное по новым известиям промышленников из островов Американских и по вопросу компанейщиков, тобольского купца Ильи Снигирева и вологодского купца Ивана Буренина / М. В. Ломоносов // *Полн. собр. соч.* Т. 6. М.; Л., 1952. С. 417—514.

19. Гудев П. Арктика как “global commons”? // *Пути к миру и безопасности*. 2016. № 1(50). С. 53—69.

20. Дудин М. Н., Иващенко Н. П. Мировой опыт и тенденции инновационного освоения арктических территорий // *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)*. 2015. Т. 6. № 4. С. 107—117.

21. Report to Congress Department of Defense Arctic Strategy June 2019. Office of the Under Secretary of Defense for Policy. 18 p.

22. Каримова А. Связывая Индийский с Тихим, или Модернизация инструментов влияния // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63. № 6. С. 13—24. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-6-13-24

23. Chinese Icebreaker goes to the Arctic for Climate Expedition 09.08.2017 / Сайт Centre for High North Logistics. URL: <http://www.arctic-lio.com/node/275> (accessed 01.02.2019).

24. Емельяненко А. От Альп до Арктики рукой подать // *Российская газета*. URL: https://rg.ru/2017/03/29/pochemu-shvej_cariia-podala-zaiavku-v-arkticheskij-sovet.html (дата обращения: 21.08. 2019).

25. Тимофеева-Глазунова О. Внимание: солнце // *Эксперт*, 04.02.2016. Available at: https://expert.ru/russian_reporter/2016/04/vnimanie-solntse/ (accessed 10.07.2019).

References

1. Maintser K. *Slozhnosistemnoe myshlenie: Materiya, razum, chelovechestvo. Novyj sintez* [Complex system thinking: Matter, reason, humanity. New synthesis]. Moscow, Knizhnyj dom «LIBROKOM» Publ., 2009, 464 p. (In Russ)

2. *Arktika mozhet lishit'sya morskikh l'dov v letnee vremya k 2040 godu* [The Arctic may lose sea ice in the summer by 2040]. TASS website. Available at: <http://tass.ru/nauka/3985150> (accessed 01.12.2017).

3. Makeev A. O. *Beringijskaja Atlantida — retrospektivnyj i perspektivnyj analiz klimaticheskikh izmenenij na osnove ledovo-ljossovo-pochvennogo kompleksa* [Beringia Atlantis is a retrospective and perspective analysis of climatic changes based on the ice-loess-soil complex]. Available at: <http://www.dokuchaevskie.ru/wp-content/uploads/2016/11/A.O.-Makeev.pdf> (accessed 14.02.2019). (In Russ.)

4. Kamenev A. *Beringiya* [Beringia]. National Geographic Russia website. Available at: <http://www.nat-geo.ru/planet/35370-beringiya> (accessed 14.02. 2019).

5. Heleniak T. *International migration into the Arctic* / In: Robert W. Ortung and Marlene Laruelle (ed.). *Urban Sustainability in the Arctic: Visions, Contexts, and Challenges*. Washington DC: IERES, 2017, pp. 393—493.

6. Zellen B. S. *Arctic Doom, Arctic Boom: The Geopolitics of Climate Change in the Arctic*. Santa Barbara, Praeger, 2009, 236 p.

7. Itin V. A. *Morskie puti sovetskoj Arktiki* [Sea routes of the Soviet Arctic]. S predisl. pred. Komseverputi B. V. Lavrova; O-vo izuch. Sov. Azii. Moscow: Sov. Aziya Publ., 1933 (tipo-lit. im. Vorovskogo), 106 p. (In Russ.)

8. Kolchinskij Je.I. *Neokatastrofizm i selekcionizm: Vechnaja dilemma ili vozmozhnost' sinteza?* (Istoriko-kriticheskie ocherki) [Neocatastrophism and selectivity: The eternal dilemma or the possibility of synthesis? (Historical and Critical Essays)]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2002, 554 p. (In Russ.)

9. *Chelovek i holod: kak vyzhivayut v vechnoj arkticheskoy vojne* [Man and cold: how to survive in the eternal Arctic war]. Available at: <http://arctica.info/stati/chelovek->

i-xolod-kak-vyizhivayut-v-surovyix-usloviyax-krajnego-severa (accessed 05.05.19).

10. Lomonosov M. V. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. V 2 tomah. T. 1. Estestvennyye nauki i filosofiya. Moscow, Nauka Publ., 1986, 536 p.

11. Elias N. *O processe civilizacii: Sociogeneticheskie i psihogeneticheskie issledovaniya* [About the process of civilization: Sociogenetic and psychogenetic studies] Vol. 2. *Izmeneniya v obshchestve. Proekt teorii civilizacii*. 2001. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga Publ., 382 p. (In Russ.)

12. Vinokurova U. A., Yakovec Yu.V. *Arkticheskaya cirkumpolyarnaya civilizaciya: uchebnoe izdanie* [Arctic Circumpolar Civilization: Textbook]. 2-e izd., dop. Novosibirsk, Nauka Publ., 2016, 320 p.

13. Fogelson R. M. *Bourgeois Nightmares: Suburbia, 1870—1930*. New Haven, Yale University Press, 2005, 272 p.

14. Vicino T. J. *Transforming Race and Class in Suburbia: Decline in Metropolitan Baltimore*. N.-Y. Palgrave Macmillan, 2008, 226 p.

15. Kuryachij A., Ermak S. *Zalozhniki* [Hostages]. Available at: <http://expert.ru/expert/2017/49/zalozhniki> Moscow, 07.06.2017 (accessed 08.06.19).

16. Nurmatova O. «Arkticheskij potok» migrantov iz Rossii v Norvegiyu issyuk [The “Arctic stream” of migrants from Russia to Norway has dried up]. Available at: <https://www.kompravda.eu/daily/26552.4/3568587> (accessed 10.06.2019).

17. Karimova A. *Postsovetskij dizajn chelovecheskoj mobil'nosti* [Post-Soviet design of human mobility] *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2017. Vol. 61, no 8, pp. 85—95. (In Russ.) DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-8-85-95. (In Russ.)

18. Lomonosov M. V. 1952. *Kratkoe opisaniye raznykh puteshestvij po severnym moryam i pokazaniye vozmozhnogo prohodu Sibirskim okeanom a Vostochnuyu Indiyu. Pribavleniye. O Severnom moreplavanii po Sibirskomu okeanu. Pribavleniye vtoroe, sochinennoe po novym izvestiyam promyshlennikov iz ostrovov Amerikanskih i po voprosu kompanejshchikov, tobol'skogo kupca Il'i Snigireva i vologodskogo kupca Ivana Burenina* [A brief description of various trips to the northern seas and an indication of the possible passage of the Siberian Ocean to eastern India. Addition. About the North Navigation on the Siberian Ocean. The second addition. Composed on the new news of industrialists from the islands of the Americas and on the question of company partners, Tobolsk merchant Ilya Snigirev and Vologda merchant Ivan Burenin] *Poln. sobr. soch.* Vol. 6. Moscow; Leningrad, [s.n.], pp. 417—514. (In Russ.)

19. Gudev P. *Arktika kak “global commons”?* [The Arctic as “global commons”?] // *Puti k miru i bezopasnosti*, 2016, no 1(50), pp. 53—69. (In Russ.)

20. Dudin M. N., Ivashchenko N. P. *Mirovoj opyt i tendencii innovacionnogo osvoeniya arkticheskikh territorij* [World experience and trends in the innovative development of the Arctic territories]. *MIR (Modernizaciya. Innovacii. Razvitie)*, 2015, vol. 6, no 4, pp. 107—117.

21. *Report to Congress Department of Defense Arctic Strategy June 2019*. Office of the Under Secretary of Defense for Policy. 18 pp.

22. Karimova A. *Svyazyvaya Indijskij s Tihim, ili modernizaciya instrumentov vliyaniya* [Connecting the Indian to the Pacific, or the modernization of instruments of influ-

ence]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2019, vol. 63, no 6, pp. 13—24. (In Russ.)

23. *Chinese Icebreaker goes to the Arctic for Climate Expedition* 09.08.2017 / website Centre for High North Logistics. URL: <http://www.arctic-lho.com/node/275> (access 01.02.2019).

24. Emel'yanenko A. *Ot Al'p do Arktiki rukoј podat'* [From the Alps to the Arctic, a stone's throw]. *Rossijskaya gazeta*. Available at: <https://rg.ru/2017/03/29/pochemu-shvej-cariia-podala-zaiavku-v-arkticheskij-sovet.html> (accessed 21.08. 2019).

25. Timofeeva-Glazunova O. *Vnimanie: solnce* [Attention: the Sun] // *Ekspert*, 04.02.2016. Available at: https://expert.ru/russian_reporter/2016/04/vnimanie-solntse/ (access 10.07.2019).

Л. К. Адамова, Е. Г. Винокуров

Чурапчинский государственный институт физической культуры и спорта,
Чурапча

Актуальные проблемы на рубеже эпох у народа саха

В статье впервые рассматриваются актуальные проблемы на рубеже эпох у народа саха, которые в свое время в широком философском ключе были раскрыты в Послании «Якутской интеллигенции» основоположником художественной литературы народа саха, поэтом-классиком, гуманистом-просветителем, идеологом первого поколения национальной интеллигенции, мыслителем Алексеем Елисеевичем Кулаковским, в трактате «Великий столетний план» видным государственным, политическим деятелем, основоположником современной литературы народа саха, писателем-классиком, ученым-лингвистом, философом Платоном Алексеевичем Ойунским и в Концепции «Республика Саха: стратегия развития в первой четверти XXI века» Первым Президентом Республики Саха (Якутия) Михаилом Ефимовичем Николаевым.

Ключевые слова: *культуризация, Якутский округ, грамота, коллективизация, олонхо, кооператор, экономическая самостоятельность, мыслитель, духовный потенциал.*

L. K. Adamova, E. G. Vinokurov

Churapchinsky State Institute of physical culture and sport, Churapcha

Current problems of the Sakha people at the turn of the era

This article presents a novel discussion of current problems of the Sakha people at the turn of the eras. These problems were, at one time, addressed in a wide philosophical way in Message to the «Yakut intellectuals» by Alexey Eliseevich Kulakovsky — the father of the Sakha people's literature, a classical poet, humanist and educator, ideologist of the first generation of national intelligentsia, and a

thinker; in the treatise «The Great Centennial Plan» by Platon Alekseevich Oyunsky a prominent state and political figure, the father of modern literature of the Sakha people, a writer and classics scholar, a linguist and a philosopher; and in the conception of «The Sakha Republic: A Strategy of Development in the first quarter of the XXI century» by Mikhail Efimovich Nikolaev First President of the Republic of Sakha (Yakutia).

Keywords: *cultivating, Yakut district, charter, collectivization, Olonkho, cooperator, economic independence, thinker, spiritual potential.*

В начале XX века многие народы и народности, находясь в составе Российского государства, не имели своих национально-государственных образований. Их история развивалась в едином всероссийском историческом пространстве. Однако эти народы сохранили язык, культуру, традиционный уклад жизни, этнические и исторические особенности.

По мнению доктора философских наук, профессора А. Е. Мординова, «якуты...открыли огромную, необозримую территорию Севера и первыми начали освоение его бесчисленных богатств на благо всех народов Советского Союза и всего человечества. Они доказали, что нет на земле ни одной точки, где не могла бы процветать и развиваться человеческая жизнь и культура. Ими положено начало освоению Арктики и Северного Полюса. Все это не может не считаться величайшей заслугой нашего народа перед всем человечеством» [1, с. 65—66].

Как известно, события начала XX века стали толчком для социально-экономического развития Якутии, для убыстрения общественно-экономических процессов, тем самым способствуя пробуждению национального самосознания народов.

Именно в этот период сформировалось первое поколение якутской национальной интеллигенции, ставшее генератором национальных идей и двигателем общественно-политического прогресса.

Актуальными проблемами в тот исторический период для народа были просвещение, активная борьба за введение земского самоуправления в Якутии, отстаивание прав коренного народа на образование, медицинское обслуживание, самостоятельный труд и т. п. Первая русская революция 1905—1907 гг. послужила толч-

ком к развитию национально-демократического движения народа саха. Организующей силой стало Якутское сельскохозяйственное общество (ЯСХО), председателем которого был В. В. Никифоров — лидер якутской интеллигенции. Деятельность общества носила общественно-политическую направленность, велась активная работа за введение земского самоуправления. Результатом этой работы стал документ «Проект основных начал о земских учреждениях Якутской области», где были выдвинуты идеи обновления и модернизации края по всем социально-экономическим направлениям: совершенствование и развитие традиционных форм хозяйствования, разработка и использование минерально-сырьевых ресурсов края. Выдвинутые предложения были как философия поиска путей для решения всех проблем многострадального, бедствующего народа, его самобытного развития. Это была попытка организации управления коренным населением Якутии по образцу центральных губерний России, т. е. требование автономии Сибири. Проект был отвергнут, но, потерпев неудачу, В. В. Никифоров вступил в открытую оппозицию к существующему режиму и выбрал путь организованной борьбы за осуществление своих идей посредством создания политической организации, призванной возглавить национально-демократическое движение народа саха. В начале 1906 г. создана политическая организация «Союз якутов» со своим уставом и программой. Цель организации — прочное установление гражданских и экономических прав коренного населения края. В уставе организации были предельно точно и ясно прописаны задачи, способы их решения. Но вскоре по указанию МВД Российской империи Союз был расформирован, а его члены арестованы и осуждены.

Эти идеи все же были продолжены и проработаны в дальнейшем в материалах съезда якутов, проведенного в 1912 г. в связи с подготовкой к юбилею 300-летнего царствования Дома Романовых. Избранная депутация съезда отстаивала их перед министерствами и ведомствами.

Передовая часть якутской интеллигенции, будучи носителем идей национального возрождения, всегда считала одной из первоочередных задач — просвещение народа.

Просветитель, поэт, философ А. Е. Кулаковский написал к съезду в 1912 г. письмо «Якутской интеллигенции». Он ставит в нем общечеловеческие, философские и социальные вопросы о судьбах народов, высказывает свои соображения относительно спасения народа саха от вымирания. И спасение он видит в сохранении самобытного уклада жизни, в сохранении и развитии национальной культуры и образования. Им раскрыты актуальные проблемы национальной экономики и пути их решения. Для этого он рассмотрел ряд вопросов: землепользование, земледелие, скотоводство, коневодство, рыболовство, развитие местной промышленности, предпринимательство, рыночные отношения и т. д. Исследователи профессор В. Н. Иванов и кандидат филологических наук, доцент Л. Р. Кулаковская отмечают: «И этот взгляд пронизан прагматической мыслью о преимуществах совместного проживания родного народа с русским народом в «борьбе за существование». Такова общественно-политическая, просто человеческая позиция А. Е. Кулаковского — выдающегося якутского мыслителя начала XX века. Она оказалась реалистичной, потому и верной» [2, с. 41].

Способ дальнейшего исторического развития народа А. Е. Кулаковский видит в «культивизации» народа, т. е. в «сознательной, культурной и законной борьбе за право существования своего народа посредством прогресса и культуры». По мнению профессора исторических наук Г. П. Башарина, это «приобщение к культуре, развития культуры, поднятие материальной и духовной культуры» [3, с. 5]. Таким образом, А. Е. Кулаковский выдвигает идеальную в методологическом плане изящную, логически четкую, эмоционально направленную модель. Он констатирует: «Единственным рациональным средством является наша культивизация и слияние с русскими — благо, что помесь с последними дает хорошие плоды» [4, с. 65].

Еще в 1926 г. выдающийся государственный и общественный деятель Якутской Республики, писатель-классик, основатель современной литературы, ученый-лингвист, философ Платон Алексеевич Ойунский подчеркивал, что «будущие исследователи-якутоведы обязательно отметят значение эпохи Кулаковского и еще они подтвердят, что

письменная литература и творческая мысль в Якутии зародилась в период деятельности Кулаковского» [5, с. 41].

Позднее идеи дальнейшего развития народа были глубоко затронуты в произведениях основоположника якутской советской литературы, писателя, ученого-филолога, общественного деятеля П. А. Ойунского. В философском трактате «Великий столетний план», опубликованном в журнале «Чолбон» в 1927 г., Платон Алексеевич как истинный провидец народа раскрыл пути развития в переломный период, точно указал даты, когда появятся каменные здания, полетят самолеты и повысится продолжительность жизни. Это произведение явилось своего рода дорожной картой развития республики в будущем, ориентиром духовного развития.

Например, герой трактата Исполнительный Трофим сообщает: «Трудно не только сражение на перемену жизни, трудна, очень трудна, оказывается, сама перемена этой жизни. Но когда класс одержит победу над другим классом, труд победившего класса спорится как быстрое течение бурной реки... через двадцать лет, в 1947 году, весь народ будет объединен в кооперации, потому ни одного частного лавочника, ни базарных мошенников, ни городских живодеров, торговых элементов днем с огнем не сыщите, ни метлой не нагребем, не увидим» [6, с. 47].

Далее автор трактата описывает: «Властвует клокочущий непролазный туман с едва промелькивающим в небе месяцем завьюженного холодными метелями набирающего жестокою морозную силу ноября, словно давшего смертную клятву не уходить отсюда больше уж никогда» [6, с. 45]. Платон Ойунский в этом словосочетании о «властвовании тумана... набирающего жестокою силу ноября» и о его «смертной клятве не уходить отсюда» напоминает, что «ноябрьская» сила — вспыхнувшая в стране политика военного коммунизма и «красного террора» — привела к кровопролитной Гражданской войне, разделившей ее на красных и белых. В год десятилетия Октябрьского переворота понятия «туман», «морозная сила», «жестокость», «смертная клятва» предсказывают, что сталинская власть, тоталитарный социализм пришли надолго и основательно.

Духовным и политическим лидером народа саха в современности является первый Президент Республики Саха (Якутия) Михаил Ефимович Николаев. Идеи обновления и обновление идей нового времени неразрывно связаны с его именем, с его деятельностью. Начиная с принятия Декларации о государственном суверенитете ЯАССР, принятия новой Конституции все его помыслы, все действия и деятельность были посвящены служению своему народу, повышению его благосостояния. В Концепции «Республика Саха: стратегия развития в первой четверти XXI века», где отражены комплексные программы социально-экономического, политического, культурологического процветания, Михаил Николаев подчеркивает: «Наш народ многонациональный. У нас вся история отражает совместное мирное проживание в Якутии многих народов, и свое будущее мы все видим в этом единении, свое благополучие связываем с традиционной обстановкой мира, согласия и созидания... обладает всем необходимым для уверенного вхождения в цивилизованное мировое сообщество. Высокая образованность населения, сильный духовный потенциал в сочетании с производственной мощью и богатыми природными ресурсами являются фундаментом, на котором уже строится и будет построена новая Якутия» [7, с. 54].

Сегодня мы видим плоды реализации этого документа в жизнь: «укрепилась экономическая самостоятельность и одновременно заметно увеличился вклад республики в укрепление могущества и процветание России. Республика является обладателем крупнейших сырьевых и энергетических, валютных ресурсов, ведущим производителем ряда важнейших товаров как в России, так и во всем мире» [7, с. 55].

В Концепции подчеркивается: «Развитие системы образования в республике в первой четверти нового столетия предполагает, что образование станет определяющим фактором формирования духовно, интеллектуально и физически развитой личности, роста эффективности экономики и совершенствования правового демократического государства» [7, с. 84]. Республика вышла на качественно новый уровень жизни сельского населения, заметно повысилась мотивация населения к устойчивому развитию сель-

скохозяйственного производства. По всем направлениям социально-экономической жизни предусматриваются и поддерживаются инициативы и проекты по повышению благоустройства индивидуального жилищного строительства, подготовке и закреплению квалифицированных кадров, совершенствованию социальной инфраструктуры, размещению общественно значимых объектов с учетом демографического и производственного потенциала каждого сельского поселения.

В заключение надо отметить, что во всех затронутых выше трудах — в Послании «Якутской интеллигенции» А. Е. Кулаковского, в философском трактате «Великий столетний план» П. А. Ойунского и Концепции «Республика Саха: стратегия развития в первой четверти XXI века» М. Е. Николаева — предусмотрены стадии перехода от старого канонического самосознания к новому философскому и разработаны идеи социально-экономического, культурного преобразования, обеспечивающие устойчивое развитие народа саха на рубеже веков.

Библиографический список

1. Мординов А. Е. Избранные труды. Якутск: Бичик, 2009. Т. 1.
2. Иванов В. Н., Кулаковская Л. Р. Послание «Якутской интеллигенции» А. Е. Кулаковского // Кулаковский А. Е. Якутской интеллигенции. Новосибирск: Наука, 2012.
3. Башарин Г. П. Исторические судьбы письма Кулаковского // Кулаковский А. Письмо якутской интеллигенции. Якутск, 1993.
4. Кулаковский А. Якутской интеллигенции. Новосибирск: Наука, 2012.
5. Ойунский П. А. Собрание сочинений: в 7 т. Якутск, 1962. Т. 7.
6. Ойунский П. А. Великий столетний план // На рубеже эпох. Литературно-художественный и общественно-политический журнал «Полярная звезда». Якутск, 2016. № 3.
7. Николаев М. Е. Республика Саха: стратегия развития в первой четверти XXI века. Якутск, 2002. 141с.

References

1. Mordinov A. E. *Izbrannyye trudy*. Yakutsk, Bichik. 2009, vol. 1.
2. Ivanov V. N., Kulakovskaya L. R. *Poslanie «Yakutskoj intelligencii»* A. E. Kulakovskogo. *Kulakovskij A. E. Yakutskoj intelligencii*. Novosibirsk, Nauka, 2012.
3. Basharin G. P. *Istoricheskie sud'by pis'ma Kulakovskogo*. *Kulakovskij A. Pis'mo yakutskoj intelligencii*. Yakutsk, 1993.

4. Kulakovskij A. E. *Yakutskoj intelligencii*. Novosibirsk, Nauka, 2012.
5. Ojunskij P. A. *Sobranie sochinenij. V 7 t.* Yakutsk, 1962, vol. 7.
6. Ojunskij P. A. Velikij stoletnij plan. *Na rubezhe epoch. Literaturno- hudozhestvennyj i obshchestvenno-politicheskij zhurnal «Polyarnaya zvezda»*. Yakutsk, 2016, no. 3.
7. Nikolaev M. E. «*Respublika Saha: strategiya razvitiya v pervoj chetverti XXI veka*». Yakutsk, 2002, 141 p.

Г. Г. Алексеева¹

Чурапчинский государственный институт физической культуры и спорта,
с. Чурапча

**Взаимопомощь:
волонтерство в условиях холода**

Статья посвящена анализу особенностей социального волонтерства на Севере. Волонтерство рассматривается как один из важнейших показателей развития гражданского сообщества региона. Дана интерпретация понятия «волонтерство» с точки зрения экологического подхода. В статье описаны традиционные виды взаимопомощи, добровольческой деятельности как основы института гражданского общества в развитии региона. Описаны особенности и направленность социального волонтерства в Республике Саха (Якутия), дана характеристика основных коллективных мероприятий по подготовке к зимовке. Приведены некоторые результаты социологического исследования «Волонтер Якутии».

Ключевые слова: волонтерство, социальное волонтерство, традиционные виды труда, холод, волонтерская деятельность, мерзлота, экстремальная температура.

G. G. Alekseeva

Churapchinsky State Institute of Physical Education and Sports, Churapcha

**Mutual assistance:
volunteering in the cold**

The article is devoted to the analysis of the characteristics of social volunteering in the North. Volunteering is one of the most important indicators of the development of a regional civil society. An interpretation of the concept of “volunteering” from the point of view of an ecological approach is given. The article describes the traditional types of mutual assistance and volunteering as the basis for the institution of civil society in the development of a region. The features

---

¹ Работа выполнена под руководством доктора социологических наук, доцента У. А. Винокуровой.

© Алексеева Г. Г., 2019

and orientation of social volunteering in the Republic of Sakha (Yakutia) are described, the characteristics of the main collective activities for preparing for wintering are given. Some results of the "Volunteer of Yakutia" sociological research are presented.

Keywords: *volunteering, social volunteering, traditional types of work, cold, permafrost, extreme temperatures.*

В настоящее время волонтерство пользуется большой популярностью. Некоторые волонтерство считают социальным лифтом по карьерной лестнице, некоторые — интересным времяпровождением, способом обрести новые знакомства, засветиться в социальных сетях, попутешествовать, увидеть мир и т. п., но некоторые понимают волонтерство как взаимопомощь, т. е. приумножение добра в мире. Но в любом случае волонтерство — это неоплачиваемый добровольный труд, который в современном мире является неотъемлемой частью гражданского общества. Причинами активизации волонтерства являются увеличение социальных проблем, экономическая нестабильность, быстрое изменение технологического прогресса, на которые общество не успевает реагировать. В связи с этим повышается гражданское самосознание, меняются ценности гражданского общества. С каждым днем отмечается рост количества волонтеров как в государственном секторе социальной помощи, в многочисленных негосударственных общественных организациях, так и людей, стихийно иницирующих оказание помощи. Это показывает, что волонтерство есть элемент института гражданского общества.

Исследование волонтерства в России как социального феномена изучается с начала XXI века в основном в социологии управления. К фундаментальным основаниям социологического исследования волонтерства можно отнести классиков социологии О. Конта, Г. Спенсера, К. Маркса и Ф. Энгельса, Э. Дюркгейма, Т. Парсонса, П. А. Сорокина, П. Бергера, Т. Лукмана, Н. Лумана, которые изучали разделение труда, солидарность, групповое взаимодействие, труд, профессиональное призвание, нравственные ценности, взаимопомощь. Волонтерство как элемент гражданского общества рассмотрен в работах Р. Э. Бараш, В. Б. Беневоленского, З. Т. Голенковой, М. К. Горшкова, Г. Е. Зборовского, А. Б. Купрейченко,

И. В. Мерсияновой и Л. И. Якобсона, О. А. Оберемко, В. В. Петухова, Ю. М. Резника, И. А. Халий.

В данной статье понятие «волонтерство» изучается с помощью экологического подхода, основываясь на работы Э. Берждесса, Р. Парка, основателей социальной экологии [1]. Климатические условия являются одной из важных составляющих взаимоотношений членов общества между собой. Так, у людей, живущих в холодных, суровых климатических условиях, вырабатываются такие качества, как взаимопомощь, отзывчивость, добрососедство, уважение. Еще в 1922 г. русский мыслитель П. А. Кропоткин по итогам экспедиции в Якутию сформулировал: «взаимопомощь людей — качество, обеспечивающее эволюцию человеческого общества» [2]. Одним из важных средств обеспечения взаимопомощи выступает объединение людей в роды, племена и племенные союзы для более успешного и эффективного выживания и развития (т. е. для противостояния угрозам).

«Взаимопомощь — это не взаимовыручка по принципу «ты мне — я тебе», а оказание безвозмездной помощи нуждающимся в целях спасения человеческой жизни в экстремальных условиях и приумножения добра в обществе» [3].

Метеорологическая наука признает территорию Якутии самым холодным обитаемым регионом в северном полушарии Земли. Начиная с 1892 года на 20 метеостанциях разных населенных пунктов были зафиксированы рекорды по абсолютному минимуму температуры воздуха в различные годы.

Снижая физическую активность и работоспособность, холодный стрессор оказывает воздействие на психику человека. Мерзнут не только мышцы, цепенеют мозг, воля, без которой любая борьба обречена на поражение. Поэтому в зоне низких температур деятельность человека начинается с принятия мер по защите от холода: строительства жилищ, производства тепла и надлежащей одежды, приготовления пищи и питья.

В основе понятия «взаимопомощь» лежит такое качество, как доверие. Это качество внутренней природы человека, определяющее стремление каждой личности к проживанию в коллективном мире. Доверие есть основополагающий принцип человеческого общения. С моральной точки зрения доверие предполагает откры-

тость человека, уважение его к другим людям. П. А. Кропоткин приводил в пример стадные виды животных, которым взаимопомощь помогает эффективно эволюционировать и поддерживать выживаемость вида. А среди людей взаимопомощь помогает развиваться физически, нравственно и духовно. Человеческое общество держится не на любви и уважении, а на принципах солидарности и взаимозависимости [4].

Волонтерство, или волонтерская деятельность (от лат. *voluntarius* — добровольный), — это широкий круг деятельности, включая традиционные формы взаимопомощи и самопомощи, официальное предоставление услуг и другие формы гражданского участия, которая осуществляется добровольно на благо широкой ответственности без расчёта на денежное вознаграждение [5].

Социальное волонтерство — это оказание безвозмездной помощи людям, находящимся в трудной жизненной ситуации. На сегодняшний день сферы применения добровольной работы граждан становятся чрезвычайно многообразны: поддержка социально незащищенных групп населения, помощь и услуги пожилым людям, поддержка семей с детьми, больными специфическими, тяжелыми заболеваниями, профилактика алкоголизма и наркомании, инфицирования вирусом иммунодефицита человека, борьба с детской безнадзорностью, помощь инвалидам, бездомным, лицам, отбывающим наказание и вышедшим из мест заключения, и др. [6]

В основе мотивов, побуждающих людей к добровольной работе в социальной сфере, лежит значительный спектр индивидуальных и социальных потребностей, присущих каждому человеку:

— потребность в общении и стремление быть социально полезным другим людям, потребность применения профессионального и житейского опыта (молодые пенсионеры);

— потребность влиять и участвовать в социальных изменениях, желание реализовать себя, свои инициативы (люди с высшим образованием, специалисты в гуманитарных областях);

— потребность в милосердии, доброте, подвижничестве и стремление решать проблемы других людей и свои собственные.

Взаимопомощь — это необходимость для выживания в суровых холодных условиях. Издревле коренные жители Якутии помогают

друг другу, будь то родственник, сосед или незнакомый человек, попросивший помощи. Зима в Якутии настолько долгая и холодная, что население, чтобы встретить и пережить грядущие морозы, уже с весны начинает готовиться к следующей зиме.

Весной каждый сельский житель начинает строить, ремонтировать, утеплять дома, хозяйственные постройки и приводить в порядок приусадебные участки. Летом начинаются сельскохозяйственные работы: сенокос, работы в огороде, сбор ягод, грибов, лекарственных трав, заготовка запасов на зиму. Сенокос порой продолжается до тех пор, пока не выпадет первый снег.

В наших суровых климатических условиях человек должен уметь правильно вести хозяйство, распорядиться своим временем так, чтобы планомерно проводить сезонные работы, к которым относится заготовка льда.

Поздней осенью сельчанам необходимо запастись льдом, так как в селах нет водопровода, чистую питьевую воду традиционно получают, растопляя лед. Процесс заготовки льда в сельской местности имеет большое значение, практические навыки передаются из поколения в поколение. Лед заготавливают в начале ноября, когда его толщина достигнет примерно 20—25 см. Водоем, предназначенный для выколки льда, должен иметь глубину не менее 0,75 м, достаточно чистую, незаболоченную воду и пологие, удобные для выемки льда берега. На зиму для одной семьи в среднем требуется заготовить 150—170 кусков льда [7]. Эта работа требует большого физического труда, осторожного поведения на воде и использования автотранспорта, чтобы донести до пункта назначения.

Также поздней осенью, когда земля замерзает и опадают листья деревьев, начинают заготавливать дрова. Заготавливают дрова из сухостоя, чтобы не повредить живые деревья. На зиму, на один дом необходимо 4—5 прицепов дров. На заготовку дров ездят коллективно — мужчины нескольких семей.

Несмотря на суровые климатические условия сдвоенного холода (экстремально низкие температуры воздуха и земли), коренные жители занимаются скотоводством — данная деятельность является для народа саха традиционной. Сенокос, забои скота, заготовка льда и дров, подледная рыбалка всегда проходили как событие,

праздник с участием большого числа людей. Так как данные виды работ сезонные и трудоемкие, чтобы все успеть за короткий световой день, люди помогают друг другу, а чувство того, что полезен обществу, помогает утвердиться в жизни. Добрая жизнеутверждающая энергетика совместного труда, чувство уверенности в том, что благополучно переживут зиму, объединяют родственников, соседей, друзей.

Природно-климатические условия региона обуславливают специфику видов помощи, в которой больше нуждаются пожилые люди, люди с ограниченными возможностями для того, чтобы они смогли благополучно перезимовать в своих домах. Людям пожилого возраста с каждым годом все труднее дается подготовка к перезимовке. Особенно остро данный вопрос стоит перед пожилыми людьми, живущими в сельской местности в домах с печным отоплением, которые берут питьевую воду, расплавляя лед. В селах Якутии социальные волонтеры летом помогают пожилым людям в сборе засохшей бересты, которая очень хорошо подходит для разгорания топки печи, ведут ремонтные работы по утеплению, облагораживанию жилья, поздней осенью — участвуют в заготовке дров, льда для питьевой, хозяйственной воды на зиму, ловят рыбу в подледной рыбалке (мунха).

Все эти специфические виды деятельности традиционны среди добровольцев волонтерского центра ФГБОУ ВО «Чурапчинский государственный институт физической культуры и спорта», созданного в 2015 г. Каждый год студенты и преподаватели помогают пожилым людям, ветеранам и социальным семьям микрорайона «Спортивный». Участие студентов в традиционной деятельности коренных народов Якутии позволяет «помнить, что наши корни уходят глубоко в сельский традиционный образ жизни. Село — колыбель любой нации», в этом смысл этнопедагогического волонтерства.

Взаимопомощь людей также очень важна при непредвиденных обстоятельствах в зимнее время. Так как большая часть территории Республики Саха (Якутия) расположена в зоне средней тайги, которая к северу сменяется зонами лесотундры и тундры, расстояние между населенными пунктами существенное. Чтобы попасть из

одного населенного пункта в другой, необходимо воспользоваться авто-, авиа-, водным транспортом. Существует негласный закон — если на дороге зимой что-нибудь случится, проезжающие машины обязательно останавливаются и стараются оказать помощь. Ведь в 50-градусные морозы каждая секунда дорога. Если водители собираются в дальнюю дорогу, как правило, едут минимум по двое, чтобы страховать друг друга в непредвиденных обстоятельствах, заранее проверяют готовность и исправность транспорта, наличие инструментов, ведь любая поломка в пути может оказаться фатальной.

Коренные жители Якутии занимаются охотой, рыбалкой. У них есть незыблемое правило оставлять в охотничьей избушке соль, заварку, утварь первой необходимости, поленья, чтобы любой путник согрелся, отдохнул.

Все вышесказанное выражает идеологию социального волонтерства: “только добрые отношения и созидательные дела могут наполнить смыслом и душевным здоровьем жизнь человека”. В условиях природного холода развивается теплота социальных отношений.

Душа Холода проникает в творческую душу человека. Потому в Якутии сохраняется уникальное живое культурное, духовное наследие коренных народов, исконные виды жизнеобеспечения, хозяйственно-культурный уклад. Здесь можно увидеть и изучить способы использования холода, льда, снега и сосуществования человека с природой. Здесь люди хорошо осведомлены о природе и говорят о ней по-своему, они знают, как надо ее слушать, чтобы понять Дух земли, который хранит Холод для общего баланса на всей планете. Это еще раз показывает важность и значимость Холода для жизни всех людей [8].

Н. С. Лукьянова подчеркивает необходимость волонтерской помощи для сохранения экологии и развития туризма в Арктике [9].

Вышеуказанное подтверждают ответы респондентов социологического исследования «Волонтер Якутии», проведенного автором в 2017—2018 гг. Анкетирование проведено среди стихийных и организованных волонтеров — людей, имеющих опыт в волонтерстве в разных сферах жизнедеятельности, проживающих в Республике Саха (Якутия) (n = 507) по принципу отбора типичных представителей ме-

тодом «снежного кома». Анкета состояла из 7 блоков и 68 вопросов. В исследовании участвовало: мужчин — 49,1 %, женщин — 50,9 %. Ранжирование по возрасту: от 14 до 17 (15,6 %), от 18 до 35 (17,9 %), от 36 до 44 (16,6 %), от 45 до 55 (18,7 %), от 56 до 65 (16,4 %) и выше 65 лет (14,8 %). Большая часть респондентов имеет высшее (44,8 %) или среднее специальное (26,2 %) образование. Респонденты трудоустроены (54,2 %) или получают образование (22,5 %). В опросе участвовали жители всех групп районов Республики Саха (Якутия) почти в равных количествах: северная (20,1 %), южная (19,7 %), виллюйская (19,7 %), заречная (20,7 %), центральная (19,7 %).

Большинству респондентов оказывали безвозмездную помощь (78,3 %), участники анкетирования в промежутке 12 месяцев до опроса безвозмездно помогли (81,5 %) в основном людям пожилого возраста (28,1 %), детям (27,4 %), взрослым (23,5 %), организации (11,7 %), животным, природе (9,4 %). Их помощь в основном была по собственному желанию, по своей инициативе (58,5 %), некоторые участвовали в акции, проекте добра — 25,4 %, как опыт участия в крупномасштабном мероприятии — 10,7 %, по заданию вуза — 5,4 %.

Из полученных результатов видно, что все респонденты оказывали безвозмездную помощь, занимаясь в основном социальным волонтерством. Одной из причин занятия волонтерством респонденты считают, что им когда-либо в жизни тоже помогали. Опрос в основном проводился среди сельских жителей. Опыт, знания сложности жизни в сельской местности на территории с экстремально низкими температурами помогают людям взаимодействовать, поддерживать друг друга. Респонденты подтвердили опыт участия в социальном волонтерстве (62,3 %), из них желание продолжать эту деятельность подтвердили 50,3 % и 12 % респондентов выразили желание принять участие. Большинство респондентов готовы заниматься волонтерством ежемесячно (83,2 %).

Волонтеры занимаются волонтерской деятельностью преимущественно потому, что они получают удовольствие от того, что они полезны нуждающимся (32,8 %), из-за желания расширения своего кругозора, получения нового опыта общения, работы (19,5 %), потому что им когда-то оказали безвозмездную помощь (78,3 %), нетер-

пимо относятся к социальной несправедливости (12,6 %), профессионально подготовлены помогать людям (12,1 %), их родственники, друзья занимаются волонтерской деятельностью (5,2 %).

Выявлено, что у волонтеров больше преобладают внутренние мотивы (58,9 %), чем внешние (41,1 %). Это соотношение показывает, что стихийные волонтеры Якутии являются преемниками традиционных ценностей взаимопомощи и совершают добрые поступки, чтобы действительно помочь нуждающемуся, уменьшить социальное напряжение в обществе и в какой-то мере самоутвердиться в жизни.

Далее рассмотрим, есть ли особенности у якутских волонтеров, сформированные экстремальными климатическими условиями, духовно-нравственными ценностями, традициями титульной нации республики, отдаленностью Якутии от центра России. Для этого используем данные российской государственной статистики [10], данные из отчета Министерства по делам молодежи и семейной политики Республики Саха (Якутия) [11] и результаты авторских исследований.

Волонтер-якутянин представляет собой человека с высшим образованием (44,8 %), проживающего в Якутии более 10 лет (30,4 %) или с рождения (57,4 %).

По результатам данных российской государственной статистики уровень участия населения в возрасте от 15—72 лет в волонтерской трудовой деятельности в Республике Саха (Якутия) составляет 1,8 %, что соответствует среднему показателю по России. Между тем имеются и специфические особенности в Якутии. Во-первых, по характеристикам места жительства — волонтерством в основном занимаются сельские жители (4,3 %), это один из самых высоких показателей по России. Если процент волонтеров, проживающих в городской местности Дальневосточного федерального округа, равен 63,7 %, что только на 12,5 % ниже количества волонтеров РФ (75,2 %), то процент городских волонтеров в Республике Саха (Якутия) равен лишь 20,3 %, хотя преобладающая часть якутян проживает в городской местности. Эту особенность можно объяснить традициями и необходимостью взаимопомощи у сельчан в суровых природных условиях. Во-вторых, по гендерному признаку:

если волонтеров женского пола по Российской Федерации больше, чем мужского пола ($1,6 > 1,0$), то в Якутии волонтеры по гендерному признаку делятся поровну ($1,8 = 1,8$). Это соотношение следует объяснить особенностями волонтерской деятельности в Якутии, где востребован труд волонтеров для спасения людей от наводнений, пожаров, поиска потерявшихся в тундре, тайге, горах, снабжения топливом, льдом уязвимых слоев населения, что требует преимущественно мужской помощи. В-третьих, по возрастному составу волонтеров: структура волонтеров по возрастным группам: волонтеры-якутяне в возрасте от 15—29 лет составляют 28,8 %, что почти равно доле волонтеров данной возрастной группы по России (27,4 %), далее наблюдаются отличия. В Якутии волонтеры в возрасте от 30—49 лет составляют 41,4 %, что больше количества волонтеров по стране (35,8 %), от 50—72 лет — 29,8 %, что гораздо ниже доли по России (36,8 %). Следовательно, волонтеры в Якутии отличаются более молодым возрастом и представляют собой преимущественно мужчин и женщин в равной пропорции, живущих в сельских местностях Якутии.

По данным отчета Министерства по делам молодежи и семейной политики РС(Я) 2017 года, в республике зафиксированы 4 536 организованных волонтеров, что составляет 0,8 % от всего трудоспособного населения республики (566 100 чел.). Таким образом, в Якутии преобладают стихийные волонтеры (1 %).

Волонтеры вне зависимости от возраста считают, что из предложенных определений волонтерства наиболее полно соответствует вариант, определяющий волонтера как «человека, бескорыстно делающего добро, исходя из своих убеждений в необходимости помощи людям» (71,8 %).

Результаты интервью, проведенного в 2018 г. среди активных волонтеров от 18 до 55 лет с применением выборки типичных представителей ($n = 50$), показал, что мотивации у волонтеров — это желание помогать окружающим, делать мир добрее, делиться своей энергией, получать жизненный опыт, новые знания, узнавать традиции и культуру народов, заводить знакомства с интересными людьми, иметь возможность увидеть другие города, страны, зарядиться позитивной энергетикой.

Качествами волонтера участники интервью считают доброжелательность, ответственность, дисциплинированность, коммуникабельность, понимание, стрессоустойчивость, мобильность, умение работать в коллективе, общительность, внимательность, умение быстро ориентироваться в ситуации, уметь четко отвечать на заданные вопросы, во время волонтерской деятельности не должен показывать вредные привычки употреблять алкоголь, психотропные вещества, курить. Волонтер должен заниматься самообразованием, духовным обогащением. Немаловажным качеством волонтера, по мнению респондентов, является умение приподнять настроение людям, попавшим в трудную жизненную ситуацию. По мнению некоторых респондентов, у волонтера должны быть лидерские качества, организаторские способности.

Ценностями волонтерства якутские волонтеры считают: гуманизм, неравнодушие к проблемам людей, толерантность, патриотизм, человечность, доброжелательность, уважение к другим людям, нравственные, моральные устои.

По мнению волонтеров, существует взаимосвязь между ценностями волонтерства и традиционными ценностями народов Якутии. Это видно из истории коренных жителей Якутии. Из ответов волонтеров на основе вышесказанного можно утверждать, что в Якутии стихийное волонтерство является ресурсным потенциалом института волонтерства республики, а история развития добровольчества, меценатства, попечительства — фундаментом институционализации волонтерства региона.

Следует отметить, что по сравнению с другими регионами России в Республике Саха (Якутия) организованное волонтерство находится в стадии развития.

Результаты исследований позволяют заключить, что волонтер — это человек, который хочет помочь и оказывает помощь как физического, так и интеллектуального характера без материального вознаграждения. При этом мотивация для осуществления такого рода помощи может носить внутренний и внешний характер: от устремления сделать мир лучше, выполняя свой гражданский долг, до ожиданий карьерного роста и расширения круга полезных знакомств.

Волонтерство в Якутии, помимо своих основных помогающих функций, в экстремально-климатических условиях сдвоенного холода выступает как способ сохранения и укрепления духовно-нравственных ценностей, преемственности традиций, культуры народа и приумножения добра в обществе.

Библиографический список

1. Чуйкова Л. Ю. Предпосылки экологического подхода к анализу социальных проблем // Астраханский вестник экологического образования. 2017. № 3 (41). С. 21—28.
2. Кропоткин П. Взаимопомощь как фактор эволюции. М.: Самообразование, 2007. 240 с.
3. Алексеева Г. Г. Ресурсный потенциал волонтерства в Республике Саха (Якутия) // Вестник Северо-восточного федерального университета. 2018. № 3(11). С. 44—51. URL: <http://escsvfu.ru/wp-content/uploads/2018/11/ЭСК-3-2018.pdf> (дата обращения: 30.08.2019).
4. Взаимопомощь. Мораль и общество. Социальная этика. URL: <http://ethics-center.ru/vzaimopomoshh.html> (дата обращения: 30.08.2019).
5. Болотова Л. В. Организация добровольческой деятельности как аспект вузовской подготовки будущих социальных работников // Организация добровольческой деятельности как аспект вузовской подготовки будущих социальных работников: материалы автореф. дис. ... канд. пед. наук. Тамбов, 2007. 8 с.
6. Климова С. Г., Петренко Е. С. Ресурсы российского добровольческого движения: аналит. докл. по результатам исследований ФОМ 2012—2013 гг. М.: ФОМ, 2014. 106 с.
7. Егоров М. А., Уйгурова Р. И. Заготовка льда // Юный ученый. 2017. № 1. С. 22—23. URL: <http://yun.moluch.ru/archive/10/652/> (дата обращения: 22.01.2018).
8. Винокурова У. А. Экодуховное влияние холода на развитие спорта в условиях криолитозоны с экстремально низкими температурами воздуха // Международные спортивные игры «Дети Азии» — фактор продвижения идей Олимпизма и подготовки спортивного резерва: материалы международной научной конференции, посвященной 20-летию I Международных спортивных игр «Дети Азии» и 120-летию Олимпийского движения в стране / под общ. ред. М. Д. Гуляева. Чурапча, 2016. 720 с.
9. Лукьянова Н. С. Волонтерское движение в Арктике: особенности, задачи, опыт // Журнал Института Наследия. 2016. № 1 (4). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/volonterskoe-dvizhenie-v-arktike-osobennosti-zadachi-opyt> (дата обращения: 22.04.2019).
10. Статистический бюллетень «Обследование рабочей силы», Росстат, 2016. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140097038766/.

11. Доклад Владимирова А. С. на заседании Совета по местному самоуправлению при Главе Республики Саха (Якутия) 2017 года.

References

1. Chujkova L.Yu. Predposylki ekologicheskogo podhoda k analizu social'nyh problem. [Ludmila Chujkova Ecological approach to the analysis of social problems] *Astrahanskij vestnik ekologicheskogo obrazovaniya*, no 3 (41) 2017. pp. 21—28. (In Russ.);

2. Kropotkin P. *Vzaimopomoshch' kak faktor evolyucii*. [Mutual assistance as a factor in evolution] Moscow, Samoobrazovanie Publ., 2007. 240 p. (In Russ.);

3. Alekseeva G. Алексеева Г.Г. Resursnyj potencial volonterstva v Respublike Saha (Yakutiya). [Galina Alekseeva. Resource potential of volunteering in the Republic of Sakha (Yakutia)] *Vestnik Severo-vostochnogo federal'nogo universiteta*, no 3(11). 2018. pp. 44—51. (In Russ.) Available at: <http://escsvfu.ru/wp-content/uploads/2018/11/ЭСК—3—2018.pdf> (accessed 30.08.2019);

4. Vzaimopomoshch'. Moral' i obshchestvo. Social'naya etika. [Mutual assistance. Morality and society. Social ethics.] (In Russ.) Available at: <http://ethicscenter.ru/vzaimopomoshh.html> (accessed 30.08.2019);

5. Bolotova L. V. *Organizaciya dobrovol'cheskoj deyatel'nosti kak aspekt vuzovskoj podgotovki budushchih social'nyh rabotnikov. Avtoref. cand. diss.* [Organization of volunteerism as an aspect of university training of future social workers. Abstr. cand. diss.]. Tambov.—2007. 8 p. (In Russ.);

6. Klimova S.G. *Resursy rossijskogo dobrovol'cheskogo dvizheniya analit. dokl. po rezul'tatam issledovanij FOM 2012—2013 gg.* [Resources of the Russian volunteer movement: analyte. doc. according to the results of the FOM 2012—2013] Moscow, FOM, 2014. 106 p. (In Russ.);

7. Egorov M. A., Ujgurova R. I. *Zagotovka l'da* [Ice making] // *YUnyj uchenyj*, 2017, no. 1.1. (In Russ.) Available at: <http://yun.moluch.ru/archive/10/652/> (accessed 22.01.2018);

8. Vinokurova U.A. *Ekoduhovnoe vliyanie holoda na razvitie sporta v usloviyah kriolitozony s ekstremal'no nizkimi temperaturami vozduha* [Ulyana Vinokurova. Ecological Spiritual Influence of Cold on the Development of Sports in the Conditions of Cryolithozone with Extremely Low Air Temperatures]. *Mezhdunarodnye sportivnye igry «Deti Azii» — faktor prodvizheniya idej Olimpizma i podgotovki sportivnogo rezerva: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 20-letiyu I Mezhdunarodnyh sportivnyh igr «Deti Azii» i 120-letiyu Olimpijskogo dvizheniya v strane* [International Sports Games «Children of Asia» — a factor in promoting the ideas of Olympism and preparing a sports reserve: Materials of the international scientific conference dedicated to the 20th anniversary of the International Sports Games «Children of Asia» and the 120th anniversary of the Olympic movement in the country] 2016, p. 720 (In Russ.);

9. Luk'yanova N.S. *Volonterskoe dvizhenie v Arktike: osobennosti, zadachi, opyt.* [Volunteer movement in the Arctic: features, tasks, experience] *Zhurnal Instituta*

Naslediya. 2016, no.1 (4). (In Russ.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/volonterskoe-dvizhenie-v-arktike-osobennosti-zadachi-opyt> (accessed 22.04.2019);

10. *Statisticheskij byulleten' «Obsledovanie rabochej sily»* [Statistical Bulletin Labor Force Survey], Rosstat, 2016. (In Russ.) Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140097038766/.(accessed 08.08.2017);

11. *Doklad Vladimirova A.S. na zasedanii Soveta po mestnomu samoupravleniyu pri Glave Respubliki Saha (Yakutiya) 2017* [Report by Vladimirov A.S. at a meeting of the Local Government Council under the Head of the Republic of Sakha (Yakutia) 2017].

С. Л. Чернышова

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург

Особенности косторезного искусства Чукотки

Статья посвящена выявлению основных факторов и процессов исторического развития косторезного искусства береговых чукчей и азиатских эскимосов. Основная тематика изделий чукотско-эскимосского косторезного искусства связана с особым мировосприятием окружающей действительности палеоазиатских этносов, основанным на высокохудожественном вкусе, прирожденной наблюдательности, зрительной памяти, а также хороших знаниях анатомического строения того или иного животного. Своеобразное косторезное искусство Чукотки занимает исключительное место в арктической циркумполярной цивилизации.

Ключевые слова: *косторезное искусство, художественные промыслы, арктические этносы, этнокультура, арктическая цивилизация.*

S. L. Chernyshova

Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg

Peculiarities of the Chukotka bonecarving art

The article is devoted to identifying the main factors and processes of historical development of bone-carving art of the coastal Chukchi and Asian Eskimos. The main theme of the Chukchi-Eskimo bone-carving art products is associated with a special worldview of the surrounding reality of the Paleo-Asian ethnic groups, based on a highly artistic taste, natural observation, visual memory, as well as good knowledge of animal anatomical structure. The peculiar bonecarving art of Chukotka occupies an exceptional place in the Arctic circumpolar civilization.

Keywords: *Bone carving art, crafts, arctic ethnic groups, ethnoculture, arctic civilization.*

Введение

Современная социокультурная ситуация России характеризуется ростом интереса общества к уникальным традициям этнической культуры, формированием новых ценностно-мировоззренческих ориентиров. Этот интерес связан прежде всего с выявлением проблем сохранения и развития этнических культур.

Адаптационная способность выживать в суровых природно-климатических, ландшафтно-географических условиях Арктики, специфические особенности мировоззрения и мироощущения, высокие художественно-эстетические задатки автохтонных арктических этносов способствовали формированию уникальных художественно-выразительных средств изображения окружающего мира, созданию образов восприятия и передачи этого «видения» в искусстве. Данная особенность автохтонных народов Арктики ярко отражена в чукотско-эскимосской танцевально-пластической, музыкально-песенной культуре, а также в декоративно-прикладном искусстве и художественных промыслах, особое место в котором занимает косторезное искусство. Художественно-образное мышление, гармоничное сосуществование с природой и наблюдательность сформировали из охотников-морзверобоев искусных мастеров резьбы и гравировки по кости. Традиционный художественный промысел, связанный с резьбой и гравировкой по кости промысловых животных, — яркое и уникальное проявление художественно-изобразительного творчества палеоазиатов Арктической пустыни. Уникальность и эксклюзивность данного феномена художественной культуры, как полагают М. Бронштейн, И. Карахан и Ю. Широков, заключаются также в том, что: «Распространенное когда-то по всему Северу, косторезное искусство существует в наши дни лишь в нескольких ареалах, главным образом, на Аляске, в Якутии, а также в Чукотском автономном округе. Причем именно на Чукотке оно сохранилось в наиболее полном объеме, именно здесь продолжают развиваться стилистические традиции, утраченные художниками других арктических регионов» [1, с. 2]

Надо отметить, что косторезное искусство Чукотки, имеющее многолетние уникальные традиции и до настоящего времени сохранившее свои архаические черты, занимает исключитель-

ное место в общероссийской и мировой художественной культуре. Художественная обработка моржового клыка стала для чукотских и эскимосских мастеров-косторезов некой этнической философией.

Основная часть

Исследованию особенностей развития традиционного художественного промысла чукчей и эскимосов посвящены труды: В. В. Антроповой, С. А. Арутюнова, А. В. Бакушинского, В. Г. Богораза, Ю. В. Бромлея, М. М. Бронштейна, Б. Василевского, В. М. Василенко, И. С. Вдовина, Н. И. Вуквукай, Н. Л. Гондатти, А. Л. Горбункова, И. С. Гуревича, А. К. Ефимовой, Е. Зиберт, С. В. Иванова, З. И. Ивановой-Унаровой, Н. И. Каплан, И. Л. Карахан, М. Кирьяк (Дикова), Е. Н. Клитиной, Н. В. Кочешкова, С. П. Крашенинникова, И. П. Лаврова, Т. Б. Милянской, Н. П. Мосоловой, А. П. Окладникова, Е. П. Орловой, Н. П. Отке, Г. Н. Родионова, И. И. Романова, С. И. Руденко, Д. А. Сергеева, С. А. Семенова, П. Я. Скорика, В. А. Тишкова, М. В. Хабаровой, А. Я. Чадаевой, Л. И. Чубаровой, Ю. А. Широкова [2—6, др.].

В работах данных исследователей дается подробное описание становления уникального художественного творчества коренных малочисленных народов Чукотки, связанного с косторезным промыслом, выявляются основные его виды (скульптурное изображение, гравировка по кости, плоскорельефная резьба), даются искусствоведческий анализ произведений из кости и биографические описания выдающихся чукотских мастеров и мн. др.

На основании теоретического и сравнительного анализа искусствоведческой и этнографической литературы, освещающей особенности косторезного промысла Чукотки как вида искусства, были определены основные факторы и процессы исторического развития чукотского косторезного искусства, обусловленные социально-культурными особенностями и традициями национальной культуры палеоазиатских этносов Чукотского полуострова:

— I—V вв. (*древнеберенгоморский период*) — появление рельефной резьбы, создание первых зооморфных и антропоморфных скульптур из клыка моржа (амулетов), в форме упрощенных фигурок полярных животных, птиц и человека, которыми украшали предметы быта и охоты, одежду;

— *вторая половина 1-го тысячелетия н. э. (пунукский период)* — изменение криволинейного гравированного орнамента анималистических скульптур на геометризованный, прямолинейный;

— *XVIII—XIX вв.* — развитие малой скульптуры анималистического характера, украшенной гравированным орнаментом в виде точек, полосок;

— *начало XIX в.* — появление первых орнаментальных гравированных изображений на бытовых предметах и на целом моржовом клыке;

— *вторая четверть XIX в.* — распространение более разработанной реалистической скульптуры в виде фигурок с характерными выразительными чертами того или иного арктического животного;

— *начало и середина XIX в.* — изготовление скульптурных гравированных изделий из целой кости моржа в форме сувениров, не имеющих высокого художественного значения, предназначенных для обмена с торговцами;

— *середина XIX в.* — расширение ассортимента художественных изделий из кости моржа утилитарного и декоративного назначения, отражающих быт побережных чукчей и азиатских эскимосов;

— *середина XIX в.* — создание произведений из клыка моржа на тему «Жизнь арктических зверобоев»;

— *первая половина XIX — начало XX в.* — создание сюжетного гравировочного рисунка (графическая композиция) на цельном моржовом клыке;

— *первая половина XX в.* — развитие плоскорельефной резьбы по кости моржа (клыки с барельефными изображениями);

— *20—30-е гг. XX в.* — совершенствование приемов сюжетной гравировки на моржовых клыках;

— *20—30-е гг. XX в.* — становление гравировки как самостоятельного вида чукотско-эскимосского искусства и определение пути его дальнейшего развития (п. Дежнев, п. Наукан);

— *1928 г.* — организация первых учебных групп, кружков, бригад резчиков по кости на основе Чукотской культбазы в с. Сиреники и с. Чаплино;

— *1931 г.* — создание первой профессиональной косторезной мастерской в с. Уэлен, предназначенной для организации косторез-

ного художественного промысла на Чукотке, профессионального обучения и подготовки мастеров;

— *начало 30-х гг. XX в.* — разработка Научно-исследовательским институтом художественной промышленности (НИИХП) специальной программы, направленной на сохранение и развитие художественных традиций народов Чукотки;

— *30-е гг. XX в.* — появление изображений, выгравированных на клыках, отражающих окружающую реальную действительность арктических жителей Чукотки;

— *30-е гг. XX в.* — появление ажурной резьбы в обработке резной кости у чукчей и эскимосов;

— *1933 г.* — появление первых чукотских и эскимосских женщин-косторезов;

— *30-е г. XX в.* — обогащение цветовой гаммы графических композиций на клыке моржа, связанной со сменой черно-белых гравированных изображений на многосложные и многоцветные композиции;

— *середина 30-х гг. XX в.* — создание произведений из клыка моржа на тему фольклора;

— *конец 30-х — начало 40-х гг. XX в.* — демонстрация гравированных клыков и скульптурных изделий чукотских мастеров на всесоюзных и международных художественных выставках (например, Государственная Третьяковская галерея, выставочные павильоны Брюсселя (Бельгия), Монреаля (Канада), Осаки (Япония));

— *30—50-е гг. XX в.* — усовершенствование орудий для обработки кости (появление электрооборудования и электроинструментов в работе резчиков и граверов);

— *40-е гг. XX в.* — изготовление предметов декоративно-прикладного характера и европейского обихода, а также сувениров, предназначенных для музеев и выставок;

— *30—70-е гг. XX в.* — изменение тематики гравировки кости и скульптурных композиций из нее, отражающей социально-экономические и культурные преобразования советской Чукотки;

— *40—50-е гг. XX в.* — создание многофигурных изображений скульптуры (многофигурная скульптурная композиция) из кости моржа;

— *40—50-е гг. XX в.* — включение в скульптурные композиции графических изображений (скульптура на подставке, украшенной гравировкой);

— *начало 50-х гг. XX в.* — обогащение коллекций фонда Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника художественными изделиями из кости;

— *начало 50-х гг. XX в.* — обогащение коллекций Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР художественными изделиями из резной кости;

— *50-е гг. XX в.* — совершенствование круглой скульптуры малых форм;

— *вторая половина XX в.* — создание декоративных предметов с использованием различных материалов: кусочков крашеной кости, китового уса, сухожилий оленя, использование различных оттенков кости;

— *60-е гг. XX в.* — объемная резьба из мамонтовой, поделочной кости и рога оленя;

— *1965 г.* — основание Магаданской фабрики резьбы по кости и рогу оленя;

— *70—80-е гг. XX в.* — возрождение традиций создания браслетов, брелочков, декоративных подвесок из клыка моржа;

— *80-е гг. XX в.* — начало художественных работ со скелетной костью моржа и кита, рогом оленя и лося, бивнем мамонта;

— *80-е гг. XX в.* — включение в гравированные клыки мотива орнамента I тысячелетия нашей эры (орнаментальная композиция);

— *конец XX в.* — использование аппликативного метода в косторезном искусстве, основанного на наложении оленьего волоса в прикреплении;

— *конец XX — начало XXI в.* — усовершенствование приемов и техники круглой скульптуры, рельефной резьбы (плоскорельефная резьба, барельеф и горельеф), ажурной резьбы и цветной гравировки;

— *конец XX — начало XXI в.* — использование в косторезном искусстве чукчей и эскимосов техники инкрустации, основанной на включении в изделие различных материалов (клык моржа и кость кита, клык моржа и дерева);

— *конец XX — начало XXI в.* — появление в уэленской скульптуре произведений жанрового характера.

Именно эти факторы и процессы обусловили сохранность многовековых традиций чукотско-эскимосской художественной обработки кости, которая, пройдя длительный и сложный путь развития, из простого изготовления утилитарных предметов быта, выработала свой собственный этнический художественно-творческий стиль и преобразовалась в уникальный вид художественного искусства народов Чукотки, представленного круглой скульптурой, рельефной резьбой и гравировкой по кости.

Выявляя особенности развития косторезного искусства Чукотки, необходимо отметить, что основное место в нем занимает процесс создания изображений и образов полярных животных. Во-первых, это обогащало знания морских охотников и оленеводов об окружающей их природе. Именно на основе постоянных наблюдений за повадками животных в процессе морской охоты, хороших знаний их внутреннего строения формировалась уникальная художественная техника объемного изображения этих животных в природном материале (по кости). Во-вторых, способствовало изменению отношения человека к окружающей арктической природе, многие ее явления становились ему понятнее. Собственно благодаря развитию искусства создания изображения полярных животных из кости побережные чукчи и азиатские эскимосы приобрели возможность почувствовать себя неотъемлемой частью Арктики.

На наш взгляд, преобладание зооморфного декора в традиционном косторезном промысле коренных малочисленных народов Чукотки является неким проявлением их этнической ментальности. В своих произведениях мастера-косторезы искусно передают характерные позы животных, их манеру, повадки, поведения в естественных условиях. Например, в искусстве мелкой пластики середины XX века среди чукотских косторезов популярны сюжеты, ярко отражающие поединки крупных хищников (моржей, белых медведей и др. животных). Помимо тревожных сцен, в скульптурных группах мастеровски изображаются нежные чувства животных, проявляемые ими к своим детенышам.

Скульптурные композиции на тему, связанную с морским зверобойным промыслом, оленеводством, рыболовством, также занимают особое место в работах косторезов Чукотки. Все эти повествовательные изображения дают глубокое представление о специфике ведения этих видов хозяйств у автохтонных народов Чукотского полуострова.

Уникальным явлением, не имеющим аналогий в современном многонациональном российском искусстве, является отражение в искусстве чукотской гравировки фольклорных мотивов. Сказочно-фольклорные сюжеты в графических изображениях на клыках характерны для первой половины XX века. «В середине 1930-х годов мастер Рыпхыргин из эскимосского поселка Наукан впервые выполнил на клыке гравировку на сюжет народной сказки о глупом великане Келе («Черт и девки»). С тех пор фольклорные сюжеты прочно вошли в практику многих художников» [6, с. 7]. Таким образом, в данном виде народного творчества наблюдается тесное единство устного и изобразительного начала. Примечательно и то, что у каждого гравера один и тот же сюжет мог иметь авторскую интерпретацию, благодаря чему персонажи получали индивидуальную трактовку и отличительный пейзаж.

В процессе культурно-исторического развития для чукотско-эскимосского косторезного искусства выделились два основных направления: мелкая пластика и сюжетная гравировка. Основным материалом для создания изделий служил моржовый клык. Характеризуя моржовый клык как основной материал для художественной резьбы по кости у чукотско-эскимосских мастеров, Н. И. Каплан отмечает его уникальные природные особенности. «Костная ткань моржового клыка плотная, что называется литая; поверхность клыка хорошо полируется и может быть отполирована до зеркального блеска; цвет кости приятный, живой, чуть желтоватый» [4, с. 64] Помимо художественных изделий из кости моржа, резчики изготавливали самые разнообразные утилитарные вещи, необходимые в быту. «Совсем недавно целые клыки моржа употреблялись как полозья для ручных саней; из моржовой кости изготавливались части собачьей упряжки, рыболовные крючки, скребки для обработки кожи и другие промысловые предметы. В более от-

даленном прошлом кость почти целиком заменяла металл; из нее, кроме вышеназванных предметов, изготавливались наконечники стрел, копий, дротиков, посуда, рукояти ножей, застежки для поясов и многие другие бытовые вещи» [2, с. 5].

В дальнейшем чукотские мастера-художники стали использовать кости и других морских животных, например скелетную кость кита. Несмотря на то что она уступает моржовой кости, кость кита все же обладает некоторыми преимуществами. Как отмечает Н. И. Каплан: «Конечно, скелетная кость кита не так красива сама по себе и не так благородна по структуре и цвету. Но все же кость достаточно крупная, массивная и представляет собой естественный, природный, типично северный материал. По сравнению с прежними скульптурами из моржового клыка скульптуры из китовой кости более чем в два раза крупнее, поверхность их лишена блеска, поскольку исходный материал плохо поддается полировке. Но пластическая выразительность, образная убедительность, присущая чукотской скульптуре, остается на прежнем высоком уровне» [4, с. 71—72].

В современном косторезном искусстве нашли широкое применение рога оленя или лося, на наш взгляд, прежде всего за счет его качественных характеристик: как наиболее мягкого и легко поддающегося обработке материала, который после обработки и полировки приобретает разнообразные декоративные качества, в том числе богатство тона и цвета [7, с. 239].

Итак, среди материалов для создания предметов косторезного искусства наиболее распространенными у мастеров-резчиков Чукотки являются моржовая кость, скелетная кость морских животных (диски позвоночника кита), зуб кашалота, бивень мамонта, рог оленя, лося.

Необходимо отметить, что именно чукотское косторезное искусство характеризуется тем, что оно сохранило свои специфические особенности в наиболее полном объеме и развило стилистические традиции, которые, к сожалению, утрачены косторезами других регионов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Положительные тенденции наметились в современном развитии косторезного искусства Чукотки. Так, Н. И. Вуквукай отмечает:

«Сегодня косторезный промысел на Чукотке — неотъемлемая и самобытная часть художественной культуры. Древнему ремеслу обучаются дети в школах искусств, Чукотском многопрофильном колледже, где им преподают основы мастерства опытные резчики» [3, с. 140]

В ГАПОУ ЧАО «Чукотский многопрофильный колледж» (г. Анадырь) успешно осуществляется дополнительная подготовка специалистов в области традиционной культуры и искусства народов Севера. Обучение косторезному искусству здесь осуществляется в форме секционных занятий, которые проводятся в рамках творческой лаборатории «Народные художественные промыслы народов Севера».

Особое значение в сохранении и развитии чукотского косторезного промысла приобретает деятельность социокультурных институтов, среди которых выделяется Фонд национальной культуры, сформированный общественным объединением «ЭйнЭв». Его деятельность направлена на возрождение уникальных техник чукотского косторезного искусства, в том числе и передачу этих знаний молодым мастерам. Фонд также организует внеучебную деятельность в рамках творческих кружков, действующих при школах, домах творчества, а также при музеях и музейных центрах Чукотского автономного округа. Например, в Билибинском районном краеведческом музее им. Г. С. Глазырина на протяжении многих лет плодотворно ведется обучение молодежи основам косторезного искусства. Занимаясь в студии, школьники приобретают уникальные знания по художественным традициям народов Севера с учетом современных тенденций и направлений. Обучают школьников косторезному промыслу Чукотки Дьячков Александр Иванович (эвен, родом из с. Омолон Билибинского района ЧАО) и Рультырей Александр Сергеевич (чукча, родом из села Кепервеем Билибинского района ЧАО). Творческие работы данных мастеров неоднократно выставлялись на Международной выставке-ярмарке «Сокровища Севера» (г. Москва).

Музейный центр «Наследие Чукотки» является на сегодняшний день крупным фондовым собранием косторезной коллекции заслуженных мастеров — резчиков по клыку моржа и граверов, а так-

же произведений молодых косторезов, позволяющих проследить новые тенденции в этом виде народного художественного промысла [5, с. 75].

Эффективными мерами сохранения, поддержки и развития народных художественных промыслов Чукотского автономного округа является ежегодная окружная выставка-ярмарка «Пеликен», организуемая в г. Анадыре на базе Музейного центра «Наследие Чукотки». Среди основных задач выставки-ярмарки необходимо выделить следующие:

- стимулирование творческого потенциала мастеров народных художественных промыслов ЧАО;
- выявление традиций, современного состояния и перспектив развития народных художественных промыслов и художественных ремесел ЧАО, в том числе сувенирного производства;
- развитие преемственности и новаторства в области передачи традиций народных художественных промыслов Чукотки [8].

Целью Художественной галереи «Кайныран» (г. Анадырь) является охрана памятников истории и культуры Чукотского автономного округа, а также актуализация традиционного косторезного искусства побережных чукчей и азиатских эскимосов. На выставках, организованных галерей, проходят презентации творческих работ молодых мастеров-косторезов, благодаря этому получили известность мастера, выполняющие свои работы из оленьего рога и скелетной кости кита в необычной технике.

На сегодняшний день одним из самых крупных в мире центров изобразительного искусства аборигенных народов Арктики остается Центр развития народных промыслов «Уэленская косторезная мастерская им. М. Вуквола» (директор — Оськин Анатолий Александрович). Уэленская косторезная мастерская — самый узнаваемый бренд традиционной художественной культуры, народного искусства России. Косторезная мастерская Уэлена ежегодно становится участником ведущих региональных, российских и международных выставок, популяризируя самобытное изобразительное искусство чукчей и эскимосов Чукотки.

В сохранении и развитии косторезного искусства Чукотского полуострова особую роль играет Институт народов Севера РГПУ им.

А. И. Герцена (далее — ИНС Герценовского университета). В кабинете ДПИ и художественных промыслов коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока при кафедре этнокультурологии ИНС Герценовского университета проводятся лекционные и практические занятия, на которых студенты бакалавриата и магистратуры изучают историю косторезного искусства и приобретают начальные навыки обработки кости (клыка моржа, бивня мамонта, рога оленя). Занятия проводит народный мастер Чукотки, член Союза дизайнеров России, член союза художников России, старший преподаватель кафедры этнокультурологии ИНС Герценовского университета Елена Станиславовна Реснайс. «На занятиях в процессе преподавания основ ДПИ ведется поиск способов сочетания традиционных и современных техник мастерства, совмещения природных и синтетических материалов изделия, а также способов актуализации творческих методик, имеющих достаточно древнее происхождение, возникших в ином, часто утраченном культурном контексте» [8, с. 239]. Авторские работы Е. С. Реснайс имеют особую роль в современном чукотско-эскимосском косторезном искусстве.

Выводы

Уникальное специфическое искусство чукотских косторезов играло важную роль в становлении и развитии художественной культуры Чукотки, оставив заметный след в арктической циркумполярной цивилизации. Тематические сюжеты скульптуры и графические рисунки косторезного искусства Чукотки отражают этническое своеобразие убедительного пластического отображения окружающего мира, характерного для сурового арктического региона, и этническую культуру коренных арктических жителей.

Современная художественная резьба по кости народов Чукотки переживает активную фазу творческих поисков, создавая образ циркумполярной цивилизации. Именно эта особенность позволяет поддерживать историческую связь с предшествующими поколениями, обуславливает устойчивое развитие Арктики.

Библиографический список

1. Бронштейн М. М., Карахан И. Л., Широков Ю. А. Резная кость Уэлена. Народное искусство Чукотки. М.: Святигор, 2002. 100 с.
2. Антропова В. В. Современная чукотская и эскимосская резная кость // Сборник Музея антропологии и этнографии: [научные статьи] / Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР; отв. ред. С. П. Толстов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 554 с.
3. Вуквукай Н. И. Декоративно-прикладное искусство на Чукотке: история и перспективы развития // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2012. № 1.
4. Каплан Н. И. Народное декоративно-прикладное искусство Крайнего Севера и Дальнего Востока: Кн. для учащихся ст. классов. М.: Просвещение, 1980. 125 с.
5. Романова И. И. Косторезное искусство Чукотки // Культура и искусство Арктики: Научно-популярный журнал. 2015. № 1 (1).
6. Хабарова М. В. Народное искусство Чукотки. Л.: Художник РСФСР, 1978. 32 с.
7. Чернышова С. Л., Реснайс Е. С. Преподавание основ декоративно-прикладного искусства и художественных промыслов народов Севера, Сибири и Дальнего Востока кафедрой этнокультурологии Института народов Севера Герценовского университета // Реальность этноса. Роль образования, культуры и литературы в формировании российской гражданской идентичности: сборник статей по материалам XVII Международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию Института народов Севера Герценовского университета, Санкт-Петербург, 10—12 ноября 2015 г. / под науч. ред. И. Л. Набока. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2016. 503 с.
8. Урванцев В. В. V выставка-ярмарка народных художественных промыслов Чукотского автономного округа «Пеликен-2018». URL: <http://anadir.monavista.ru/news/2510265/> (дата обращения: 15.01.2018)

References

1. Bronstein M. M., Karakhan I. L., Shirokov Yu. A. *Reznaya kost' Uelena. Narodnoe iskusstvo CHukotki* [Carved bone of Uelen. Folk art of Chukotka]. Moscow, Svyatigor Press, 2002, 100 p. (In Russ.)
2. Antropova V. V. *Sovremennaya chukotskaya i eskimosskaya reznaya kost'* [Modern Chukchi and Eskimo carved bone]. *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii: [nauchnye stat'i]* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography: [scientific articles]] / Institut etnografii im. N. N. Mikluho-Maklaya AN SSSR; отв. ред. S. P. Tolstov [Institute of Ethnography. N. N. Miklouho-Maclay Academy of Sciences of the USSR; open ed. S. P. Tolstov]. Moscow; Leningrad, AN SSSR, 1953, 554 p. (In Russ.)
3. Vukvukai N. I. *Dekorativno-prikladnoe iskusstvo na CHukotke: istoriya i perspektivy razvitiya* [Decorative and applied art in Chukotka: history and develop-

ment prospects]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke* [Humanitarian research in Eastern Siberia and the Far East], 2012 no. 1. (In Russ.)

4. Kaplan N. I. *Narodnoe dekorativno-prikladnoe iskusstvo Krajnego Severa i Dal'nego Vostoka: Kn. dlya uchashchihsya st. klassov* [Folk arts and crafts of the Far North and the Far East: Prince. for students of art. Classes]. Moscow, Prosveshchenie, 1980, 125 p. (In Russ.)

5. Romanova I. I. *Kostoreznoe iskusstvo Chukotki* [Bone-carving art of Chukotka]. *Kul'tura i iskusstvo Arktiki* [Culture and art of the Arctic]. *Nauchno-populyarnyj zhurnal* [Popular science magazine], 2015, no. 1 (1). (In Russ.)

6. Khabarova M. V. *Narodnoe iskusstvo CHukotki* [Folk art of Chukotka]. Leningrad, Hudozhnik RSFSR Press, 1978, 32 p. (In Russ.)

7. Chernyshova S. L., Resnays E. S. *Prepodavanie osnov dekorativno-prikladnogo iskusstva i hudozhestvennyh promyslov narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka kafedroj etnokul'turologii Instituta narodov Severa Gercenovskogo universiteta* [Teaching the fundamentals of arts and crafts and crafts of the peoples of the North, Siberia and the Far East, Department of Ethnocultural Studies, Institute of the Peoples of the North, Herzen University]. *Real'nost' etnosa. Rol' obrazovaniya, kul'tury i literatury v formirovanii rossijskoj grazhdanskoj identichnosti. Sbornik statej po materialam XVII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 85-letiyu Instituta narodov Severa Gercenovskogo universiteta. Sankt-Peterburg, 10 — 12 noyabrya 2015 g.* [The reality of the ethnic group. The role of education, culture and literature in the formation of Russian civil identity. A collection of articles based on the materials of the XVII International Scientific and Practical Conference dedicated to the 85th anniversary of the Institute of the Northern Peoples of Herzen University. St. Petersburg, November 10 — 12, 2015] / *Pod nauch. red. I. L. Naboka* [Under the scientific. ed. I. L. Naboka]. SPb., RGPU im. A. I. Gercena, 2016, 503 p. (In Russ.)

8. Urvantsev V. V. *V vystavka-yarmarka narodnyh hudozhestvennyh promyslov CHukotskogo avtonomnogo okruga «Peliken-2018»* [V exhibition-fair of folk art crafts of the Chukotka Autonomous Okrug «Peliken-2018»]. Available at: <http://anadir.monavista.ru/news/2510265/>. (accessed 01.15.2018)

РЕКОМЕНДАЦИИ КРУГЛОГО СТОЛА «ХОЛОД И ЦИВИЛИЗАЦИЯ»

Круглый стол «Холод и Цивилизация» организован Комитетом по федеративному устройству, региональной политике, местному самоуправлению и делам Севера Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации, Государственным Собранием (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия), ФГБОУ ВО «Арктический государственный институт культуры и искусств», ФГБОУ ВО «Чурапчинский государственный институт физической культуры и спорта», АНО «Международный институт П. Сорокина — Н. Кондратьева» и Санкт-Петербургской научной общественной организацией «Арктическая общественная академия наук».

В работе круглого стола приняли участие депутаты Государственной думы и члены Федерального собрания Совета Федерации, депутаты законодательных органов Российской Федерации, руководители исполнительных органов Российской Федерации и Республики Саха (Якутия) и субъектов Российской Федерации, ведущие ученые различных научных организаций, ректоры и преподаватели университетов и институтов, общественных организаций арктических территорий Российской Федерации и др.

Арктическая цивилизация, включающая северные части евразийской, североамериканской и североамериканской цивилизаций, обладает уникальными природными ресурсами и богатейшим историческим опытом цивилизационного развития в условиях сурового арктического холода. В настоящее время Арктика является местом встречи цивилизаций, что предполагает возможность не только диалога и партнерства, но и соперничества и противоборства. Средством диалога, которое одновременно может быть и средством

противодействия агрессивному поведению со стороны других цивилизаций, является благоденствие и благосостояние народов, населяющих российский Север.

Не менее сильным оружием, потенциал которого проявляется, однако, только в сочетании с первым, являются идеи гуманизма. В современных условиях корпус гуманистических идей может быть представлен в форме концепции универсального гуманизма как нового цивилизационного принципа. В соответствии с этим принципом субъекты исторического процесса, центрирующие свою мультицивилизационную идентичность на принадлежности к российской цивилизации, имеют возможность вести диалог с другими субъектами исторического процесса, в том числе и в рамках арктической циркумполярной цивилизации, с позиций универсального гуманизма как нового цивилизационного принципа, что требует решения ряда конкретных задач.

Участники заседания круглого стола констатируют, что обсужденные проблемы связали глобальные цивилизационные процессы с особенностями влияния холода как определяющего фактора климата среды обитания человека и в истории цивилизаций. Россия, являясь самой холодной страной, до сих пор не имеет адекватной государственной политики, учитывающей фактор холода и глобального потепления в Арктике. Вызов суровых арктических земель остается без комплексного ответа России, о чем свидетельствует низкий уровень индекса человеческого развития (ИЧР) России по сравнению с другими арктическими странами, продолжающийся отток населения с российского сегмента, преобладающего в циркумполярной Арктике. Этот вызов должен быть принят прежде всего российской научной общественностью.

Ускоренное потепление климата в Арктике становится глобальной экологической угрозой, а также чревато необратимыми последствиями гуманитарного характера, утерей культурного наследия коренных народов Арктики, разрушением ценностей арктической цивилизации.

Участники заседания круглого стола отмечают, что проблемы правового, экономического, энергетического, социокультурного, экологического жизнеобеспечения населения экстремально холодных

регионов нуждаются в комплексном научном обосновании в интересах будущих поколений. Научное определение и нормативно-правовое закрепление сухопутной территории Арктической зоны России и её южной границы как арктического макрорегиона с опорными зонами должны стать базой для разработки системы комплексных критериев для отнесения той или иной территории к Арктической зоне Российской Федерации. Открытый перечень сухопутных территорий (приложение № 6 к Указу Президента РФ от 2 мая 2014 г. «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации») допускает усмотрительный способ отнесения той или иной территории к Арктической зоне РФ, что позволяет уточнить её границы. Непоследовательно использованный критерий «прямого выхода береговой линии Северного Ледовитого океана» не является достаточным, чтобы направить все ресурсы Арктики во благо качества жизни и безопасности россиян. 15 июня 2017 г. Президент РФ Путин В.В. заявил: «Арктика — важнейший регион, который будет обеспечивать будущее России. Сила и мощь России будут прирастать арктическим регионом». 9 декабря 2017 г. он обозначил историческую перспективу: «...Россия и в этом столетии, и в следующем будет прирастать Арктикой». Арктика — это большое будущее и большая угроза. Якутия является исконной землёй, где арктическая культура, сформировавшаяся в результате коэволюции человека и природы, фактически стала форпостом национальной безопасности России.

Необходимо признать особый характер сложившихся в Арктической зоне общественных отношений, требующих установления природоохранной доминанты и принципов соуправления с учётом свободного, осознанного и предварительного согласия коренных народов, создавших арктическую циркумполярную цивилизацию в ответ на вызовы стихии холода и в настоящее время оказавшихся в зоне экологической и техногенной угрозы. Глобальное потепление в Арктике разрушает сложившийся уклад жизни, социальную инфраструктуру и среду обитания. Арктика загрязнена металломом, отходами добывающих предприятий, неэксплуатируемых гидротехнических сооружений, хвостохранилищ, ликвидированных горнодобывающих предприятий министерств обороны, транспорта, промышленности СССР. Например, состояние хвостох-

ранилища Депутатского ГОК оценивается как предаварийное, угрожающее техногенным загрязнением бассейна реки Индигирки. Последствиями нанесенного экологического ущерба горнодобывающих предприятий становятся огромные глубокие провалы почв, оттаивание земли под поселениями, угроза загрязнения тяжелыми металлами питьевой воды рек и озер. Помимо проблемы ликвидации и консервации хвостохранилищ в Арктике имеется большое количество накопленного металлолома — наследие индустриализации по типу экофобной техногенной цивилизации. В одной только Якутии предварительно установлено 437 мест накопления лома черного и цветного металлолома (из них 84 % всего объема — на территории Арктической зоны). Местное население крайне озабочено сложившейся ситуацией и активно защищает естественное своеобразие Арктики, экологическую безопасность исконной среды обитания — хранилища мирового холода — природного баланса планеты.

Участники заседания круглого стола поддерживают резолюцию международной конференции «Арктика: перспективы устойчивого развития» (28 ноября 2014 г., г. Якутск), отметившей, что «проблема сохранения накопленного цивилизационного опыта народов, использующих природные особенности Арктики для жизнедеятельности и проживания, связаны напрямую с территориальным вопросом». Сегодня все активнее проявляется интерес к дальнейшему освоению и использованию ресурсов Арктики и вторжению в природные резерваты, которые для арктических народов являются родным домом и территорией традиционного природопользования. Индустриальное освоение Арктики не учитывает экофильные ценности арктической цивилизации. Российское бизнес-сообщество не несёт полной социальной и правовой ответственности за разрушение мерзлотного слоя почвы и слом уклада жизни коренных народов.

Участники круглого стола придают большое значение реализации в рамках государственной программы «Цифровая экономика России» проектов, направленных на более полное включение территорий Арктической зоны РФ в современное информационное пространство и преодоление цифрового неравенства, развитие

цифровой экономики в субъектах РФ, относящихся к Арктической зоне.

Участники круглого стола поддержали предложение о подготовке и проведении в Екатеринбурге международной выставки «ЭКСПО Арктика — 2020»; проведении на ее основе арктического Саммита государств-членов и членов-наблюдателей Арктического совета для выработки общей долгосрочной стратегии Арктики; проведении Цивилизационного форума по перспективам развития арктической цивилизации и размещении в экспозиции выставки виртуального музея «Арктическая цивилизация».

Участники заседания круглого стола обеспокоены деградацией криолитозоны, льдов Арктики, несущих угрозу безопасности современным цивилизациям и риски планетарного масштаба, разрушением единства и целостности природно-хозяйственных комплексов этноэкономической деятельности коренных народов.

Представляется целесообразным создание креативных мобильных творческих групп, которые вступят в диалог с коренными арктическими сообществами и начнут выработать нестандартные решения в различных областях человеческой деятельности, от технологии до философии, нацеленные на сохранение холода воздуха и земли, на природосбережение и сбережение населения в условиях холодных территорий.

Осознавая слабую научную разработанность влияния фактора холода на существование и развитие современных цивилизаций и первостепенную значимость его последствий для российских территорий, участники круглого стола рекомендуют Правительству Российской Федерации и Правительству Республики Саха (Якутия):

1. Разработать комплексное научное направление, мировоззрение, цивилизационную парадигму, «мерзлотную» культуру, организацию науки и образования, сбережения народа и природосбережения, нацеленные на формирование специфически арктического измерения жизнедеятельности в условиях «сдвоенного холода» (экстремально низких температур воздуха и криолитозоны).

2. Сосредоточить научные ресурсы на изучение холода как судьбоносного фактора существования российской цивилизации.

3. Разработать правовые основы установления особых режимов

природопользования, охраны, экологической очистки окружающей среды в Арктической зоне РФ, регулирования природосбережения и человекоосбережения в условиях криолитозоны, антропогенных и техногенных воздействий на целостность многолетнемерзлых грунтов, мамонтовой фауны, социальных обязательств предприятий-недропользователей и др.

4. Ввести фактор воздействия холода, экономический критерий «расходы, связанные с преодолением холода в расчете на душу населения», в Стратегии социально-экономического развития российских регионов с учетом особенностей и системы ценностей арктической цивилизации;

5. При определении границ Арктической зоны РФ необходимо использовать критерии степени дискомфорта, характеризующие холодные климатические условия территорий, а также методологию арктических социальных индикаторов (АСИ) Арктического совета (SDWG).

6. Разработать научное обоснование комплексных критериев степени дискомфорта для всей территории Якутии (или хотя бы 14 улусов / районов, в том числе Оймяконского улуса Якутии) для отнесения к Арктической зоне Российской Федерации.

7. Ввести понятие «геообразовательное пространство Арктики» в образовательную политику России, определить региональные особенности образовательной деятельности организаций среднего общего, дополнительного, профессионального образования, расположенных на территории «сдвоенного холода» (экстремально низкие температуры воздуха и криолитозоны), с учетом их геокультурной значимости и уникальности в условиях модернизации системы образования и внедрения нормативно-подушевого финансирования; придать данным вузам статус центров развития человеческого потенциала регионов РФ с особым программным развитием для более устойчивого и эффективного развития молодежи Арктики.

8. На региональном уровне предусмотреть финансирование комплексных научных исследований по мониторингу состояния здоровья населения, проживающего в экстремальных условиях Арктики.

9. Разработать территориальные строительные нормы с учетом

требований сохранения мерзлых грунтов, сейсмических характеристик территорий.

10. Совместно с соответствующими органами исполнительной власти субъектов РФ организовать работу по совершенствованию спортивной инфраструктуры в условиях северных регионов в целях обеспечения доступности спортивных объектов для систематических физкультурно-спортивных и оздоровительных занятий.

11. Содействовать продвижению уникальных экологических, культурных, образовательных и туристических брендов «Полюс Холода», «Чысхаан — Хранитель мирового Холода».

12. Содействовать созданию виртуального музея арктической циркумполярной цивилизации с участием всех арктических стран, открытию филиалов Международного университета диалога цивилизаций в арктических регионах.

Участники круглого стола рекомендуют Арктическому государственному институту искусств и культуры организовать дополнительное профессиональное образование в рамках арктического филиала Открытого университета диалога цивилизаций с участием слушателей арктических регионов и стран на базе учебника У. А. Винокуровой и Ю. В. Яковца «Арктическая циркумполярная цивилизация», удостоенного диплома Российского фонда развития образования.

Участники заседания круглого стола выражают благодарность организаторам Дней Якутии в Москве за предоставленную возможность в разработке идей и проектов по достижению лучшего будущего Российской Арктики.

Рекомендации приняты единогласно.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ LIST OF AUTHORS

Адамова Любовь Константиновна, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин Чурапчинского государственного института физической культуры и спорта (Чурапча, Россия),

e-mail: aina.ad@mail.ru

Adamova Lyubov Konstantinovna, PhD, associate Professor, Churapchinsky State Institute of physical culture and sport (Churapcha, Russia),

e-mail: aina.ad@mail.ru

Алексеева Галина Гаврильевна, старший преподаватель Чурапчинского государственного института физической культуры и спорта», аспирант Северо-восточного федерального университета им. М. К. Аммосова (с. Чурапча, Россия),

e-mail: g_g_alekseeva@mail.ru

Alekseeva Galina Gavrilevna, Senior Lecturer, Churapchinsky State Institute of Physical Education and Sports, Postgraduate Student, Amnosov North-East Federal University (Churapcha, Russia),

e-mail: g_g_alekseeva@mail.ru

Бабаева Анастасия Валентиновна, кандидат философских наук, доцент Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина, факультет гуманитарных наук, кафедра философии и общественных наук (Нижний Новгород, Россия),

e-mail: dff1890@yandex.ru

Babaeva Anastasia Valentinovna, PhD, Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University), Associate

Professor of Department of philosophy and social Sciences, (Nizhny Novgorod, Russia),
e-mail: dff1890@yandex.ru

Винокуров Егор Гаврильевич, кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Чурапчинского государственного института физической культуры и спорта (Чурапча, Россия),

e-mail: vinokurov.eg51@yandex.ru

Vinokurov Yegor Gavrilovic, PhD, Associate Professor, Churapchinsky State Institute of Physical Culture and Sport (Churapcha, Russia),

e-mail: vinokurov.eg51@yandex.ru

Винокурова Ульяна Алексеевна, доктор социологических наук, кандидат психологических наук, руководитель научно-исследовательского центра циркумполярной цивилизации Арктического государственного института культуры и искусств (г. Якутск, Россия),

e-mail: uottaah1707@gmail.com

Vinokurova Uliana Alekseevna, Doctor of Sociological Sciences, Candidate of Psychological Sciences, Head of Circumpolar Civilisation Research Centre, Arctic State Institute of Culture and Arts (Yakutsk, Russia),

e-mail: uottaah1707@gmail.com

Волокитина Надежда Александровна, кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина» (г. Сыктывкар, Россия),

e-mail: univ_edu@mail.ru

Volokitina Nadezhda Aleksandrovna, PhD, Associate professor, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Sykryvkar, Russia),

e-mail: univ_edu@mail.ru

Забулионите Аудра-Кристина Иосифовна, доктор философских наук, доцент факультета свободных искусств и наук Санкт-Петербургского государственного университета, профессор Института музыки, театра и хореографии Российского госу-

дарственного педагогического университета им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург),

e-mail: zabulionite_kristina@icloud.com

Zabulionite Audra-Kristina Iosifovna, Doctor of Philosophy, Associate Professor of the Faculty of Liberal Arts and Sciences of St. Petersburg State University, Professor of the Institute of Music, Theater and Choreography of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen (St. Petersburg, Russia),

e-mail: zabulionite_kristina@icloud.com

Земцова Ирина Вениаминовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры декоративно-прикладного искусства института культуры и искусства Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина, Народный мастер России (Сыктывкар, Россия),

e-mail: zemtsova56@mail.ru

Irina Veniaminovna Zemtsova, PhD, Professor, The Department of Arts and Crafts, The Institute of Culture and Art, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University. Member of the Union of Russian Artists (Syktyvkar, Russia),

e-mail: zemtsova56@mail.ru

Игнатъева Саргылана Семеновна, кандидат педагогических наук, профессор, профессор кафедры народной художественной культуры, ректор Арктического государственного института культуры и искусств (Якутск, Россия)

Ignatyeva Sargylana Semenovna, PhD, Professor, Professor of the Department of Folk Art Culture, Rector of the Arctic State Institute of Culture and Arts (Yakutsk, Russia)

Каримова Алла Бекмухамедовна, профессор, доктор политических наук, главный научный сотрудник НИ ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова, (Москва, Россия),

e-mail: albekar@yandex.ru

Carimova Alla Bekmuhamedovna, Professor, Doctor of Political Sciences, Chief Researcher, Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia),

e-mail: albekar@yandex.ru

Круглова Лариса Константиновна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и культурологии Государственного университета морского и речного флота имени адмирала С. О. Макарова (г. Санкт-Петербург, Россия),

e-mail: lkkruglova@gmail.com; ak@futures.ru

Kruglova Larisa Konstantinovna, Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Philosophy and Cultural Studies, Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping (St. Petersburg, Russia),

e-mail: lkkruglova@gmail.com; ak@futures.ru

Кузнецова Екатерина Вячеславовна, магистрант II курса Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина (г. Нижний Новгород, Россия),

e-mail: ia.4682739113@gmail.com

Kuznetsova Ekaterina Vyacheslavovna, Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University), Magistracy: Philosophy/Philosophy of history, philosophy of culture (Nizhny Novgorod, Russia),

e-mail: ia.4682739113@gmail.com

Лазарева Ольга Викторовна, магистр культурологии, аспирант кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры (г. Санкт-Петербург, Россия),

e-mail: ov_lazareva@mail.ru

Lazareva Olga Victorovna, MA in Cultural studies, Post-graduate student of the Department of Theory and History of Culture St. Petersburg State Institute of Culture (St. Petersburg, Russia),

e-mail: ov_lazareva@mail.ru

Мелихов Михаил Васильевич, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина (г. Сыктывкар, Россия),

e-mail: melikhovm@mail.ru

Melikhov Mikhail Vasilievich, Doctor of Philology, Professor, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Sykryvkar, Russia),

e-mail: melikhovm@mail

Ополев Павел Валерьевич, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры «Философия» Сибирского государственного автомобильно-дорожного университета (СибАДИ) (г. Омск, Россия),
e-mail: pvo-sinergetica@rambler.ru.

Opolev Pavel Valer'evich, PhD, Associate Professor of the Philosophy Department, Siberian State Automobile and Highway University (Omsk, Russia),
e-mail: pvo-sinergetica@rambler.ru

Томалинцев Владимир Николаевич, доктор философских наук, старший научный сотрудник факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия),
e-mail: dinuary77@yandex.ru

Tomalintsev Vladimir Nikolaevich, Doctor of Philosophy, Senior Researcher, Faculty of Sociology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia),
e-mail: dinuary77@yandex.ru

Худин Евгений Анатольевич, аспирант кафедры истории России и зарубежных стран института истории и права Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина (Сыктывкар, Россия),
e-mail: xy-din@yandex.ru

Khudin Yevgeny Anatolyevich, Post-graduate student of the Department of History of Russia and Foreign Countries, Institute of History and Law, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Syktyvkar, Russia),
e-mail: xy-din@yandex.ru

Чернышова Светлана Леонидовна, кандидат культурологии, доцент кафедры этнокультурологии Института народов Севера Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия),
e-mail: schernysheva@herzen.spb.ru; Luchiyanord@mail.ru

Chernyshova Svetlana Leonidovna, PhD, Associate Professor, Department of Ethnocultural Studies Institute of the Peoples of The North, Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russia),
e-mail: schernysheva@herzen.spb.ru; Luchiyanord@mail.ru

Шарапов Валерий Энгельсович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН (Сыктывкар, Россия),

e-mail: sharapov.valery@gmail.com

Sharapov Valerij Engelsovich, PhD, Leading Research Associate, Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Centre of Ural Branch of the Russian Academy of Science (Syktyvkar, Russia),

e-mail: sharapov.valery@gmail.com

Яковец Юрий Владимирович, доктор экономических наук, президент Международного института им. П. Сорокина — Н. Кондратьева, академик РАН (Москва, Россия),

e-mail: conchenckova-tam@ya.ru

Yakovets Yuri Vladimirovich, Doctor of Economics, President of the P. Sorokin — N. Konratyev International Institute, academician of the Russian Academy of Natural Sciences (Moscow, Russia),

e-mail: conchenckova-tam@ya.ru

Периодическое издание

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБРАЗОВАНИЕ

Научно-образовательный и методический журнал

№ 3(33) 2019

Редактор *Л. В. Гудырева*

Корректор *Е. М. Насирова*

Верстка и компьютерный макет *А. А. Ергаковой*

Тех. редактор *Т. В. Матвеева*

Выпускающий редактор *Л. Н. Руденко*

Подписано в печать 12.09.2019. Дата выхода в свет 30.09.2019.
Печать ризографическая. Гарнитура Cambria. Бумага офсетная.
Формат 60×84/16. Усл. п. л. 14,5. Уч.-изд. л. 12,0.
Заказ № 120. Тираж 500 экз.

Отпечатано в соответствии
с предоставленными материалами в ООО «Амирит»
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88.
Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33.
E-mail: zakaz@amirit.ru Сайт: amirit.ru